

63 5(2)

190

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО
ОБСКОМУ СЕВЕРУ

№ 1
1851 г.

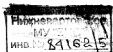
63 5(2)
1190

Путешествия

по Обскому Северу

**Григорий
НОВИЦКИЙ
Василий
ЗУЕВ**

*Под редакцией С.Г. Пархимовича
Составитель Ю.Л. Мандрика*

**Издательство Ю. Мандрики
Тюмень, 1999**

**———— Краткое описание ————
о народе остяцком,
сочиненное
Григорием Новицким
в 1715 году**

**———— Описание живущих ————
Сибирской губернии
в Березовском уезде
иноверческих народов
остяков и самоедцов,
сочиненное студентом
Васильем Зуевым**

Величество преславныхъ и превеликихъ дѣлъ сѣятелства
вашего, еже все православіе, всю подсолнечную неописан-
нымъ, необъемлемымъ наполни торжествомъ: не моего не-
удобства бысть се могутству достойно изобразити, еже нынѣ
съ работѣннымъ преклоненіемъ егда приношу, сѹмнѣніа и
ужаса исполненъ: яко недоволю єсть противъ величества
дѣлъ сѣятелства вашего, сіятѣйшій и благородѣйшій
князь, усѹмнѣтися въ истинну; наче же постыдѣтися подобаетъ
мнѣ, яко неудобство мое малѣйнымъ сѣмъ дерзну изобрази-
ти начертаніемъ толь преславная дѣла, толикое сѣмъ величіе,
еже не у миру змѣстимо єсть: тако убо простреси, тако
превзыде и превозпсѣся, яко вся наполни церкви веселіемъ,
православіе вождѣйнымъ благополучіемъ, благочестіе умно-
женіемъ, и вся стихія, землю, небо неизреченнымъ наполни
торжествомъ: не о единомъ бо грѣшникѣ спасеніа, но о мно-
гочисленнаго народа обращеніа утвори небеса радоватися.
Объемлетъ здѣ всю подсолнечную удивленіе, церковь Божию
веселіе; небеса побѣдительноє торжество, егда на сіа ви-
рають сѣятелства вашего добродѣтели на толикіа преслав-
ная о благочестіи тицаніе и труды; узрѣть здѣ, како непрео-
долѣнная по благочестіи ревность, ревнующая поревновахъ крѣп-
кою десницею, древнее низрину злочестіе, погуби злобу

идолску, нисведе в небесѣ милость, и побѣдоноснымъ церквѣ Божію отъ многочисленныхъ цѣтцовъ душъ человѣческихъ соплетеннымъ приложіи увѣнчаватися вѣнцемъ: вся убо сіа аще вишняго суть правленіе, заже обращеніе нешѣрно нѣсть человѣка хотяща, по Бога милующаго. Обаче вишняго правленіе и наставленіе тобою дѣйствова тобою утворн, въ тобѣ выѣсти благодати своя дары, благоразуміе, милосердіе, и всему угодная орудія толика преславныя дѣйствовать. Свѣтовидно здѣ яви себе миру великое благоразуміе сіятелства вашего, егда правленіе свое царственную Сибѣрь преславныхъ наполни величествомъ толь достойныя хвалы Божыя почти умноженіемъ всемірнымъ наполни вселіемъ, а что вышше яко обще всему государству приложы несумѣнно желасныхъ блазъ чашіе; ничтоже бо тако нисводитъ съ небесъ милость, всякъ блазъ подателниці, яко благочестіе, еже пшнѣ трудолюбнымъ тщаніемъ сіятелство ваше умножая умножаетъ миру благополучіе, предувнѣ высокимъ благоразсмотрителствомъ сіятелство ваше толико угодного проновся сей учителя, трудомъ непреодолишнаго, противниковъ яростію неустрашнаго, должайшѣмъ нуть шествіемъ неизнемагающаго, и аще глубочайшею старостію (еже самый недугъ) одержимъ естъ, обаче силою свыше укрѣпляетъ. Не изнемагае тщательнѣ и трудолюбнѣ богоугодное сіятелству же вашему и всему желаемому миру искати, умножать и утверждать благочестіе; умокну здѣ прочее, како таковое благоразуміе древнихъ благочестія ревнителей божественная мудрствующихъ. Весь миръ, все православіе, вѣчнымъ почитая, воспоминаетъ благодареніемъ: кими похвальнымъ послѣднему роду, даже и до днесъ и во вся вѣки земли и небеса слава превозноситъ пѣснями, како не-

преставними твердь самої истини церкви Божіа убажжастъ похвалами; но сіе всего подобіє въ лиці сїятелства вашего, аки въ зеркалі преславнимъ дѣла, тїцаніє и трудъ, не усминающее о умноженіи благочестія богомисліє, не только истое сего подобіє и образецъ, но самое существо являють, и аки свѣтло послѣдньому роду свѣтовидно изясняють и показують.

Прекрасная же и природная сїятелства вашего добродѣтель, милосердіє, яви себе миру паче полуденнаго свѣта. Егда сїй дивнїй Остапцїй и Вогулской народъ кротостію и благоразуміємъ притяжа благочестію, власть бо ярости исполненна не возмогла бы быти, привлекающая сихъ добродѣтель до такового повиновенія, дабы своє паче житіє возлюбивше оставилъ злочестіє, зане дивнїй сей народъ трепетень, зѣброподобень, страха петерїфлївъ. Бѣгство—обычное спасеніє его есть; не уби сїмъ воспланула ярость, како бы прежде обьяти страхомъ скорое воспрїялъ быхъ покрывало, непроходимую пустыню, безденнымъ вертемы, мракъ и сѣнь пустынную, еже обычное ему отъ страха хранилище есть, аще бы не щедролубивая десница сїятелства вашего кротостію и благоутробіємъ притяжала благочестію, удивленію и чудеси достойна, коль крѣпкая, коль сильная дѣйствона въ народѣ семъ добродѣтель сія, народъ тако возлюби праотцы ихъ укоренное злочестіє, яко удобнѣе быть ему лишитися житія, ниже утатися злочестія своего; но милосердіємъ и милостивіємъ сїятелства вашего толь побѣждень, яко свое паче житія возлюбивше остави злочестіє, наставленію же и повелѣнію сїятелства вашего тако повинуся, яко всего себе Божественному предаль званію. Во истинну удивительнѣйшее превеліє украшеніє твое, свойственная добродѣтель сїятел-

ства вашего возбуди всего рода сердце, яко и҃стъ здѣ въ
всѣмъ родѣ еже твоимъ милосердіемъ непоробоженно и не-
привлеченно повиновенію: добиждаешъ обычаи кроткими, вла-
стителствуешъ обычаи благими, торжествуешъ и веселишися
любовію гражданъ. О, благопріятное свѣтѣ дарованіе цар-
ственной Сѣбѣры, согласующе существомъ всѣмъ превысочай-
шее имя снѣтелства вашего; о, даръ благопріятный, о нео-
цѣненное дарованіе, толикими свѣтѣмъ украшенно и напо-
ленно добродѣтелями, удивитися прочее и умолихъ подо-
баетъ, ниже неисповѣдимой похвалы достойныя добродѣтели
недоумѣвалъ произнести, и҃стъ бо удобства могущаго пре-
славныя добродѣтели, необъемлемое славы величество довольно
изобразити, еже и҃стъ снискалъ трудолюбнымъ тщаніемъ
снѣтелство ваше егда пореченъ Іеремій честное нисвелъ
еси отъ недостойнаго народа, и недостойныхъ достойныхъ
сотворилъ еси Богу. Толикос убо безсмертіе славы твоея
не толико на златѣ мраморы и кедры безсмертному, но
небеси достойно и довольно изобразитися подобаетъ, кото-
рое преславныхъ дѣлъ величіе, всенижайшій рабъ снѣтел-
ства вашего, егда і историческій дернулъ изобразити; вѣмъ
неудобство мое, яко елико сѣнію свѣтъ мракомъ сіяніе
валы солнечную свѣтлость, толико скудоуміемъ моимъ изъяс-
нихъ сія; о обаче сѣнію необъемлемый свѣтъ саміе пре-
славныя дѣла снѣтелства вашего, послѣдному роду наче
полуденнаго просвѣтятся сіянія. Не усумнѣваюся же и азъ
по обычному вездѣ являемому и всѣмъ прославляемому снѣ-
телства вашего благоутробію, удостоитися сего собѣ благо-
пріятства, яко исполненна благодати и милосердія десница
снѣтелства вашего не отринетъ и моего неудобнаго и не-
довольнаго сего припошенія, еже раболѣпнымъ преклонс-

пiємъ приношу. Паче же на сіе малѣйшее милостивия свои
 сiда обратили очеса, не тако хитросоплетенныхъ словесъ вы-
 сокаго вѣщанiя взыскатель восхощеи быти, яко приспого
 простоусердiя сего вниматель, имъ же приспо желаю да об-
 щему спасенiю, всенародному веселiю, церквамъ Божиимъ
 умноженiю, десница Господня умножая умножить долгоден-
 ствіе сiятелства вашего и свышее ублагословляя ублагосло-
 вить Авраамовымъ благословенiемъ отъ рода въ роды, Дави-
 довымъ вѣнцемъ отъ силы въ силу, довели же трудъ и тща-
 ніе сiятелства вашего о умноженiи благочестiа достойнымъ
 небесныя славы вѣнцемъ увѣнчать приснымъ усердiемъ
 желая.

ПРЕДОСЛОВІЕ КО ЧИТАТЕЛЮ.

Странникъ и пришлецъ Сѣверской страны сей, въ ней же многая удивленію и чудеси достойная, множайшее изобиліе чудныхъ и преславныхъ вещей, наипаче обще всего мира достойную радость въ предѣлахъ сихъ утворюшюся тебѣ, ласкавый читателю, предлагаю несумнѣнно есмь надеженъ благопріятный сихъ въ сихъ искательству твоему быти вѣстникъ. Удивленію достойная воспоминахъ, ихъ же и самовидецъ быхъ, не безъ твоего будутъ удивленія, аще и малѣйшая сія послѣдствующая благоусердіемъ, а не предъ осужденіемъ изслѣдить и прозрѣти восхощеши, обратишь аде, первое, удивленію достойная странное житіе и дивныя обычая прежде воспоминаемаго народа, иже своимъ селеніемъ удалися до полнощнаго лѣстнаго окіана, и даже до самаго студенаго полнощнаго (его же и арктикусъ нарицають) касается круга, идѣ же неудобное житію человѣческому селеніе особѣйшимъ народу сему есть жилищемъ, толикого бо тамъ жестоваго студени отъ лѣстнаго окіану наполненъ воздухъ, яко всякимъ иностраннымъ незносемъ, ужасенъ, зловредителенъ, народу же сему благопріятенъ, зане всегдашнее ихъ тамо пребываніе. Иная же странная обычая—острое и скудное житіе, прочая же, неудобъ

носимая и нестерпимая человѣческой природѣ — сему не въ тяжесть, но въ благопріятство носима суть. Толь убо острому житію приежитъ народъ сей, яко аще бы не внималъ сему искусѣйшаго любомудра реченію, что налогъ и обычай вѣщис могутъ самия природы; вѣдѣвшиже толь жестокая и острая обычай, мнѣхъ бо яко чрезестественнѣ терпима и творима сія суть или ино нѣкое крѣпчайшее вѣхъ естество человѣческое, но о жестокихъ сихъ многоглаголаніемъ дабы не ожесточило прѣлѣжнаго вниманія вашего, предя послѣдствуя прїятнѣйша о дражайшихъ и преславныхъ сего государства изобилій и богатствъ извѣщенія. Паче бо сего, что вѣхъ еже на прешитаніе человѣку изобилуетъ, государство сіе сдержитъ и прочее въ пѣдрехъ своихъ: различные руды желѣза, мѣди, свинцу и прочая, отчасти серебра и золота, по паче всего сіа царствисная Сибірѣ, изобилная есть и многоплодная читательница вездѣ славимыхъ красотою соболей и паче сихъ дражайшыхъ; еще содержитъ черныя лисицы, яко своею красотою и драгостію превосходятъ цѣну. Тожде и иная украшенія: горностаи, бѣлка и прочая различныхъ звѣрей.

Обаче надъ вся благопрїятнѣйшая превосходѣйшая вниманію вашему буди благовѣствуема радость, юже непостыжимый безмѣрною своею вся въ спасеніе человѣческоє доселѣ дѣлая въ предѣлахъ сего государства всемирно утвори радостися, егда тмою идолюбсіа здравле слѣпнотствующій Остѣцкій народъ въ свѣтлое благодати Божией приведе боговидѣніе, еже обще всего мира быти вселіемъ свидѣтельству съ свѣтъ истинны Евангельской, иже единого грѣшника спасеніе ангелскимъ и всего небеси истинству быти торжествомъ, колми паче только многотисящного численнаго народа отъ злочестія въ благочестіе обращеніе всю тварь, лебо

и землю наполни веселіемъ, его же наполненіемъ и твоего благочестія напаяетъ сердце, сего ради не усомнѣваюся тебѣ, ласкавый читателю, и всемъ благочестія любителемъ благопріятный сихъ быти вѣстникъ. Единое ми только предстоитъ сумнѣніе, да не буду осужденъ, яко не сладкословникъ, ниже высокимъ хитросоплетенныхъ словесъ украшеніемъ изобразихъ сія и всемирному дерзнухъ предать позорищу: обаче блюдохъся, первое, да не хитросоплетеніемъ словесъ покрившался сумнительна и неудобна сихъ истинна къ разумѣнію будетъ яже нынѣ простонарѣчіемъ свѣтовидно извѣстна суть. Прочее же возры не такъ презирательнымъ высокоразсужденіемъ яко благоутробіемъ на нынѣшное состояніе мое, еже благосердно увидѣть кто сочиненія сего творецъ. Уаришь, яко странникъ бѣдствующій и пришлецъ, его же не желаніе любопытства ниже о всякихъ вещехъ искательство виденія въведе сѣмо, но брани смущенія междоусобна и время злосключеніе предаша неволи; неволя же, общее пріятельще многихъ узниковъ, жилище и ужилище, царственную показа Сибірѣ, въ ней же пребываніе мое и самое состояніе неволи яви творить, яко не о хитросоплетеніи риторскаго добровѣщенія время удобно упражнитися, по повседневно обученіе. Скорбь, печаль, тѣснота, нищета, слезы, въ нихъ же что умъ можетъ—ясно стихотворецъ показуесть:

Пребѣднѣй, въ тѣснотѣ пути егда пребываю,
 Свободу любяща—разумъ всегда унываю.
 Печаль и скорбь—разуму есть смертное ложе.
 Смертень весь пребывая, ни двинуться може,
 Лежитъ яко мертвая плоть сими умерщвленна,
 Слезми скорби разумъ наполненна.

И аще свойственная есть свобода и быстрость ума человѣческаго въ мгновеніи ока всю подсолнечную обходить, небес-

ныя переходити и непроходимыя бездны въ подземныхъ разсуждаты, обаче злоключительное неволи состояніе на сего свободу и скорость возложи ужилица печаль и скорбь, отъ нихъ же ни терти единыя укоснуть свободно дадеша, по всегдашнее дневное и пощное въ скорбехъ обученіе непроходимымъ предѣль сему полагается. Егда бо пощъ объемлетъ, тогда неусыпающая мысль возбуждаетъ жалость и болѣзнь сердца, како лишихся паче всихъ любимаго отчества; како неволя наша, жестокойъ всихъ благъ разоритель, крайняя пагуба, не только трудами списавшая блага — чести и славы разоры, погуби, но и самое удобство списанія сихъ младость вѣка тако погубиеть и истребляетъ, яко мнитъя вѣсмы отъ чловѣкъ, по черъ и поношеніе сымъ. Аще же сля съ пощю въ слезахъ угаснетъ и солнце исполненнымъ радости день вводитъ, тогда царица злыхъ и корень бѣдъ и скорбей — няцета помрачаетъ умъ тмами темъ, влагая темна недоушвія: отькуду списать горестныя пици; чымъ сохранитись въ сихъ полнощныхъ, мразныхъ и мрачныхъ странахъ отъ лютости мразовъ, и се учительница ума, паче же помрачающая тма, погибель благихъ, умноженіе злыхъ — неволя предложы повседневное уму обученіе и упражненіе.

Не дерзаю же излишнимъ мнѣ прилчествующимъ плачевнымъ воплемъ наполнати ушеса ваша, ласкавый читателю, но нящине прже воспоминаемой всемирной радости, юже Спаситель мира подаль желанію вашему, возжелѣхъ быти вѣстникъ усердный, ему жъ душонолезной сіей радости и всякого благополучія желатель; молю же милостивно очесь твоихъ на сля малѣйшия труды обращенія, иже аще и не красны, иже презбравна, по обычному твоему благоутробію да будутъ прятна. За сля же воздаяніа не иного молю, яко толикимъ воздыханіямъ моимъ едино малѣйшее свое прсывокушати:

умолить могущаго возбудить отъ камене слезы Авраама, да насъ снабдитъ скорбми, озамененныхъ и умерщвленныхъ въ настоящей неволѣ, о ней же приличествуетъ сіе стихомъ псалмиста:

Неволя ми смерть, се есть воскреснуть жемлю.

Жизнь тѣло гроба ми есть, всегда умираю.

Скорба и печаль также умерщвляютъ,

Въ живомъ тѣло смертельнымъ прахомъ покриваютъ.

Но содержи сердце въ рукахъ своихъ, Боже,

Какъ алмазъ хощеть, сатворити ноже.

Прислони къ себѣ возлюбленной странника благостинѣ

Отъ плаченной глубины зѣлной палестинѣ

Вознеси насъ, плачущихъ странниковъ бѣдственныхыхъ,

Аки воскресъ зъ мертвыхъ скорбми умерщвленныхыхъ.

ГЛАВА II-А.

§ 1. Сибѣрское государство содержится въ полнощной странѣ, по раздѣленіи математическомъ преодѣленно въ второй быти части, во Азію; вѣщны же математики, иже предѣлы Европы великую рѣку Обь назнаменоваша, сія начало сего государства полагають быти въ Европѣ, предѣлы же своими простирается даже во Азію. По сихъ раздѣленію, и первопрестольный сего государства градъ Тоболескъ еще въ Европѣ содержится, обрѣтается же подъ градусомъ 57 и 30 минутъ широты, даже до студенаго полунощнаго круга.

Здравле государство сіе подъ областію Россійскихъ монарховъ обрѣтается; многолюднымъ же своимъ селеніемъ и пространнымъ предѣломъ многимъ европейскимъ государствомъ соравняться можетъ, а иже въ предѣлахъ своихъ дражайшыя содержатъ вещи, сими многія превосходятъ государства. Предѣлы же своими прямо вземше къ полнощы касается до хлестаго окіяну, оттуду же къ востоку предѣлы ея содержитъ Мангазіи, Туруханъ окончивается, даже до Камчатской

страны, юже вѣцше двадцати лѣтъ обрѣтше Россіане, покоривша своему скипетру.

Въ предѣлахъ сихъ государство сіе содержитъ звѣрей дражайшихъ, различныхъ родовъ: соболей, черныхъ лисицъ великія и безмѣрныя драгости, юже пѣццы мраморами парятцають, горностаи, бѣлка и прочая звѣри, юже инныя европейскія государства не имѣють; симъ паче и иныхъ преславно изобиліемъ, и не только всю Европу, но Азію, Китайское и инныя государства довольно симъ изряднымъ украшеніемъ наполняютъ, обаче предѣлъ тотъ еще и дражайшыя содержитъ вещи—безплоденъ есть, и земля во многихъ тамо мѣстахъ никакихъ плодовъ земныхъ не произноситъ, зане вся вѣцше прилежитъ студеному кругу, и ничто же яко дивое зелія прорастити можетъ. Премногими же предѣлъ сей изобиліемъ рыбными ловли, ими же недостаточество въ пищи вспомагаетъ изобиліемъ разныхъ родовъ рыбъ и звѣрей, юже сими питаетъ жителей своихъ и до зѣла удовлетворяетъ.

Къ западу простирается предѣлы своими даже до степей Мунгалскихъ, Контайшинныхъ и Аюкиныхъ, юже называются именемъ тамо владычествующихъ надъ собою князей, яко же отъ Контайши—Контайшинны, отъ Аюки—Аюкины нарицаются степи. Въ сихъ предѣлахъ исполнено государство сіе изобиліемъ плодовъ земныхъ, самородной по езерамъ соли, довольнымъ умноженіемъ скота. Къ полудню предѣлъ содержитъ Иркутскъ и Селенга, юже прилежитъ надъ пѣкою отлогою морскою, толико пространною, юже здѣшніе граждане великости и глубокости ради и содержанію звѣрей морскихъ, перши и прочая, парятцають Байкаль море; за симъ Нерчинскъ градъ, а напередъ Якутскъ предѣлы своя съ Китайскимъ государствомъ окончатъ. Сей убо предѣлъ превозобенъ

земного многоплодія соевыхъ озеръ и изобильныхъ рыбныхъ ловлей, произобильное умноженіе скота и на пренитаніе человеческое всякого довольства, а понеже до славныхъ Китайскихъ приближается стѣнь, содержитъ съ тѣмъ славнымъ государствомъ Китайскимъ вся торговня промыслы, прехѣнные товары своя сибірскія: соболы, горностаи, бѣлку и прочая. Оттуду же превеликія богатства золота, серебра, драгихъ каменій, шелковыхъ парчей, сосудовъ лакированныхъ избранныхъ и прочая.

В семь полуденномъ предѣлѣ и въ своихъ нѣдрахъ земныхъ содержитъ разлѣчныя руды желѣза, мѣди, свинцу. Отчастей же руду содержитъ серебра и золота.

§ 6. Особѣйныя же вещи, еже нѣче иныхъ государствъ въ нѣдрахъ своихъ имѣть съ премногими удивленіемъ, всякому искутелю достойна суть видѣнія.

Содержитъ государство сіе въ нѣдрахъ своихъ земныхъ: кости доброты и красоты единыя съ костями слоновыми и выцисе, зане слоновая кость иногда отъ горячности лаковой желѣеть, но сіа никогда чистоты и бѣлости не премѣняеть; величиною знаменита, бывають бо длиною въ три аршина и три четверти, толщиною въ четверть и выцисе, подобіемъ же аки роги якіа.

Обрѣтаются сіа найпаче въ предѣлахъ полуночныхъ, еже прилежать ко ледистому оціану, въ Березовѣ, Обдорѣ и въ Туруханскомъ, найпаче въ Якуцку, обычно же разыскаются при морскихъ брегахъ и мѣстцахъ песчаныхъ вѣдшія палестыны. Граждане обще нарицають кости сіа маманта звѣра нѣкогого земнаго. Но о немъ различно разумѣють: глаголють же нѣцыи звѣра сего быти земна, иже влгою земною живеть и въ пещерахъ земныхъ обрѣтается: найпаче въ влаж-

ныхъ; сухого бо и зрачнаго воздуха блюдется зѣло, и глаголють, яко егда кѣмъ случася пещера его оладѣть, и найдетъ на воздухъ, въ влажномъ же скоро не обратится пещеру, тогда воздухомъ скоро убивается и погибаетъ и тако оставляетъ кости. Нѣдци хотящїи повѣствованая достовѣріемъ утвердити тако подобіе его изъясняютъ быти: высотой трехъ аршинъ, длиною пяти аршинъ, ноги подобны медвѣдя, роги оныя крестообразно сложены на себѣ посаща, и егда ископаваетъ пещеры, тогда согнбается и простирается въ подобіе ползашаго змія. Нѣдцы сему противно разумѣють и глаголють не быти существомъ, зѣбра сего мамонта, кости же сія мнѣть единороговъ или иныхъ нѣкихъ зѣбревъ морскихъ, во время потопа Поева водою нанесенная и осохшая на земли, древностию же въ землю вселшася. Но се тщетное разумѣніе, зане кости сія нѣкія обрѣтаются: зрачнымъ, свѣтлымъ, чистымъ, ветхостию не истлѣнна, множество же по нелю время собираются, коея бы ради вышн вода толкое множество во едину палестину собрала. Разумѣти же тако: не земля ли естественнѣ и самороднѣ отъ себе производитъ кости сія, зане по зданіи любомудрецовъ земля еше выше себе производитъ тожде въ нѣдрахъ своихъ иногда произноситъ, яко содержитъ верхъ себе соль: мѣсть же ю въ нѣдрахъ своихъ. Извѣстнѣе же се является въ странахъ государства Асичанскаго, яко земля въ нѣдрахъ своихъ произноситъ дровеса, аже живущіи тамо повседневно изобрѣтають и недостаточество свое въ дровахъ вспомогаютъ и огрѣваются ими; но се разумѣніе инымъ не довольно. Иногда бо роги сія глаголють яко изобрѣтають зъ гносмъ съ кровію смѣшеннымъ и въ корени наполнены, еше есть знаменіе нѣкоего животна, а не только рога, но и кости прочая: ребра, главу и ноги изобрѣ-

тають: костей бо сихъ самовидны быхомъ; но отъ животнаго ли сія суть или отъ внутрности своихъ земля самородніи произносить, или звѣрой нѣкихъ морскихъ, зане всегда при брегахъ моря окіяна обрѣтаются,—для различныхъ и прекословныхъ вѣдѣній, своимъ вниманіемъ ничесоже не утверждаемъ: имъ же дадеса отъ премудрѣйшаго всея твары Творца, вѣще разумѣти ихъ, свободно вниманію и разумѣнію да будутъ сіи.

Г. Гори камешныя въ государствѣ семъ обрѣтаются превысочайшыя, иже произносить въ нѣдрахъ своихъ самородной хрусталь, слюду чисту; а найпаче наполненныя только камешемъ магнитомъ, яко довольно жители здѣшніи отъ сего хитростей испускають желѣзо, еже чистотою зѣло изрядно, избраннѣйшія же отъ него сосуди литія утворяють. В сихъ горахъ изобрѣтають врачебное, еже здѣ нарицають масло каменное, се подобіемъ есть зѣло растворительно въ водѣ, или въ какомъ иномъ питіи; вкусомъ содержитъ квась и сласть. Здѣшніи граждане употребляютъ пьюще его на вся недостаточества и болѣзни утробныя, и силу помоществующую въ томъ узнають. Тоже отъ врачебныхъ зелій земля сія износить зеліе, обще всѣмъ гражданамъ страны сего добротой и силою извѣстно и славимо есть, нарицають же зеліе сіе звѣробоя: имѣеть цвѣтъ желтъ и силу содержитъ украчивати всякія побои и уразы, и зѣло въ томъ славимо есть.

Д. Москусь здѣшніи граждане нарицають мскусь: сей всю Европу благовоіемъ своимъ услаждаеть, найпаче сіе государство снмъ довольно наполняется: близь предѣлъ сихъ, найпаче въ предѣлахъ Бухарезскихъ и Китайскихъ, звѣрь сей содержащій во утробѣ своей драгость сію пребываетъ. Подобіемъ же глаголють быти звѣра сего козлу дику, иже въ

стѣнахъ дикихъ обрѣтается, зѣло же безжѣрной легкости и опасенїи и не скоро удобенъ впасти въ руки промышленному, и только во время весны улачаютъ, смѣненїя бо ради бывая по стѣнамъ утрудится: по обычаю же природы своей тогда упути хочетъ, главу свою въ животъ подгибаетъ, наипаче носъ свой прямо въ пупъ влзгаетъ и усыпаетъ, и въ то время улачаютъ промышленники удобно сего убить. Убивши же изымаютъ пупъ сей, содержащїй таковое благоуханїе, иже вѣнще въ время сіе наполняется благоуханїемъ, и сими дражайшими вѣпши сіе украшается государство.

Ѣ. Многолюдствомъ зѣло довольно государство сіе различныхъ родовъ и дикихъ языковъ, отъ нихъ же мнози суть безвѣстны въ Европѣ, яко: Тунгусы, Остяки, Ойяки, Якуты, Самодѣи, Брацкіе Мужики, Цѣгал орда, Киргизы, Калмыки и прочая въ совершеннѣй и совершеннѣйше о семъ государствахъ и жительствоющихъ въ немъ народовъ извѣстіе древнѣйшаго нѣкогда о семъ государствахъ писателя приводимъ свидѣтельство, еже есть тако.

Ѥ. Сибѣрская полунощная страна отъ востока, отъ царствующаго града Москвы расстоянїемъ съ три тысячи верстъ; облежить же камень превысочайшїй, яко стѣна, и толикія высоты, яко нѣмъ холмомъ досязати до облакъ небесныхъ. На сихъ же превысочайшихъ холмѣхъ растутъ различныя дѣревеса, ведрїи и прочая, въ нихъ же и многоплодни умножаются звѣріе различныя: нѣмъ угодныя въ сѣдѣніе челоуѣкомъ, нѣмъ же только на украшенїе и одѣяніе прилично. Премудростїю же вса тварь Творца изъ сего камня сладкіе воды изыдоша, и потекоша рѣки, явныя въ Россійскому государству, а нѣмъ въ Сибѣрскую страну: сже есть первая Тура, по сей жительствоють народы Вагулячи, языкъ свой

особный имѣющъ, содержатъ зловѣрьемъ поклоненіе идолѣмъ. Въ Туру впадаетъ рѣка Тагиль; другая Ишда, и за едино совокупленна. Обаже парятсяются первымъ именемъ Тура, перенесена ради. Отсюду входить внутрь Сибѣрскія страны; по ней же жительствоють Татарѣ; впадаетъ же въ рѣку Тоболъ, Тоболъ въ Иртышъ, Иртышъ въ великую рѣку Обь. Но надъ сими всѣми рѣки жительствоють языцы: Татарс, Башкири, Калмыки, Пѣгая орда, Остяки, Самойды и иппіе неспѣдущіи Бога, и много различнаго зловѣрия. Татарѣ злочестіе Магомета ново содержатъ, а иппіи идолопоклонники. Калмыки пратецъ и старѣйшихъ уставленіе и предапія содержатъ, въ зловѣрии идолопоклонническомъ. Самойды, Пѣгая орда, Остяки поклоняются идолѣмъ и боготворять руку дѣлъ своихъ, чающе отъ сихъ благоприятіе имѣть и содержаніе житія своего: и ничтоже ядятъ прихѣдно ястію человѣческому, но все мяса суровыи и крокъ пиятъ, яко же воду. Доселѣ суть сего древнѣйшаго историка извѣстія о семъ Сибѣрскомъ государствѣ.

§. О древнемъ же правленіи сего государства воспріимна вѣденіе и отъ летописцовъ татарскихъ, яко здравле правительствовашеси князими зловѣрія магометанска, и первовластвующій престолъ ихъ баше на рѣкѣ Ишми, иже въ Иртышъ впадаетъ. Первый же князь, названный, Онъ, властителствоваше на Ишми, иже отъ никоего своей власти подручнаго, именемъ Чинчина, убіенъ бысть. Послѣдникъ же престола отча, сынъ князя Она, именемъ Тайбака, отъ убійства Чинчинова нѣкими рабы своими сохраненъ, и житіе свое на долѣй укрываше блюстителствомъ работъ своихъ, довелѣ же пріемъшы хищеніемъ престолъ Чинчинъ владичествуя симъ увѣда, яко Тайбука, сынъ Она, еще въ живыхъ сохраняется; посла съ честію и любовію снискать сего

и привести во дворъ свой, идѣ же Тайбука явившися Чинчину яко добронравенъ юноша, списка себѣ такову у Чинчина милость, яко сму всю первоначалу власть надъ своимъ дружи воиствомъ. Тайбука же петице содержа власть и правленіе надъ воинскими силами, поиде съ силою воинства по Ирину и по великой рѣкѣ Оби, и многія тамо оружіемъ Чудскія народы избѣи и покори властителству Чинчинову; и сей перво введе и разшири въ предѣлахъ сихъ полуночныхъ власть княженія зловѣрна махOMETанска. За трудъ убо свой и вѣрность Тайбука умоли Чинчина особная себѣ отъѣсти предѣлы; сего же прошенію соизволи Чинчинъ и отпусти Тайбуку, акому хощеть. Онъ же избра себѣ селеніемъ положитися своимъ на рѣкѣ Туры, и тамо со улусы своими сѣдше постави градъ (идѣ же нынѣ Тумень), нарекъши оны Чинчидинъ. Умершу же безъ послѣдія Чинчину оста все владѣніе и княженіе Тайбуки, и владичествованіе оны на долзи умре. По смерти Тайбуки власть приемъ сынъ его Ходъа, по немъ сынъ его Маръ; сей воспримъ въ жену себѣ Казанскаго царя Упакъ сестру, отъ нея же имѣ два сына, Адеръ и Абалакъ. Но сія свойственною и обычною смертію погибша: только оста Адерево наслѣдіе сынъ Магметъ отца же ихъ Мара; а зятя своего царь Казанскій Упакъ уби и повлада все княженіе Сибѣрское.

и. Откуда наречеса государство сіе Сибѣрское, извѣстія пѣщия тако предлагаютъ. Сынъ Адеровъ Магметъ воздегъ свое прымти наслѣдіе отъ руки убившаго отца его Мара, поиде бравію съ единомысленники своими на убійцу отца своего, царя Казанскаго Упакъ, и побѣдивши смертію погуби его. Владычесто же свое воспримъши градъ свой Чинчидинъ разруши. Преселижеса оттуду и поиде внутрь Сибѣр-

скія земли и постави на рецѣ Иртыши градъ и нарече Сѣ-бѣрь. Устави же граду сему бити первоначалну и царствующу граду: отъ него же, яко первоначалнаго и царствующаго града, и вся страна проименовася Сибѣрь. Обладаящу убо синъ княженіемъ на долзи родъ Магметовъ до четвертого наслѣдія, допелаже прииде отъ Козачей орды Кучумъ Марталіевъ и покори оружіемъ своимъ подъ область свою все княженіе, а наслѣдіе Магметово искорени, погубивши царствующихъ князей Сѣбирскихъ Етичера и Вейбулата; толико бѣгствомъ спасеся сынъ Вейбулатовъ, иже убѣжа въ Бухарію; Кучумъ же первымъ наречеса царемъ Сибѣрскимъ, и высокоумиѣ владичествоваше, послѣднимъ же престолу сего бысть всевышнимъ бо сего устроеніемъ, иже престолу сильныхъ сокрушаетъ; въ немощи же всемогущества своего изъявляетъ силу—на семъ Кучумѣ нача окончавати зловѣрныхъ царей во Сибѣри владичество: благочестивому же православно Россійскому отсей въручяся скипетру. Ибо

А. Ермакъ ибій, Тимофѣевъ сынъ, перво преиде од Дону на рѣку Волгу и тамо управляшеся разбоемъ, мнози инопостраннии люди, персидскія, казылбашскія кушчи и прочя разораше, отъ сего государствомъ купческіи промысли і приближи разорашуся. Между же государствамъ вестроенія, смущенія и миру разоренія зачинахуся, казни же на таковыхъ отъ Россійскаго государства палагаемил бяху. Падлежащей убо близъ собѣ казни и сей Ермакъ убоися, бѣжа съ единомысленники своими въ Часовую рѣку, сією же в ѣмныя рѣки, ими же внутрь Сибѣрскія земли текущими вніде, воднымъ плаваніемъ внутрь Сибѣрскаго царства, и малою дружиною в пяти стахъ и сорокъ человекъ силнаго сего Сибѣрскаго царя Кучума победи и изгна отъ престола. Пооблада

же Сибірское царство, видя же себе маломощна толику спяпаго государства десницы своими содержать тиготу, наипаче искал преступленію своему прощенія и милости государей Московскихъ, покори его Россійскому скипетру во дни правящаго Россійскимъ престоломъ царя Іоанна Василіевича, иже прмятъ подь область свою отъ воплощенія Сына Божія доѣфаго году. Отселеѣ пача и разширатися Россійскимъ правительствующимъ скипетромъ сіа страна.

І. Тогда же крѣпкому и страшному въ страѣ сей Ермакова оружію повинуся князюкъ Остяцкій, именемъ Боярь: подь область Московскихъ государей приведе всю свою обладающую страну, о пей же намъ янще предлежитъ извѣстить. Пространѣйшая обще о Сибѣрскомъ государствѣ объявленія оставилемъ, янще быти сими довольнымъ желательному сихъ искателю. Хотящему же янще извѣститися въ особѣйѣшихъ исторіографахъ да обращеть, мѣѣ же толико новелѣніемъ вышней власти прсодѣленно Остяцкую сію страну извѣстну явити миру. Егда прежде тмою невѣрїа кумирсложенія помраченную видѣлиши, яннѣ же просвѣщенную свѣтомъ истиннымъ Евангельской и толикой роду сему благодати Божней, свѣтлое явился познаніе, яко древнимъ невѣрыемъ слѣпотствующему дадеся съвышше узрѣти пемерцающій свѣтъ и познати истиннаго Бога всея твары Творца.

Ѧ. Страна убо сіа Остяцкая начинается предѣлы своя не въ далекомъ разстояніи отъ перваго престолнаго града въ государствѣ Сибѣрскомъ Тоболска, идѣ же Тоболь рѣка (отъ нея же и Тоболскъ градъ наречеса), сошедшеса съ рѣкою Иртышемъ, въ едину протоку пронсходитъ въ велику рѣку Обь. Первое убо по надъ Иртышемъ страна Остяцкая начинается селеніе свое яко тихимъ плаваніемъ въ трехъ днехъ

отъ Таболека достизается, простирается же по Иртышу даже до устья, идѣже впадаетъ въ великую рѣку Обь; отгуду распространяется своимъ селеніемъ въ верхъ по Оби даже до Нарима, а иже внизъ по Оби вземше въ широту страну сію обдержитъ селеніемъ своимъ. Многія рѣчки, иже прямо отъ востока приходятъ въ Обь, сіи же суть Куповатъ, Полуна. Вся же сія исполнена многочисленіемъ народа сего. По другой же сторонѣ прямо отъ заходу Обь, Сосна, Лапичъ, Конда; идѣже предѣляютъ Остяцкую страну Ватулячи; внизъ же прямо по Оби, даже до Березона и до Обдори и до самаго устья Оби, сей народъ обдержитъ селеніемъ; тамо же предѣляется Самоѣдъ, на самомъ устьи, идѣ же великая сія рѣка Обь впадаетъ въ морскую губу, иже нарицають здѣ Тасовскую.

Ѣ. Губа Тасовская зѣло есть пространная, льды многими искони наполнена, иже зрятся аки превисочайшия горы, иногда же и лѣтнего времени тѣлзотомъ солнечною свѣтше не распуцаются, но искони и всея тако пребываютъ, иногда мало сокрушаются волнами и вѣтры носимы по широтѣ губы сей морской, зане пространну сію великія рѣки Обь и прочая наполняютъ и распространяють, сіи бо здѣ и прочіи рѣчки въ едину губу сію собираются Пиръ, надъ нимъ Тастъ, отъ него же и Тасовская губа наречеся.

Г. Преодѣляетъ же губу сію отъ мора окіана камень, иже между собою попусти быть губѣ сей, и сходитъ въ самое льдястое окіанъ море, еже прямо исхода сего нарицають латинскіи фретумъ, греческій Босфорусъ. Сіе есть утѣсненіе моря, зане отъ губы прилежитъ камень, а отъ другой страны утѣсняется полая земля, льды же отъ обонхъ странъ превисочайшия простираются по окіану: отъ полунощи къ

востоку на сто и вѣщше миль, яко и самыя далыя Камчатскія страны иногда вѣтромъ носими досизають. О льдахъ же сихъ исконныхъ разумѣють здѣ нѣцыи бити та неплѣнна, иже никогда не истлѣвають, но се неудобна, иже могутъ быти сіе: аще бы было тако, то искони отъ созданія мира отъ влаги и сыѣжного сліянія, мразомъ счиная, превознеслася бы висотою самыхъ досизати небесъ и такою великостію восняли бы истоцищамъ воднымъ входы. Но по вседневнымъ искусствомъ зримъ умаленіе и умноженіе здѣшнихъ рѣкъ, и посему разумѣется лдомъ симъ истлѣвати и обочпчаватися отъ воды самыя; се же ясно зримъ яко внутри себе вода ледъ погубляетъ, — егда бо мразное что въ студеноу полагается воду, тогда вода сройственную себѣ влагу и студень вытягаетъ и истребляетъ ледъ, тако и здѣ; а може глубочае ады сіи отагченны впускаются въ воду, только вода влажностію своею студень и мразъ отъемше самый ледъ, истребляетъ, и такимъ видомъ разумѣется умалятися лдамъ симъ, аще не съ высоты, обаче снизу, отъ воды умалаются оныя, такъ на губѣ морской, яко на самомъ утѣсненіи окіанъ моря.

Д). Къ сему утѣсненію морскому прилежащую новую землю аще и многіи совершеннымъ извѣстіемъ провѣдате желажу, обаче зѣлной ради стужи и жестока убивающаго тамо воздуха не возмогша; мнози же аще и дерзнула сего искусити — погибша: Остлѣи, Самонды касаются предѣломъ ея. Обаче оныя глубочае внутри ея вступити не дерзнуть и не возмогутъ. Аще же и близъ ея касаются и тамо для промыслу на звѣры бывають, ндѣ же всякаго звѣра премногое доволство: песцы, елени и прочихъ звѣрей, множество же костей рыбныхъ промышляютъ. Обаче сего полунощнаго отъ тоя новыл

земли исходящаго вѣтра съ великимъ опасеніемъ тамо пребываи блудутся, и егда узнають исходяща, тогда прежде исхода укрѣпаются въ нѣкія пещеры, вертелы и ямница, ідѣ же не такъ жестокостію своею досызати можетъ, исхода же его преди узнавають—частымъ тамо пребываніемъ обикомъ; аще же не сокрывшаго обратиться, тогды всего жестокостію своею объемлетъ, поражаетъ и убиваетъ.

Ѣ. Аще же въ сей новой земли жительствоуетъ разумное челоѣческое созданіе, несогласно глаголють о семъ: инымъ самовидцы оныя земли глаголють видѣти созданную челоѣческую красоту, гласа же не слышали, ниже разговоры каковыя нѣхъ, толико зрѣніемъ очесъ аки стѣнь челоѣческую видѣти досызаша; инымъ же тояжде земли самовидцы противно вѣщаютъ и инако свѣдѣтельствуютъ быти сему, дабы жителствовать могла тамо разумная тварь. Се же и по самокъ естеству мнится неудобно мѣстце житію челоѣческому; но сіа неудобно вѣдѣнію оставлене, наки до подлежащей обращенъ Остядкой страны и о народѣ семъ, откуда въ ся страны вниде.

Ѥ. Егда отъ древнихъ началъ и происхожденіи и иныхъ книгъ, аще и знаменитыхъ миру народѣхъ разыскается, удобнѣе бываесть въ недовѣдомую безвѣстіа входить пучину, ниже кое о древности ихъ изъяснити вѣдѣніе древностію, бо аки тмою покрываесть, аще и писанныи аки свѣтили миру древняя изъясняютъ и показываютъ; но сихъ мнози народы прежде не имяху, но послѣднимъ временемъ та изобритоша, коимъ паче о семъ дивнѣхъ народѣ и о ихъ древнѣйшемъ происхожденіи неудобно получить кое древнѣйшее извѣстіе, зане и доселѣ сіи писменъ низакихъ не имѣють, иностраннымъ же исторіографомъ аки укрить и утаить бѣ въ пустынныхъ сихъ селеніяхъ народъ сей. Ясно же является, яко не сей перво-

началѣ жителствоваша въ сихъ палестинахъ народъ, но отъ инуды иныхъ преселися здѣ: здравле бо здѣ внизе по Оби и всей странѣ жителствоваше народъ Чютцкій. Но сей тако погибѣ, яко ниже вещь накону памяти своей остави, только остава знаменіе пагубы ихъ нѣкая ямища, ниже обрѣтаются въ сихъ странахъ Сибѣрскаго царства. Въ сію же погыбель приведе ихъ искони человекоубійца врагъ, ослабши бо я здѣ вѣровати нѣкое во ономъ вѣдѣи уготованное имъ съ боги мірованіе, его же омраченны лестию сердца желающе создаху себѣ ровы нѣкіи пространныя, верхъ же полагаху кровлю на столпѣхъ, на ню же множество земли и каменей полагаху, егда же поощраше леть сердца ихъ преселитися на иншій вѣкъ, и ускорится пировать съ безстуднымъ многобожіемъ, тогда со всѣмъ своимъ имѣніемъ домовники и чады собра вся во оныя ровы выходить и подѣкне столпы землею и каменіемъ убиваются и нисхождаху путемъ темнымъ во тму кромѣшную и въ нѣчное въ мѣсто пированія мученіе. Досели же жители странъ сихъ въ тѣхъ ровищахъ и курганахъ находятъ премного златыхъ сосудовъ и сребра множество и прочая, зане со всѣмъ имѣніемъ своимъ убивахуса и частію же сею пагубою, частію же Татарскихъ князей, на Ишимѣ владычествующихъ, яко Тайбуи и прочіихъ, о нихъ же прежде воспоминахомъ, оружіемъ избіены: тако погибѣша яко не только достойная вещь памяти ихъ, но ниже языкъ оставъ на вѣчїе послѣднимъ родомъ.

31. Како же по сихъ сей Остицкій народъ въ сія вселися страны наченше отъ дни святаго Стефана Великаго Пермскіа епископа—извѣстно есть: сей бо первый проповѣдникъ и просвѣтителъ во тмѣ невѣрія, великой Пермы бысть яко солнце свѣтомъ боговидѣніа тму нечестія и скверну идолюбїа отъ

странѣ Великія Пермыи начать прогонити, тогда мракомъ идоламъ одержимыя Пермiane свѣта истинны евангельской благодати Божіей обѣжана въ сію полунощныя страны, укрѣпахуся аде, гдѣ и доселѣ съ тмою идолабѣсіа пребываху.

Се же извѣстно есть и отъ повседнежнаго, яко сей народъ отъ Пермыи преселился, зане и языкъ ихъ авѣ творить, вси бо сіи пермьскимъ глаголють нарѣчіемъ, аще же не всѣ свойственнымъ и непремѣннымъ нарѣчіемъ Великія Пермыи глаголють, обаче се бысть сгда умножишася сіи людіе по преселеніи своемъ отъ Пермыи и разидошася адѣ по различныхъ тѣхъ страпахъ, изменишиа и языкъ свой: едины бо, иже по Иртышу селенія своя имѣють и всегда обхожденія имѣи съ Татари, изменишиа языкъ свой пермскій и премѣнишиа татарскому нарѣчію; друзіи же, иже по Оби вверхъ яко въ дальныя разстоянія отъ своихъ удалишася и имѣи обхожденія съ различными народами съ Калмыки, Шогою орьдою и прочими, сіи зѣло изменишиа языкъ свой, яко мало что съ пермьскимъ согласуютъ нарѣчіемъ, и съ великою трудностію едины другихъ между собою нарѣчіа заледво узнати могутъ, и то мало что.

Сіи же, что внизъ по Оби, непремѣннымъ глаголють нарѣчіемъ пермьскимъ, зане сіи сгда чрезъ Камень, иже отъ Пермыи прилежить, прейдоша, тогда не въ дальніа страны удалишася отъ Пермыи, но близъ предѣлъ оныхъ пребываютъ, и всегдашніа съ оными имущи обхожденія, сохранишиа неизмѣнно языкъ свой пермскій, имъ же аки явственнымъ свидѣтелемъ извѣстно является народу сему отъ Пермыи произити. Удивленію же есть се, яко въ томъжеде языку многа имена латинска обрѣтаются, и едино значить, что і у Латинъ поменъ юва глаголють—прійти въ помощь: у Латинъ же тожде знаме-

нустъ помози; но чего ради свойствіе различныхъ языковъ и пѣвѣнхъ нарѣчійхъ обрѣтается—безвѣстно есть.

III. А же не Пермь, но Остяти, здѣ страна сіа ихъ на-
звана, мнитъ ся быти: яко отъ Россіанъ сіе паложися
имъ званіе, оны бо нарицають себе Хондіа, или яко нѣ-
дши глаголють — Хондіа, страну же свою Хондымхъ;
вина же званію ихъ Остяти: первое мнитъ ся быти во время
егда отъ свѣта благодати Божіей и крещенія святаго, во дни
святаго Стефана Великіа Перми епископа убѣгоша, тогда
Россіане, видѣвши ихъ идолюбсіа останки, укрившіися изъ Пер-
мы, нарекоша ихъ Остяти, аки бы останки; второе же мнитъ ся
быти и се, яко же вси здѣшніи полуоцными народы отъ
обыкновеній своихъ нарекошася сыроудцы—отъ сыроуденія,
такъ и сіи отъ правообычая своего, зане народъ сей уиражняется
рибою и отъ повседневной сей пищи ничто же вышше сущу
во устѣхъ ихъ, яко ости рыбныи, отъ нихъ же мнитъ ся быти
яко названіе се Остяти, і паложина Россіане.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О житіи, обновленіи гражданства и прочихъ.

А. Народъ сей въ житіи своемъ перадинъ, необыченъ мнится быти, аки послѣдній отъ людей всего мира: обаче подобенъ лицезрѣніемъ красотѣ народамъ европейскимъ; ниже бо зифрообразенъ, ниже коего черпостию одержимъ, яко прочіи народи: Ефіопы, Калмыки. Возрастомъ знаменитыхъ немнози обрѣтаются, но средній возрастомъ; очесъ малыхъ, легкостію знамениты, въ крѣпости славны немнози. Зѣло же просто и гражданства всякого чуждъ, во всѣхъ своихъ обычаяхъ начешие отъ первыхъ предѣлъ житія ихъ.

Б. Аще обще одинъ есть путь всѣмъ родитися, внити въ миръ и прейти отъ мира, обаче при такихъ случаяхъ, различныя народы разны имѣють обычая: инѣ по закону, яко иудеи и махомѣстѣи прирожденныи, обрѣзаніе имѣють; инѣ же и гражданство, уставы обученія и обхожденія, пиrowаніе и иншая знаменія радостная; но сей народъ ниже законная, ниже гражданская употребляетъ обычая: егда имъ родятся чада, тогда бѣдствующій певѣжа Остѣкъ исхоумѣвая родившемуся отрочати наложить имя и наректи е, но исходитъ отъ дому своего, искаа путь шествующихъ въ близкости себе

христiанъ: иногда по случаю обрѣтши, молитъ и назнаменовать родившесѣ какиѣ именемъ, и по сему множество случается зрѣти русскими именами нарицающихся въ своемъ ихъ зловѣрiи. Егда же случай недоумѣнію его не подастъ помощи умолити изыскать себѣ у каковыхъ людей имени, тогда что первое узрѣти изшедши изъ дому: птицы, звѣри или что ни будь, тѣмъ именемъ родившесѣ нарицаеть. Имѣють и сей въ недостаточествѣ обычаи, яко по числу рожденiя нарицають свои чада: первый, второй или третiй сынъ, женскому же полу никакихъ именъ не полагають; егда же въ супружествѣ пріемається, тогда полагаются имена ей своимъ нарѣчіемъ: анка, се есть жена.

Г. Жены ихъ имѣють при рожденiи своемъ или бы законное установленное, еже восприимши отъ правообычаевъ старѣйшимъ своимъ: имущая бо близъ время родити исходитъ отъ общаго жилища и входитъ въ пѣкую особную хижину, идѣ же мужескъ полъ не имать входить; егда же родить, тогда три недѣли и вышше должна въ ономъ пребыванiи удержатися не входя тамо, идѣ же мужескъ полъ пребываетъ; окончивше же время надлежащее, огонь возгнѣвши вмѣсто очищенiя, чрезъ оный трижды прескочившии входитъ въ общее пребыванiе мужа своего.

Д. Аще обще всему миру десница Благияго пріиспусти предѣлъ въ болѣзни родити чада, здѣ толжде всемогущества Его десница призри рода сего. Острѣйшее и нужднѣйшее паче естества человѣческаго житiя мнѣтся, яко снабди і облегчи тяжесть сію. Жены бо ихъ обременены, иногда зимнего времени (яко здѣ подъ студеннымъ кругомъ зѣло люта зима бываетъ), припужденны и ѣздить ради нужды отъ жилища преходити на иныя мѣста. Случаетъжеся путь шествующимъ ро-

дти на пути, но сямъ препатіямъ недугамъ не удержитъ пути своего: рождышеся отроча и болѣзнь въ рожденіи тогожде часа снемтиси отъ земли, отерши снѣгомъ, идти въ подлежащій путь. Отроча же полагаетъ себѣ къ грудямъ за одежду, еже есть налимін кожаны, изъ кожи рыбы, паряцаемой налимь, обычно утворяетъ себѣ; толковой же есть теплоты одежда сія, елико бы на жестокомъ мразѣ безъ иныя одежды содержитъ теплоту холстинымъ рубаника; сгда убо и паки отъ жестокихъ вѣтръ порываемо отроча начнетъ вопити, тогда и паки въ снѣгъ повергши отираетъ и тѣмъ облегчаесть жестокость мрза и вѣтровъ. Сямъ же і обучаетъ во острое і жестокое житіе, яко сіе добрѣ истенствоватися можетъ. О обыкшихъ терпѣнію, не бываеъ терпѣніе, и вѣщис правъ і обычай, неже самая природа можетъ.

Ѣ. Простъ и дивный народъ сей вѣщис правообычаемъ своимъ звѣроподобенъ, чуждается, отбѣгаетъ всякого обхожденія съ иными гражданы, обыкѣ вѣщис въ пустынныхъ обитати мѣстахъ, иногда бо едина, иногда двѣ юрты, еже есть жилища ихъ, въ пустомъ поставляютъ мѣстѣ; бываеъ же и множество юртъ въ собраніи: обаче сихъ что ближе селеній городовъ Тоболска и протчихъ обитають, и имѣя селенія своя, съ гражданы мало что обычны; а еже въ дальніа страны и пустыа удалишася, сіи зѣло дивны. Обще же всѣ пикакихъ писменъ и ученій не имѣють, ниже приемяють, сего ради ниже уставленія какова, ниже законоположенія содержать, но правителствуется естества закономъ, иже есть ирыродное познаніе зла и добра, и сими противно себѣ дѣло узнають, зло и неприлично. Содержать же твердое основаніе естественаго закона, междуособное друголубіе, на семъ бо законъ естества содержится, зане же искореняеъ друголубіе,

разорастъ твердь естественнаго закона, яко же убійство и инная противозаконныя искореняють друголубіе, разорастъ твердь естественнаго закона. Но сей народъ остякій добръ хранящїи естества законъ и многіа на семъ утверждаху добродѣтели, не слышится убо между нима крадежъ, убійства и инныхъ обидъ другъ другу содѣвающимъ: однако же, не безъ злочюченія каковаго, приключается бо иногда противозаконная, но на таковыхъ творящия зѣло жестокой и отъ среды себе извергаютъ.

Б. Паче же всего мнози хранящїи суть истинну иногда бо нужды ради своихъ одолжастся нѣкому заимодавцу, по злочюченію же нѣкимъ впади въ крайнюю нищету не имѣя чымъ должное отдать; заимодавцу же иногда случится не утвердиши ни писаніемъ, ниже свѣдѣтелиа должествуящаго себѣ, древностію же замедлившу не ищеть. Обаче сему виновный должникъ острою и коварствомъ отвестиа ложнѣ сокрытиса или утаити себе но во истинну рекшу, и простоуміемъ своимъ припесне вину не имѣя чымъ должное отдать, жепу и чадъ своихъ въ вѣчную заимодавцу предасть работу, и такимъ обычаемъ древностію пришедшая долги по прародителехъ и отцехъ и своихъ микакова имѣнія наслѣдницы не приемше—заимодавцемъ своимъ истинствуютъ и отдають должное безъ всякаго ухищренія. Въ такой убо простотѣ и беззаконіи хранящїиса многіа добродѣтели приводятъ мнѣ помянуть и узритъ въ семъ народѣ, рекши иногда Апостоломъ: яко беззаконна бывше, обрѣтають законъ хотящїи добръ творити.

Г. Они писанъ бо никакихъ не имѣють, промысам же своя и обхожденія съ російскими людьми содержать, и въ нуждѣ своей помоществованія отъ нихъ употребляютъ. Въ мѣсто же заемныхъ писаній иногда принужденны знаменіемъ

пѣкими руку свою подписать. Тогда употребляютъ сего обыч-
новенія, нѣбють знаменія пѣкал: или зоры на рудѣхъ и
персѣхъ, или на ногѣхъ, яже въ различныхъ виды и черты
черпостию сиче изображаютъ еще адѣтска рудѣ или ногѣ или
на персѣхъ иглою до крове избодше сажемъ съ иными утвари-
ми тако крѣпко натирають, яко сотрется до кончины его
не можетъ. И сихъ употребляютъ знаменій яже вмѣсто под-
писанія рукою своею черты свои выписують и заемная утвер-
ждаютъ писанія.

Не только же се нѣбють сего ради употребленія, но
почитають се за украшеніе нѣкос, и женскій бо ихъ полъ
такожде рудѣ себѣ нпнцряють и украшаютъ тоскожде еди-
ною черпостию, но излишние различными видами и зоры
птицъ и звѣрей сіе изображеніе изображаютъ.

И Не только же сей народъ писменъ не нѣтъ, яко же
прежде воспоминахомъ, но ниже коего хитростнаго рукопи-
санія употребляютъ. Обще всимъ едино руководѣіе, стрѣланіе
звѣра, ловленіе птицъ, рыбъ, или же себе препитати можетъ.
Сихъ убо хитростей и чада своя изучають и отъ младыхъ
нотей приравляютъ и къ стрѣланію изъ лука убивати звѣра,
къ ловленію птицъ, рыбы обучаютъ ихъ; ничимъ бо инымъ чрезъ
все житіе свое не упражняется, яко симъ единымъ промысломъ,
и таково хитростно въ своемъ руководѣіи изучены, яко всенъ въ
младости своей изучилъ лукъ себѣ изъ древа и стрѣлы самъ
дѣлаетъ и пайкрѣпчайшихъ звѣровъ: медведя, лосей, елени
убивати, тожде дражайшихъ соболей, лисицъ, бѣлку, птицъ
всякихъ, не только на водѣ плавающихъ, но по воздуху лѣ-
тающихъ, въ самомъ лѣтаніи стрѣлами улачаютъ, и се обще
вснхъ едино руководѣіе: не желаютъ яковыхъ хитростей изу-
читися, симъ бо довольны, имъ же могутъ препитати житіе,

но вѣнше же полагаются въ ловленіи рыбъ, оныхъ бо множествомъ здѣшняя палестина сподобитѣльное и скорѣйшее жителемъ своимъ дать препитаніе.

Д. Паче всего повседневная ихъ пища отъ рыбъ; за не скорое сіе имѣти могутъ, и всегдашнимъ ея употребленіемъ питаются. Лѣтнимъ убо временемъ жителствуютъ при водахъ, навпаке при великой рѣки Оби, яко своимъ пространнымъ разширеніемъ множество различныхъ родовъ рыбъ содержать, не только жителей своихъ Остяковъ, но и всю сію палестину довольствомъ изрядныхъ рыбъ питаетъ; облежаша же ю бреги преславныи суть довольствомъ звѣря, на сихъ бо частый лѣсъ, рѣдко равнина мѣстца, по частымъ ровы, долины самородныя, аки рукою человѣческою ископаны. Темнота убо сихъ мѣстъ питаетъ множество звѣрей, и весьма всѣмъ довольствомъ сія преславная рѣка питателница есть Остяцкому роду. Присѣдять же сіи чрезъ все лѣто упражняющаи ловленіемъ рыбъ, и якоже вѣдши въ хлѣбородныхъ мѣстахъ собираютъ плоды земныя, приутоворяя на зимнее время сими питаются, тако и бѣдствующій Остакъ въ пустыхъ безплодныхъ сихъ мѣстѣхъ рыбы на всю зиму собираетъ и своимъ обыкновениемъ рыбу изрядную, муксунъ названную, и прочая, безъ соли тако усунуютъ, что чрезъ всю зиму содержатися можетъ. Нарыцаютъ же сушеную поземи. Егда же хотятъ себе сладкоястіемъ насытити, тогда употребляютъ жиру рыбьего, еже въ большихъ сосудѣхъ берестяныхъ держать, сего же вземше омачиваютъ поземи своя въ сытость сію и сими приятными себѣ сластями довольно бывають. Иногда довольно жиромъ самымъ напаяютъ себе, особѣйшее себѣ почитаютъ избраннѣйшее ястіе, еже варку нарицаютъ. И только сіе въ началнѣйшихъ приутоворяются во время жированія

страшнаго ихъ, се же еще утворяютъ: взявше утробы отъ разныхъ рыбъ, не очищая оныя, со гноемъ въ сосудѣ каковомъ полагаютъ, таможе довольно жиру влившимъ, на огнѣ смазить, даже очернить. Тогда съемъше услаждаются сими сластями и мнѣть, яко такового сладкогости нигдѣ обрѣсти не могутъ. Аще самой смрадъ истиа сего далече отъ себе всякаго обращаетъ, обаче имъ обыкшимъ сладко, приятно есть. Се же за обычай имъ есть живу рыбу взявше отъ воды лети, пайпаче же мнѣть полезнѣйшее здравія сыро съ кровію лети, неже уваренная, или печеная; зимою же мразниа рыбы паче всего приятны вкушаютъ.

Г. Скучность въ пищу и недостаточество воспоминаеть довольно множество птицъ: лебедей, гусей, утокъ и разныхъ родовъ птицы. Великія бо здѣ воды и блатныя мѣста, угодиши же умноженію ихъ: производятся многоплодно, яко довольно спудному народу сему питатися мощно. Упражняютъ же ся ловленіемъ оныхъ птицъ лѣтнаго времени, наипаче же въ послѣднихъ числѣхъ іюня. Здѣ бо въ то время птица лишается перія, въ лѣтанію же немощна, въ довольное Остяку попадаетъ препитаніе. Въ сіе бо удобное время скорое старыя съ птенцы уловать могутъ; осеннимъ же временемъ таможе ловленію птицъ присидать, и тогда довольно промыслъ въ ловленіи ихъ имѣють, заше въ то время переметы или сѣти, на то устроенныя, множество птицы улавляютъ; зимнимъ же временемъ пищу и промыслъ держать звѣра убивать, еже и обычнымъ оружіемъ изъ лука всякаго звѣра убиваютъ; мяса же всякаго звѣра: медвѣдя, лося, еленя и прочая ядятъ.

Д. Яко же бо всихъ сія великая рѣка Обь препитаніемъ и пищею воспоминаеть Остяковъ, тако и жажду ихъ утолить

довольна есть, зане иного питія не имѣютъ, обскою только удовлетворяютъ себе водою. Паче же всего употребляютъ табакъ китайскаго, его же нарицаютъ шаръ. Сего надъ вся дражайшій и нужднѣйшій, здравію же своему мнѣ быти полезнѣйшій. Употребляютъ же сего необычно: мало воды въ уста взявши, чрезъ воду дымъ въ себе глотаетъ, ни мало отъ устъ испущая, и тако онимъ поражается, яко весь трепеща трясется, бледнѣетъ; иногда падаетъ аки неистовствомъ и черною пораженъ немощію, донелиже прійде въ себя. Обаче же за искуснѣйшее и полезнѣйшее себѣ содержать врачеваніе. Употребляютъ же сего всѣ обще мужи и жены, и чадомъ своимъ младымъ сегожде удѣляютъ врачеванія, надѣтка поправляютъ сему, зане сіе употребленіе табаки есть имъ сею помощію, что мокроту природную, умножающуюся отъ повседневнаго лстія рыбъ и жиру рыбьаго, истягаетъ тотъ табакъ и высушаетъ мокроту сію.

Кі. Нерадивый же сей народъ нимало имѣетъ о имѣніи своемъ попеченіе. Жилища своя юрты имѣютъ на двое: лѣтнія и зимнія; но сіа вся немощимъ ежидивеніемъ удобная себѣ утворяютъ: яже суть зимнія, сіа обычно при лѣсахъ полагаютъ, создаютъ же я четвероуголнѣ, внутри оныхъ около ложа своя имѣютъ, посреди же огнь полагая: безпрестанно умножаютъ и присядятъ сему, согрѣвая нагость свою. Лѣтнимъ же временемъ при водахъ поставляютъ берестяные юрты, походячіе яже съ мѣста на мѣсто безъ тяжести со собою переносити можетъ; такимъъдо обычаемъ создаютъ, только не тако огнь, яко дымъ безпрестанно хвастіемъ умножаетъ для рыбы; юже усушаютъ на зиму: понуждаетъ же скудость и нѣщета ихъ зимнимъ и лѣтнимъ временемъ съ мѣста на иное селеніе переходить, ниже удержать неудобное

лютая зима время, ничтоже бо противъ возбранить въ снѣгу, или въ разсѣлинахъ ледоватыхъ утвораеъ себѣ жилище и пребываетъ, ниже домашнихъ вещей собраніе, сосуды и прочая, отягчавши тѣжестію своею удержатъ отъ частаго переселенія, но сіе обычное его собраніе—сосуды берестяны; главнѣйшая же и нужнѣйшая—сѣти, стрѣлы, лукъ, лотка; не у сѣти же топоръ, не до зѣла обтягиваютъ его, но вѣще нищета такой его обучаетъ легкости.

Гі. Умноженіе скота и воскормленіе овецъ, коровъ, лошадей не обрѣтается въ нихъ, ниже о семъ попеченіе каково имѣютъ, но весьма крайній прилежать скудости; инѣ же мощнѣйшимъ множество оленей содержать, аки домашній скотъ, ихъ же употребляютъ вмѣсто лошадей, наибаче скудость въ семъ и нужду оленями удовлетворяютъ, и во вся путь шествія свои оленями отправляются. Камо же путь свой похощетъ имѣти, оленемъ заложатъ въ сани ѣдетъ конимъ, на то особица устрѣаютъ, юже нарти парятъ. Обще же всѣ не только оленей, но псовъ употребляютъ въ путешествіе и по пяти, и по шти, и дванадцать до санихъ нартъ закладываютъ псовъ; нарти же сіи въ длину три аршина, въ широту поларшина, зѣло легки, полагаютъ же на сіи такую тѣжесть, яко не возможно вѣрнѣ, чтобы тѣжесть сію поднять мощно, и такъ скоростію въ пути послѣднати псами, могутъ бо въ день пятьдесятъ и вѣще ускорити верстѣ. Не только же тамошніе жители, но и всякъ преходящій пришлецъ оленями и псами путь свой здѣ отправляетъ: инако бо ради многихъ и высочайшихъ снѣговъ невозможно, зане лошадей въ тѣхъ снѣгахъ тако погразнеть, что ниже изыйти возможно, олень же и псы легкости ради свои не погразаютъ.

Ді. Остяки, а наибаче самоеды, не только зимнего времени,

по і лѣти употребляютъ сапей, по на лѣтнее время особѣхъ устроить сихъ: полозья подбиваютъ кожей еленею, коже снимаютъ съ самыхъ голенихъ еленіихъ, и подбиваютъ оныя, ими же касаяся земли гладкостію сію легчае и скорее поспѣншіи бываютъ. Легкости же такъ безмѣрной суть, яко единою рукою возможна поднять и бросить на воздухъ. Сими не только по земному пути возимы бываютъ, но гдѣ набегнуть воды и большіи рѣки—пускаются безопасно. Еленъ бо со ошпи чрезъ рѣки переплывая перевозить оныя и сѣдшаго на нихъ.

Ѣ. Земля аще всему питателница и многіа изрядныхъ плодовъ изобиліемъ ущедряетъ, обаче сему народу скудна подаишехъ, заше дивимъ питаются зеліемъ, а плодовъ никакихъ не произносятъ. Сего ради не имѣютъ земледѣлія, ниже употребляютъ каковыя сѣмена, но сими довольны дивимъ кормишемъ, что земля подъ студеннымъ кругомъ съ камени мразомъ заледво могуща есть и сіа произносить. Жени ихъ, не имѣя конюшей, нужду и недостаточество свое удовлетворяютъ полнымъ зеліемъ: отъ кропивы бо вѣтви хитростіи истягуть нити, изъ сихъ холсты утворяютъ. Отъ нихъ же содѣлаваютъ себѣ пологи для сохраненія комаровъ, за множествомъ бо комаровъ, мухъ и прочіихъ, невозможно безъ пологовъ пребыть; сплываютъ же себѣ и рубашки отъ тогожде кропивнаго холста и украшаютъ я различными пестротами, вышивая нити разными узорами.

Ѕ. Одежда ихъ обще изъ кожъ рыбъ, наипаче съ налима, яко подобенъ сому; тожде съ осетра и стерлядей одерше кожу только трудами своими умягчаютъ, яко могутъ все одѣяніе себѣ изъ нихъ сошито; обще же, изъ налимѣй кожъ—кажаны, съ шпихъ же чулки, сапоги себѣ утворяютъ. Зимнего же вре-

мѣни мощнѣйшими имѣніемъ и нарочити съ еленьихъ кожъ одесду и сапоги съшивають и верхнюю одеждою застѣпо главу и самого себе покривають. Со же противъ зѣлной укривается стужа, нищета же и скудость не всякому такой свободно попускаеть имѣти одесды: нинѣ бо и зимнего времени лютость тлѣчайшихъ морозовъ въ валимъсѣ прстерпѣваетъ кажанѣ, и въ таковой нищетной одеждѣ исходятъ отъ жилищъ своихъ въ дальшия страны пустыя, лѣса, промышленноу зѣвръ соболей, дражайшихъ черныхъ лисицъ, горностая, бѣлку, на которыхъ вещейъ драгость всякъ взирая, промыслъ и труды бѣдниковъ оныхъ спискаемую ихъ же вѣдъ скудость, прилично сіе поминуть имъ Овндіа:

Собирають плени согы; но отъ трудовъ жсты,
Крупица имъ дается, имамъ же вся части,
Нмъ собі сладость сію плени собирають.
Горестъ трудовъ прѣмисъ, нинихъ усладяють.
Такъ и Остикъ бѣлнмъ: съ прѣмисомъ труды
Собирають красоту шубъ украшаютъ, людѣй,
Самъ нагъ горкой нищеты вся поноситъ злости,
Весь скуденъ, одна кожа, подъ кожею кости.

Зѣлная же скудость понуждаеть я отъ птицъ, гусей, лебедей здирати кожи, яже по способу обыкновенію видѣлывають изрядно, болшія востребивши пера самой только оставлю пухъ; трудами же своими кожу умягчивають и составляютъ шубы; сія же и теплота глаголють быти, аще и скудость зѣлна прѣдолѣваться, обаче красоты желаніе понудѣ и особѣйшія для украшенія утворати одежды, наиняче женскій полъ тщателенъ о семъ: утворяють одежды своя иногда изъ сѣконтъ обычаемъ тѣмъ же, что и мужы, токмо должайшыя, даже до самой земли; украшаютъ же цѣты отъ олова жъ низу и наколо цѣту блязъ цѣты покладая; оныя же суть измѣненны въ подобіе взоровъ; на главахъ же имѣють покривала изъ хол-

ста, вся различіемъ цвѣтовъ изнита и излосцрена, симъ не только главу, но и лице все покрываютъ, да не явлена и зрима будетъ иностраннымъ лѣпота лица ея, зане имѣють се знаменія стыдѣнія; аще отъ иностранныхъ лѣпота лица зрима бываетъ; обще же всѣ ваппаче украшаются червленными одеждани, зане той цвѣтъ пріятенъ имъ зѣло есть, отъ сукна ли или отъ камки, яко началѣйшихъ опыхъ жены употребляютъ камчатныхъ одеждъ, по всегда червленныхъ.

§1. Разньствіе чына между има малое зреться, всѣ бо въ единоразньствѣ пребываютъ; только се внесетъ имъ чына разньствіе, егда кто имѣіемъ паче иныхъ знаменитѣйшии: того за началѣйшаго себѣ почитаютъ и сією титулою чести почитаютъ его князь. Повинуются же отъ друголюбнаго себѣ произволеніа, выще неже властію и силою законоуложеніа каковаго покоренны. Бываху же иногда природныи князики, но сихъ родъ древностію пресѣчеся; аще пѣцни и остана отъ племени рода княжеска, но не имѣють первыи своея власти правленія, ни данн отъ нихъ взимають, ни правовластіемъ судить имать, по вси за сдино подъ правленіемъ комендантовъ по городамъ указомъ Царскаго Величества уставленныхъ обрываются. Имѣють же своя всяка княжики предѣлы и по разныхъ рѣчкахъ особнѣйшая своя улусы; отъ рѣкъ же названіе свое себѣ употребляютъ, яко отъ Сосвырѣки—Сосвинскій княжики, отъ Ланина—Ланинскій, и прочаи. Симъ обычаемъ чыновъ ихъ власть и должностіа есть: данн отъ себе подлежащия и отъ поручныхъ своихъ собрать, принестъ въ городъ комендантовъ и отдать въ казну Царскаго Величества. Судовъ же главныхъ никакихъ промешду собою не судятъ, по властію комендантовъ, до какого присуду какова волость принадлежить, судъ и розправу

окончиваютъ; и дани отъ нихъ, уже они своимъ языкомъ ясакъ припцаютъ, аще ли замедлять, наказаніемъ и жестокою исправляютъ.

III. Аще скуденъ и нищетою отсюду одержимъ сей народъ, но ясакъ или дани ихъ дражайшія, обаче труды ихъ и промысли прелюбіи богатства въ казну царскую собираютъ; заше ихъ промысломъ весь звѣрь: соболь, черныя лисицы, уже дражайшею красотою своею изъ цѣны выходить, бѣлка, горностай, песцы, бобры и прочая различныхъ родовъ звѣри въ казну Царскаго Величества приходить. И сими изряднѣйшими вещми не только во европейскихъ государствахъ преславно государство Московское, но во Азии высокія славя есть, заше государство Китайское чрезъ торговля промыслы сими изрядными вещми довольно наполняютъ, а отсюда безмѣрныя собираются богатства: золота доволства, драгихъ камней, камокъ, шелковыхъ шарчей, сосудовъ фарфурныхъ: все же сія едиными прежде реченными товарами, уже отъ дани і промысловъ народа сего имѣютъ. Дани, уже палатасныя, сидевымъ чыномъ расположенны: уже внизе по Оби, сіи обложены все кто лукомъ промышляетъ въ единъ соболь знаменитый въ именіи: по тремъ соболемъ въ годъ, соболь же поставленъ цѣною по семи гривенъ. Се же сего ради, аще не получитьъ соболя, или не похощетъ соболями дати, то въ koliko соболяхъ обложень, только по семи гривенъ въ казну Царскаго Величества долженъ отдать; бываетъ же иногда благополучна цѣлая волость, что единою черною лисицею, уже вѣдны марморкою припцаютъ, всю свою должность вышлатити можетъ: суть бо сіи уже безмѣрной красоты, тако и дражайшей цѣны, во сто рублей, трехъ сотъ и вѣще, уже же и прежде ревохомъ, иная драгостію своею изъ цѣны

выходить. Какковыя убо отъ ихъ промысловъ собираются въ казну Царскаго Величества приходы, вслѣдъ свободно и извѣстно уразумѣти можеть. Суть же нѣцны на хлѣбородной земли, наипаче околѣ Тоболска, сіи вѣщныя обложены; всякъ, кто своимъ домоу, по два и по три рубля обложенъ въ годъ, заше оныи и отъ плодовъ земли собирають имѣніе, и скотомъ полны, на звѣрь и на рыбу доволны.

51. О вѣсѣхъ сихъ прежнихъ народа сего извѣстившихъ обыкновеніяхъ и обхожденіяхъ, прилежыть и о супружествѣ ихъ помянуть. Супружество ихъ никакимъ не утверждается по ихъ зловѣрію законнымъ установленіямъ, но на произволеніе и уговорахъ самыхъ состоитъся. Егда бо хощеть кто повѣсти себѣ въ жену у котораго дочь, тогда отецъ дщери поставляетъ оной цѣну, аже, по ихъ, калымъ нарицається. Совершивше же договоромъ и утвердивше оный калымъ, назнанный оный зять, егда хощеть зарученную себѣ невѣсту привѣтствовать, долженъ сохранить сей обычай, чтобы не явственнымъ лицомъ, но обращенъ плещми своими входить въ жилище тестя своего, ниже взираяи дерзаетъ на лице его, но ускоряетъ на мѣсто, идѣ же она зговореная сидитъ: се же обикновеніе въ знаменіе смиренія есть противъ родителей. Мнѣть бо аки новому сему усыновленному не достоитъ возносимыми очесы взирати на лице отца, а наипаче матери невесты своей. Калымъ обычно поставляется во сто рублехъ, противъ же сего назнанный зять вещи своя полагаетъ пуждѣйшая: лотку, лукъ, пса, и отдаетъ я тестю своему въ цѣну, самъ же по своему изволенію платящымъ своя вещи оцѣняетъ и ставитъ лотку въ шести и десяти рублехъ, и прочая. Такожде безмѣрною высокою поставляетъ цѣною бездѣльныя своя рухляди, довели же ввѣсь устав-

лешній исполняется казимъ; егда же исполнить, тогда отецъ посылаетъ ю и отдастъ зятю, наказуя да сохранитъ союзъ любви повиноватися мужу своему; аще же казимъ весь не исполнять за скудостію своею, то не можетъ отецъ изъ дому своего дщери отпустить оному. Совокупно же съ нею свободно въ дому своемъ не возбраняетъ пребывать, доплатитъ весь казимъ заплатить, и иныхъ же обхожденій не имѣютъ, ниже пированія каковаго; только отпущая изъ дому дщерь свою въ жилище мужа, покладаетъ на оную шубу; аще ли отъ парочытыхъ, то вслѣдствіи ищеть червленною почтить одеждою. Имѣютъ же женъ только, елико кто можетъ пренести и казимомъ заплатить; свободно же жены своя имѣютъ заложить, дать, даровать и продать, отпустить и инныя воспримать, и такому обыкше беззаконію многія жены по двѣ и по три, и елико кто можетъ держать.

К. Таковое ихъ презлиппее женорачительство, яко всякъ отъ нихъ пенствою похотію понуждаемъ содержать многихъ лепъ, таковое же ихъ во всемъ неумѣренное житіе, необычная повседневная пища: рыба, жиръ; хлѣба же, сердце укрѣпляющаго, нимало неупоаютъ; питіе едина вода, и инная перадивная и гнусная въ житіи обычаи пнсводона ихъ власти въ такий неизцѣльный нечистоты недугъ, иже мнитися быти проказа, или весьма нечистота, только же люта, яко живу челоѣку гнилостію снѣдаетъ уста, носъ, ноги, и многыя все тѣло, даже до костей снѣдаемо бываетъ. Жестокою же сею лзвою явщаяся ихъ часть пораженна, не опасны бо въ таковомъ своемъ зловредительномъ недузѣ, но всѣ единокупно пребывая единъ отъ единого заражаются. Нерадивыхъ же о семъ немало: егда кого начинается сія болѣзнь лзвоти, тогда начало вредительному сему недугу никакого не ищеть

врачеванія, и не только имѣють попеченія о исцѣленіи, но ниже ради облегченія болѣзни лэвы согнившыя чымъ прикрывать. Но не ради о семъ, берестомъ гниющею обвязъ лэву, за промысломъ въ далное разстояніе или гдѣ въ путь идеть, и доселѣ ходить, довелиже весь согнившю сію лэвою пораженъ надеть. Удивленіе есть необычное разумной твари въ болѣзни такъ жестокой о себѣ нерадѣніе. Дубомудрецы, иже о естественѣ звѣрей изыскують, свидѣлствуютъ, что звѣріе, егда лэвою лэвою поражаемы бывають, ищутъ отъ земли яко-ваго врачеванія, чымъ бы исцѣлить наносима лэвы. Пестъ лэвы своя лижуще облизаніемъ сямъ отъ лэвы изымаетъ и врачеваніе лэвамъ своимъ приносить. Но се тварь, аще и разумная есть, обаче по естественной самого себе любви никакого о своемъ здравіи не имѣють попеченія; но доселе со лэвою гниющею ходить, довелиже всё тѣло гноетъ въ конецъ истощится. Врачъ же души и тѣлу, Господь да будетъ животь и исцѣленіе роду сему, зане зѣло во младыхъ лѣтахъ такимъ поражаемы недугомъ безпрерывно лишается бытіи.

Ка. Только злоуредительная лэва народъ сей смиря, яко зрится неугоденъ до воинскихъ дѣлъ, и самая природа вѣщше грѣшныхъ, а поже мужественныхъ лэзаетъ. Обаче знаменія воинскихъ дѣлъ: плабелъ, панцероу множество обрѣтаются, но вся сія ветхая, а наипаче при кумирахъ, и отуду являютъся, что древнихъ лѣтъ народъ сей упражняшеся воинскими дѣлы. Древнихъ же писателей о семъ ничтоже обрѣтохомъ, только писавый иѣто о вѣстіи. Сибиріи Ермакомъ Тимофѣевичемъ воспоминаетъ о дерзновеніи ихъ. Егда по убіеніи Ермаковымъ и наки Татарѣ, Алей, сынъ царя Бучума, и князь Сейдакъ градь Тоболскъ пообладаша, Россіане же, во второе лѣто по убіеніи Ермаковымъ, съ восво-

дою нѣкимъ Иваномъ Мансуромъ приплыша подъ Тоболскъ, вѣсти же въ онъ за множествомъ непріятелей и крѣпкимъ ихъ возбраненіемъ не возмогша, по пустышася внизъ по Иртышу въ Обь, въ сію воспоминаемую Остацкую страну, и озимиша плаваніемъ своимъ, и поставиша на устѣхъ Иртыша ограду нѣкую пребыть въ ней зимнее время; Остяки же въ предѣлахъ своихъ не восхотѣвши поустити, приступаху крѣпко ко оградѣ сей со кумиромъ, его же помоществованіи ради взяша; егда же отъ Россіянъ случаемъ изъ пушки пораженъ и сокрушенъ бѣ идолъ, убояшася видѣвши сего сокрушенна, его же заступленію и помощи себѣ возираху, бѣгствомъ отъ Россіянъ отступиша, и только о дерзновеніи ихъ извѣщенія. Егда же и паки побѣдоноснымъ оружіемъ вся Сибірь подъ область російскому скинстру приде, тогда и народъ сей зѣло великому порабоженъ смиренію. Нимѣ же вѣдѣше ихъ смираетъ толь немощный педуть, иже всегда мнозасе понуждаетъ воздыхать въ болѣзни и частее отъ сего погребателная принимать сѣтованія.

КѢ. На погребаніи своихъ умершихъ имѣють отъ злонѣрія древнихъ своихъ старѣйшинъ законоустановленныи обычаи. Егда кому отецъ, или мать, или мужъ жены, или кто въ племени свойственъ отъ живыхъ преjde, тогда проводяще его сродники до погребенія въ знаменія сердечнаго жалѣнія терзають власы свои, и елико возможно почти одирають лице свое до крове. Власы же окровавленныи мещуть на умершаго, зане злонѣриемъ своимъ чають, яко душа по несколико днехъ прійдетъ рассмотреть знаменія болѣзаней, отъ нихъ же праведную умерши и себѣ любовь свойственниковъ своихъ внемши и въ ономъ нѣцы вѣчне благодарить не устане. Имѣнія отъ частей, а паче нужная въ житіи: одесду, лукъ,

стрѣлы, топоръ, котелъ и прочая съ умершими во гробъ полагають. Се же приѣхша обикновения частію отъ Чучного, прѣжде обитаваго здѣ народа, частію сами своими зловѣріемъ мпять, яко по смерти житейскія употребляютъ нища, сего ради и вса пуждала въ житіи съ собою полагають. Странный же, безумія и безстыдіа исполненный обичай, наипаче жены ихъ по смерти мужа своего содержать. Умершу же мужу, жена приѣмъ одѣжду его нѣкую, изсѣкше себѣ отъ древа наподобіе чолотѣческое кумира, полагають на сего одѣжду мужа своего и прибирають утварами въ подобіе умершаго, поставляютъ же его на мѣстѣ, идѣ же обываѣ бывше мужъ ея сидѣти; вса же, что ему живу бывшу угодная бяху нища нѣкала, сіа сему бездушному древу усердно уготовляются и на первомъ сѣдалищи своемъ, идѣ же присѣдаты—принимать пищу, и его въ собою положиса, объемлетъ, лобзаетъ кумира сего, аки жива мужа. Вѣруеть бо умершу вса сіа видаты и душа умершаго нпогда въ сего утвореннаго идола выходитъ. Содержасти же сіе чрезъ дѣкое время, чрезъ годъ и вышше упражниучиса симъ безчиніемъ, послѣди же идола со всѣмъ во одѣждѣ скриваетъ въ землю, провождающе съ плачемъ и жалостію.

ГЛАВА Г.

О злочестіи идолопоклоненія.

Г. Зловѣріе ихъ, вѣдше—самое беззаконіе и самая крайняя мерзость запустѣнія, въ такую бо естественнаго ихъ ума святидо наче безумія бездну, яко ниже изчислити ихъ нечестиваго многобожія людей, егда уклонившася въ путь беззаконія, весь снхъ идолопоклонства сонмъ изваянну поклониси толпу въ Вавилонѣ, гѣлу златому поклоняхуся. Елиши же Кропу, Юпони, здѣ же единъ народъ сей, но всякъ отъ нихъ измѣнивше славу петлѣннаго бога въ подобіе птицъ, гадовъ, различныхъ утвораху боги: ишии поклоняхуся кумиру по подобію зѣбрину, паяпаче медвѣдя, ишии же въ подобіе птицъ: лебедя, гуся, и всякъ по своему пристрастію, до чегъ вѣдшепри страстенъ есть, боготворить, и только безстуднаго многобожія—елико умомъ познаваху тварей, только подобнаа изображаху боги. Иная же безвѣстная подобія твораху, ни отъ зѣбрей, ни отъ птицъ, но нѣкіа лежанція въ зыбкахъ древища, повитыя вожею, сукномъ и холстомъ, посреда же часть стекла зеркальнаго уложено, боготвораху, и прочіи. Откуда же сіе въ нихъ такое различіе многобожіе вниде, мнитъсѧ, яко желаніе скверно прибитчества навесе имъ сіа.

Мнози бо отъ нихъ злочитрецы жслающе чуждымъ обогатитися трудомъ, дивно различная новыя утворяють твары, боготворыше, да сими вѣще полныи твары доропрыношенія и почитанія слѣпотствующій приведеть народъ, невостію бо и дивностію прелщены, вѣще влекомы бывають до частаго видѣнія оныхъ, сихъ же пріемлють обычаи доропрыношенія скверныхъ жертвъ, частымъ же приношеніемъ самодѣлцы мнимыхъ боговъ со жерци довольно сыты бывають; сего ради скверцо прибытства многіе оныхъ жерци, по ихъ нарѣчію шаманчымъ, въ вѣчное діавола порабощеніе и союзъ единоподѣйствія волхвованія и мечтей себе владоша.

Б. Жрецъ ихъ и всякъ самодѣлецъ кумира, или настоящихъ по послѣдню отецъ или сродникъ своихъ державецъ идола, чиновства же преодѣлительнаго по своему зловѣрію никакого не имѣють: кто утворить или содержать идола, или себе претворить равностію около идоловъ всегда упражняться, ни иначе егда кто обще отъ всѣхъ вѣщие разумѣти мнится, то и жрецъ бываетъ. При главныхъ же кумирахъ (о нихъ же послѣдні извѣстны) особы преодѣлительныи и уставленныи бываху, всегдашніе стражіе сіи і жерци почитаются. Чына ихъ должностъ всегда быти служителемъ лжи, иногда бо скудость въ препитаніи поощраетъ лестію народъ до приношенія жертвъ, объявляя аки бы сего требуютъ мнимыи ихъ бози; егда же похощетъ кто зрѣти, тогда приводятъ скота или звѣра, надъ онымъ же жрецъ баснословить пѣнія, моля, да подасть изобилно ловленіе рыбъ, звѣра; самъ же помоществуєтъ жрущему до убіенія скота, и за трудъ сей часть снѣдаетъ съ жрущимъ. Суть же вѣщныи, иже мечти вѣкіа и волшебства творять, предавшися въ вѣчное порабощеніе сатанѣ, и обычно будущія кусаться предвозвѣщати. Егда же сихъ

нѣдци хотѣть извѣститися, напаче о повседневныхъ своихъ нуждахъ, о промыслу на рыбу и звѣра, тогда волшебствующаго вводятъ въ темную хижину, и тамо его накрѣпко связуютъ, сами же присидѣть играюще въ свои свирѣли. Связанъ же никѣмъ восклицаетъ чудесными словеса, призывая союзника своего сатану. Обычно же се всегда въ ночи творятъ; тогда по нескольку часѣхъ взыванію ихъ входитъ духъ буренъ нѣкій шумящъ. Присѣдѣнціи же бѣжать изъ хижины, оставльше связаннаго волшебника, его же пытливъ сей духъ емше долу и верхъ возноситъ, сокрушаетъ вслѣсскій мучаща, ея же ради и связуютъ его, да не како невосторгъ снѣи отъ мученія избѣгнѣи погибнѣти. По неколкохъ часѣхъ духъ нечистый истинныя предивѣщанія, яко отецъ лети влагая въ ушеса его, оставляетъ; онъ же ели живъ освобождается отъ мученія и разрѣшается самъ, вѣщаетъ же лѣстѣи предбудущая. Иногда же лѣстію прелестнымъ, идѣ же чаютъ изобиліе рыбы и звѣра—ничто же тамо приѣмлютъ; иногда же прелестію впреди уловляя слѣпотствующій народъ, собывается предсказанное, изобрѣтаютъ изобиліе рыбъ; аще же бы всегда ложъ бѣше неухищренна и не укрыта нѣкімъ мнѣніемъ, правды не бы вѣроваху впреди лѣстемъ его и мечтамъ, но хитръ сей бѣше, како прелестныя своя сокрывать сѣти.

Г. Сими бо чудесными прежде реками толикое различіе, введеси многобожія и безчисленнос изображеніе кумировъ, ихъ же богомерацѣ почитаютъ, почитаніе ихъ печестиваго многобожія нѣсть каковыми предѣламъ уставленно, ниже есть обще повседневне, но всѣмъ по своему изволенію когда обрѣцетъ по своему время, почитаніе и поклоненіе творять. Обаче зане правдыми руками никогда почитаніе не бываетъ, всемъ народъ общій пребывающихъ всегда при кумирахъ жерцовъ

молятъ наставленія, кѣмъ кумировъ почитаніемъ учредить, вслѣдъ бо жрецъ притворяетъ себѣ особѣйшее имѣть со своимъ кумиромъ союзство, аки бы ему всегда нужная требованія мнимыхъ боговъ объявленны суть. Сего ради еще кто по своему зловѣрію здравія ради, приобрѣтеніи имѣнія, въ пуждахъ отрады яковаго хочетъ молить кумира, тогда жерцу оного объявляютъ намѣреніе свое приносить жертву и приемлетъ извѣщеніе, что пріятѣйшее требуетъ бездушный той встуканъ—пированія ли яковаго, одежды или иныхъ нуждѣйшихъ, таковыми дарами и почитаніемъ кумира и снабждаетъ. Обще же народъ не всегда изыска извѣщеніе отъ жерцовъ, но сами приносятъ кумирамъ различная утвари: холсты, сукна, множае отъ кожъ звѣриныхъ и рыбныхъ, и оными въ почитаніе принесенными поминаются, иже только сими странными рубищами утолщаются, яко въ пятидесяти аршинъ толщиною бывають; древа же самаго изсѣченнаго не нищше поларшина; весь же расширеть изюмъ приношеніемъ тѣхъ утварей, ими же поминають. Тако обрѣтохомъ въ Шоркоровскихъ юртахъ кумира единого: въ средѣ полѣща отъ пятидесяти лѣтъ прикладными оббитое сукнами, а на верху въ жести изваянная личина мало что быше подобіе чело-вѣка. И егда то во огонь ввергохомъ, такъ сраднаго дыма всѣхъ насъ наполни, яко едва не избѣгохомъ отъ нихъ солений. Иногда же украшаютъ кумира своего и снабждаютъ одеждою червеною, наипаче егда нѣкоего благополучія, доволства въ ловленіи рыбъ, промыслу на звѣрь воспринять желаютъ. Егда же желаемыхъ блага не получаютъ, тогда изъ него одежду снемъ и его пизрынуть въ безчестное мѣсто со всякимъ ругательствомъ; послѣдъ же пакы вводить въ первое чести достойнѣе. На холмѣхъ же превысо-

чайшихъ и мѣстцахъ изрядныхъ, всякому вѣденію приятныхъ, кумиры своя поставляютъ, иногда далече отъ своихъ жилищъ особіиъ поставляются. Се же въ знаменіе чести угодная и изрядная изобрѣтають мѣстца, кумиры пространныя создаютъ, въ нихъ же покладываютъ кумиры и тако приносимыя предъ ними сѣдають своя жертвы. Другія же меньшія, въ нихъ же складываютъ кости по званію своему и соблюдаютъ сія, менше яко недостойно пометати безчестно костей, приносимыхъ на жертву.

Д. Обыкновеніе и чинъ приношенія жертвъ также нѣсть каковыми уставленно чреды, яко же прочіи идолопоклонники, иначе же Мунгалы, иже уставленныя чреды приношенія жертвъ имѣють на повѣ мѣсяцъ; здѣ же слѣдующій невѣжа Остакъ приказныхъ чредъ не имѣя, по егда несное ихъ до пированія понудитъ чрево, или кто почитаемый въ мѣсто жерца искаая угодія несной гортаніи отверзаетъ оную извѣщасть, яко бози требуютъ жертвъ приношенія, за сія же пѣкаа обпадежуетъ обрысти благополучіе, тогда и чреды и время приношенія до крайняго же своего разоренія ипуть зѣбра или лошадей на жертву; иначе бо обыкоша сіи, что близкае татарскихъ жилищъ пребываютъ— приносить лошадей, поне сообщаются съ Татари обыкновеніемъ ихъ и яденію татарскому мясъ лошадиныхъ прирастихъ сіи, и на скверныя своя жертвы употребляютъ лошадей. А аже въ дальнихъ пустынныхъ селеніихъ обитають, сіи елени иначе приносятъ на жертвы, поне снхъ аки домовій скоть у оныхъ многоплодны. Егда же приведутъ жреомъ предъ кумиры, сидевымъ обыкновеніемъ сіе жертву приносятъ: иже выще бусловити можетъ, себѣ вмѣсто жерца началствуа, приведеннаго скота пріемлетъ и связуетъ первое ноги; другій коніе пріемша,

держитъ прамо противъ жремаго скота; третій съ напружен-нымъ лукомъ станеть; четвертый въ сѣнѣроу станеть про-тивно очий приведенного звѣра. Начынаеть убо жрецъ басно-словити пѣснями моля идоловъ изобиліе рыбъ подать, угод-ное ловленіе звѣра получить. Окончавшу же сіе, удараеть скота первое самъ жрецъ уготованнымъ на то орудіемъ, по-томъ другой извѣтъ стрѣлою, третій копіемъ. Падшу убо скоту, еще дышущу, смлють и грызды около идоловъ сего обносятъ, послѣди удараеть ножемъ въ сердце, испущая кровь въ блюдо, кроплять сею мерзостію и жилища своя, идоломъ же уста помазуютъ, въ украшеніе же и всегдашнее воспоминаваніе кожу со главою и ноги даже до колѣнъ па одно съ кожею на древахъ завѣшуютъ надъ кумирными и избирають на се крѣчайшія дресеса, наиначе мѣкое лѣствичное древо, иже подобно сосновому древу, но крѣчайшее и не гнущее наче иныхъ дресей; мяса же сварюъ, избранѣйшими частици кумиромъ уста смазуютъ; послѣди же вся сіа сошедшея съ чады и домовники своими спѣдаютъ. По спѣденіи же, въ зна-меніи благодаренія, палица своя на воздухъ бросаютъ: се мнѣть нечистаго духа, его же боготворять во ономъ идолѣ, съ ними па томъ же пированіи присѣдающаго провождать возносящагося на воздухъ. Глаголють же, яко и страсти ради сіа творять, чтобы сохранилъ честь творимую имъ. Обыкоша бо за злополучіе мѣкое безчестить идолы своя, и сего ради при всякомъ приношеніи жертвъ знаменія страхъ имаютъ, желая да вянцѣ о семъ имѣють попеченіе на звѣри и па рыбныхъ ловахъ добрымъ ихъ обдарить промысломъ. Силь частымъ жертвъ приношеніемъ въ премногую влѣдочна пищу и крайное разореніе, яко чадъ и женъ своихъ продають занмодавцѣмъ своимъ въ работу. Егда бо скудость и пища его начнеть одолѣвать, тогда

лестное мнѣніе и тщетная надежда попуждать сего приношеніемъ жертвъ свискать себѣ у идоловъ благихъ нѣнкихъ приобрѣтенія, не имѣя же откуда промыслить на жертву скота, жену и чада въ закладъ отдасть, надѣяся обрѣтимымъ благополучіемъ искупить оныя; но лестію сего иногда погубляемъ бываеиъ, надолзіѣ тщетнымъ чланіемъ: искааъ блааъ, ничесо же обрааъ, а не имѣи чимъ искупить, жени и чааъ линаеиъ. И тако минимъ ихъ блааъ датеаъ, боготворимъ во идолѣхъ дуаъ лжи утасиною лестію безвѣстно сикъ невѣжей истребляеиъ нѣнкіи, и чааіемъ будущихъ имущаа погубляюиъ.

Ѣ. Между различнымъ кумира почитаніемъ пренного почитаютъ и дивіи звѣріе, пайнаае медвѣдь: его же почитаютъ должностію, выповнихъ себе разумѣиъ быиъ, заае зловѣрааъ, ако по убіеніи отъ руаъ аае не буде поченъ, то свое убіеніе убивающему отмститъ; и сего ради аае случитъи имъ сего убати, спемше кожу предъ кумирною поставляютъ, распростираа оную, приподобляюще ааи живъ, сопедшесе убо игралица, нласаніи около сего творятъ, изъавляеиъ же пѣснями невиновна себе его убіенію, глагола: ако не онъ дѣлаеиъ жалѣаа и стрѣлаи, ниже его пера: Рукавъ укова желѣзо, пера орель—родитеаъ; такими пѣснями восклицаютъ, послѣди приходяиъ и лобзуютъ распростершую кожу; удоволивши же себе сими діавольскими игралицамъ, оную вземлетъ властители ея и продаеиъ ю ааеже хоаеиъ, а употребляеиъ безъ сомнѣніи. Странное сего диваго отъ звѣра почитаніе мнитъи тоаеде быиъ отчасти идолопоклонніе, заае клятвы свои на кожи утверждаюиъ и звѣмо со опасіемъ соблюдаютъ; многимъ бо случаетъи, иже сіе обываеиъ имъ, ако отъ звѣра сего поражаеиъ и убиваеиъ бываюиъ клевоюиъиъа лестно; ложнымъ же усты и клатвою

предаются звѣра сего убійству. Аще же се бысть острою и хитростію діаволскою, иже истинну дѣйствовать претворяетъ себе, да симъ ипнымъ многоимнымъ лестемъ звѣровати народъ приведетъ. Мнится же, яко и поущеніемъ Божиимъ бысть се во лжи наказаніемъ, а не дѣйствиємъ сатанинымъ; зане сей разоритель истинны, а не блюститель оныя, а таковая страсть удерживаше отъ всякія лжи и неправды ихъ зане Господь и въ языцѣхъ поущадше истинну.

Б. Егда же вѣрность Государю своему Его Цесарскому Величеству клятвами утвердити и явити случай поущадше, тогда по ихъ злобѣрю и обыкновеніяхъ полагають сего же прежде воспоминаемого звѣра кожу, на ней же топоръ, ножъ и инныя страсти орудіа. Хотящимъ убо утвердити и обязати вѣрность свою клятвою подають симъ ножъ, сномъ съ кожи, на немъ же на концы часть хлѣба положше подають, ииѣсто же черты талмачъ выговорить: «Аще лестію сію клятву утвораете, и несправедно служить и радѣте въ отданіи ясаку будете, звѣрь сей отмищеніе вамъ да будетъ и отъ него смертію да постраждете. Хлѣбъ сей и ножъ да погубить тя, аще не правдою вѣрностію, ею же обѣщашися, творити хоцещи». И сей обычай главный и всенародный клятымъ обѣщанія: междоусобнымъ же прѣніемъ и сваромъ егда имать клятвою что засвидѣлствовать и смиритъ превословная противности, то предъ идола свои домашнія противящіяся приходятъ, и ему же клятвою оправдаться подобаетъ, сему старѣйшимъ ихъ ножъ даютъ, въ рудѣ, повелѣвая: «Аще ты сему на тя вждающему невиновенъ, се имашы ножъ. Возьми идола (по ихъ шарфтію: шайтана), сокрушай и сѣбѣ его; не опасенъ же вины вземлетъ идола, сокрушаетъ и сѣбѣчетъ пригожорипал: взыщи виновнаго и тако сокрушай, содержаи въ работѣ

своей врагъ». Иногда виновному сіа утвораетъ, се же не яко хранитель истинны, отецъ бо лжи, ненавистникъ есть онъ, не яко обмыль тну укривать блистаниємъ притворлаго свѣта и явственную лжу хитростями, истинну претворять, тако и здѣ да не всегда явить себе лукавымъ лестцемъ, иногда принужденъ отчасти явити себе хранителя истинны, и языци бо аще бы всегда лукавое и лживое видѣли дѣйствіе его, отвратились бы лестей и лукавыхъ обычаевъ его, ими же уловлены впадоша въ богомерзкое идолопоклоненіе. Но сей исконъ лстець, содержа ихъ въ сѣтехъ своихъ, соплетаетъ и истинну съ лестію, да симъ коварствомъ множайшимъ лестемъ выфрити научить и благое къ добру притвораетъ своимъ дѣйствомъ, и ничтоже сему противъ есть явити иногда притворную истинну, дабы только сею низвелъ множайшимъ прелестемъ въру лти симъ же и пакы прелестившихся низвести въ погыбель еже едино ископи его тщаніе.

§. Между различнымъ многобожіемъ содержать разньствіе и сие: домашнія своя божки, яко всегдашнее свое руководііе, не такою честію почитаху, зане естественнымъ ума познаніемъ творимая своими руками, всегда видя, повседневно же съ оними имѣють обхожденіе, малымъ чымъ умалаютъ почитаній отъ древнѣйшихъ; богомъ симъ бо высочайшею честію покланяются, зане дѣломъ отецъ и праотецъ своихъ усердіѣ ревнують. Ревностію же и древностію обыкоша и узакониша себе вающимъ повинновеніемъ покланятися симъ, иже древность остави имъ, воспріяна убо отъ преданія и злочестія старѣйшихъ своихъ древностію почитаемыхъ боговъ, ихъ же во всей Остацкой странѣ почитахуся три первоначальныя: парнцаетжеса Старыкъ Обскій, Гусъ и Кондійскій, о нихъ же послѣди.

Б. Старикъ Обскій сей имѣюще свѣрное свое хранилище на усть Иртыша недалече Самарова града. Бысть же сей по ихъ зловѣрію богъ рыба, изображенъ безстуднѣ: доска нѣкая, носъ аки труба жестяны, очеса стекланы, роги на главѣ малые, покрыть различными рубицы, сверхъ одѣять червленною одеждою зъ золотою грудью. Оружіе—лукъ, стрѣлы, копіе, панцеры и иная—около его бяху положенна. Вину собранного оружія, по мнѣнію зловѣри ихъ, сію называютъ, яко сей въ водахъ брань часту имѣеть и прочія подручныя себѣ побѣждаетъ. Мнѣть же безумнѣ яко шарадъ сія ужасна видѣнію всѣмъ въ мори, и въ великихъ водахъ страшна есть, проходить сквозь вся бездны, въ нихъ же рыбы вся и; звѣры водныя подъ своимъ имѣють правленіемъ, и елико кому похощеть, толико поущасть. Имѣише двѣ кумирни: первая яко воспоманукомъ при исходѣ Иртыша, идѣ же впадаетъ въ Обь; другую же при великой рѣки Оби, въ нихъ же по трилѣтню пребываше; егда время угодво начинается быти ловленію рыбъ, когда предшней зимы солнечнымъ свѣщеніемъ льды распущаются, и воды зѣльны студень и жестокость во благоприятную измѣняются теплоту, тогда служителие бѣсовъ жерци ихъ начнутъ лестями коварно проинносати, аки бы видѣніе приняша отъ сего бездушнаго истукана, что вся рыбы морскія времени сего ввести имѣють въ ловли ихъ, народъ же издревле помыраень лестію вѣру смелеть, великодушествуя въ надеждѣ скоро исходить къ ловленію рыбъ, и первую рыбу морскую, аже пелму нарыцають, егда по случаю обратитъ въ его мерзкую приносять жертву, сваривши сію прежде сытостію уста и носъ идолу сему змазують, прочая же сами снѣдають; снѣдши, по обычаю своему, вмѣсто благодаренія палками мецуть на воздухъ, его же приемлють съ честію, аки бы

что достойно приносить изъ кумирни до другія кумирниці, провождающе же различная бѣсовскія творять игралища. Егда же на первомъ ловленіи морскія не обращуть рыбы искори, возвращаются съ премногимъ ругательствомъ, нападая на нь укаранъ, яко безстудная старости сего только, отецъ и протеецъ нашихъ неблагодереть забыть почитанія и не радить о рыбномъ промыслѣ, погубляеть гладомъ насъ; малословномъ же его ругая, вѣцше скорасе дѣлы ругательство изъывая свергши съ игралища, первую оценивши, влекутъ его во вся безчестная мѣста, попирая всякъ ногами и оплевая его, и дотолѣ въ семь содержать безчестія, донележе половъ рыбный начнетъ исправлятися. Приличествуеть здѣ вспомнить обычаемъ симъ повѣсть о нѣкоемъ древнѣмъ идолопоклонницѣ, иже, крайнюю одержимъ нищетою, ввійде въ кумирню моляше, нѣкоего кумира о благое нѣкое подавіе въ нѣщеть; кумиръ же бѣ деревянъ, въ главѣ же часть злата содержаща. Надолѣ же сему молящуся, ничто же обрѣтши, приеъмъ кумира удари о землю; сокрушившемуся убо всему, изъ главы испаде злато, требующій же скудникъ приеъмъ рекъ: «Моленіемъ ничтоже обрѣтохъ, бѣненіемъ же вѣцше получихъ ты благодать». Добрѣ сего искусства и обычаевъ бѣдственныи употребляетъ Остякъ, егда чего у своихъ почитаемыхъ благодѣателей немилостивыхъ божковъ моленіемъ не обращеть, бѣненіемъ же взыскуеть.

4. Гусь боготворимый идолъ ихъ быше, изъявъ отъ мѣди въ подобіе гуса; имѣ скверное жилище въ юртахъ Бѣлогорскихъ при великой рѣкѣ Обѣ. По ихъ зловѣрію, почитается Богъ птицъ водныхъ: лебедей, гусей и всякого рода птицъ, иже водному обыченъ плаванію: мнѣху же яко за легкость свою сіи лѣтая невидимо по мѣстьдахъ веселія исполненныхъ и видѣнія пріятныхъ вся покараше подъ область свою

птицы. Въ кумирниці сѣдалище его бѣ отъ различныхъ су-
конъ, холста, кожѣ сонлетено въ подобіе гнѣзда, на немъ
же сія вселшася прочвара сидише, почитаніе бѣ того не-
мало всегда, а наипаче во время егда ловленіе птицъ вод-
ныхъ начинашеся, зане и мѣста здѣ къ ловленію ихъ вѣлю
угодно и множество безмѣрно различныхъ родовъ птицъ.
Славимъ же бѣ только сей идолъ, яко отъ далечайшихъ се-
леній приходяху скверная своя совершающе жертвы, еди-
нымъ обычаемъ скотовъ, а наипаче лошадей приношаху,
имѣаше твердое о семъ мнѣніе, яко сей есть скорѣйшій
многихъ благъ датель, а наипаче изобиліе подаеть получать
птицъ водныхъ. Въ семъ поданіи народъ прелестію сатаны
ослѣпленъ, и наипаче являющій себе вмѣсто жерцовъ лже-
словіемъ своимъ во всей Остицкой странѣ прославиша сего
только, яко многія невѣжды вѣроваху чудесная нѣкая при-
мать благополучія, и многія тщетною надеждою прелциемъ
обезумишася: скота, его же всегда можеть безъ трудовъ
употребляти въ препитаніе свое, пожреть сего бѣсу сему,
самъ же чаніемъ благъ надеждень гѣтаемыя по воздуху
трудомъ снискать птицы, яже иногда чающе получить въ
руцѣ, очесы и мыслию гѣтаемыя по воздуху провождаетъ,
вещію же обрѣтается гладень и скудень, но обаче возлю-
бившій злобу паче благостини, неправду неже глаголати
правду прославляху его.

Г. Первоначальный же и паче всихъ настоящій кумиръ
здѣ бо за едино зъ гусемъ бысть во единой кумирни въ Бѣ-
логорскихъ юртахъ. Сего и Кондійскимъ прежде воспомина-
хомъ, по сему что народъ сей зѣло по своему зловѣрію ко
оному имѣюще усердіе; нынѣ во время сіе егда искореняшеся
идолобѣсіе, сохраниша сего истукана и унесоша въ Конду,

откуда же и Кондійскимъ нарекоша. Тамъ же Вагулитомъ, единомысленнымъ злобѣи своего сожизникомъ, въ соблюденіе даша, сего ради и не получыхомъ видѣти и извѣстно описать о безстудномъ изображеніи его, и доселе тамо пребываетъ. соблюдаетъ, донелѣже всесилною десницею Сіи и вездѣ Сіи достигше сокрушить и потребить.

ГЛАВА II.

О началѣ благочестія и о искорененіи идолопоклоненія въ Остяцкой странѣ.

А. Яко же прежде воспоминахомъ о пространнѣхъ сего Сѣверскаго государства предѣлахъ, ни же до славныхъ государства Китайскаго достигають стѣнъ, многочисленіемъ же различныхъ дивныхъ идолопоклонническаго зловѣрія народовъ населенна, — обаче отъ лѣтъ полтораста и вѣднѣе, егда сіи роды руссійскому покорены скипетру, во всѣхъ сихъ зловѣріяхъ идолобже сіи невозбранно хранилися, паче же просвѣщасть и свѣтомъ проповѣди евангельской и не попускахъ власти правительствующаи народами сими и никто же доселѣ о спасеніи сихъ имѣ усердіе и попеченіе, допелѣе сіи имѣ искони, не уснѣти, ни воздримѣти некій-ся о спасеніи человѣческомъ, избра такового правителя руссійскому скипетру, иже по многихъ государей отчичъ, дѣдичъ и наслѣдникъ, первый именемъ Петръ, Россіи правленія воспріять скипетръ, имъ же аки ключемъ царствія небеси отверзе симъ языкомъ двери спасенія; во дни бо своя усердный баше любитель отчества, трудолюбивый же искатель благочестія, се же воспритвор-

нымъ хитрословеснаго ласкательства показуется словомъ, паче бо полуденнаго свѣта всему миру ясно зрительно истинна отъ дѣлъ является, каково усердіе имѣаше и отчеству своему, заше не только хитрости вонпскія ученія ими же прочіимъ государствамъ крѣпку и страшну показа державу свою и инная ученія гражданскаго правосудія, наипаче же Богомъ угоднаа премудрости сллино-славено-латинскія утверди училища и умножи ученія, еже прежде въ Россійской державѣ не быша. Се же все умножи ради благочестія взыска-тель бо полезныхъ государству своему не презрѣлъ и сего разумѣніа, иже иногда великому Іустиніану востомлнпуша: ничто же боліе ници царю, яко приложити государству твоему благочестіе: се бо есть твердь и крѣпкое основаніе государству. О семъ въ началѣ благоутодѣйшаго правленія государства своего зѣло упражняшеса и имѣа о умноженіи сего усердное попеченіе, многія премудрѣйшіе введе учителя церковныа и престолы архіерейскіи правителствовати вручаше, да Богодухновенныхъ проповѣди ихъ ученіемъ умножая умножится благочестіе. Въ то время и на престолъ Сибѣрской митрополіа егѡ же, Всероссійскаго императора, повелѣніемъ Кіевопечерскіа чудотворнаа лавры эконома избранъ, преосвященный Филосей, митрополеть Сибѣрскій, и сгда первое нача въ здѣшнихъ Сибѣрскихъ предѣлахъ проповидать и умножать благочестіе, искоренять же зловѣрія ихъ идолопоклоненіе.

К. Толика же ревность сего и усердное тщаніе бысть благочестія, яко не довольно бѣ въ предѣлахъ пастыи своеа изгоняти тму кумирсложенія, но тщашеса и во окрестныа страны, прилежащія къ предѣламъ царства Сибѣрскаго, вни-стять у нихъ свѣтъ проповѣди евангельской, — облежаша бо

страны царство Сибѣрское суть злочестіемъ идолопоклоненія слѣпотствующіи роды. Сего ради попускаше его всегдашнее ревнителство всячески искать, како бы солнце Боговидѣнія сѣбѣ истинный свѣтъ свѣтлості ввести въ тѣхъ ослѣпотствующихъ роды, и посылалъ быше богословіи учителей даже до Китайскаго государства, тожде и до Мунгалскаго владычествующаго законоучителя и законодавца кутухти, его же вса Калмицкіи роды и Китайское государство премногое почитаютъ. О его же зловѣрїи вкратцѣ нѣчто извести прилѣчно.

Г. Зловѣрїя сей древнихъ еллинскихъ любомудрѣцовъ, Пифагора и прочихъ, иже злѣ вѣроваху преселеніе душъ человѣческихъ въ животныя, сіе содержитъ и сей зломѣрїе, заше аще множество скота имѣеть, обаче а не убиваетъ въ своихъ селенїяхъ, но предаетъ испудѣ въ руки иныхъ, отюду же мяса себѣ взимаютъ цѣною: се же сѣмъ явити хоцеть благосердіе свое, яко не хоцеть кровію осквернять жилища своя, иже почитаетъ священная, ниже здѣ повелѣваетъ быти мнимому душеубійству скотовъ: яже себе показываетъ народу, яко удаляется отъ мира и духовнаго воздержнаго житія искатель, ниже бо и сообщенія съ мирскими людьми имѣти хоцеть. Аще бо и весь Мунгалскій народъ подъ своимъ правленіемъ и властію содержитъ и въ степяхъ со оными пребываетъ, но обаче особѣи отъ нихъ. И егда по своему обыкновенію иная пастынныхъ мѣстъ скоту своему съ мѣста на мѣсто переходятъ, со оными же и самъ владычествующій имъ законодавецъ кутухта егда преселается раздѣлительно отъ общаго народа только со своими тогожде житія хранителями, иже и ламами парятся.

Д. Сіи ламы, по ихъ зловѣрїю, почитаются яко законоучители и чиновники духовныя, жителствуютъ безъ женъ,

питіи всякаго, вина и иного, ими же возмущается умъ, блудится, ниже покупають, только едино обычное себѣ питіе чай употребляютъ. Умирительное же астіе, и не тако мисль, яко овами питаются. И за сіе воздержательное житіе зѣло почитаются отъ народа, зѣло же упражняются волхвованіемъ. Все же сіи ламы разные чиновства своего степени имѣють: нѣки бо низайшого, нѣки же высочайшаго степени суть. Превышше же всѣхъ властей и чиновъ первоначальнѣй содержитъ степень делай лама, иже и Тангускую землю изобилную всѣхъ богатствъ подъ своею областію содержитъ и кутуху древле по себѣ втораго иногда утворы и пода Мунгаломъ, но сей пернѣй во влглости и далечайшей страны пребывавъ, добронравіемъ и властію приклони къ себѣ народъ Мунгалскій и тако утвори власть свою, яко всѣхъ сякъ поработи ласкательствомъ самовластной державѣ своей. Отсюду паче уставлено и чиновства своего чреды провознесены и не весьма покарашены власти делай ламы, самъ утвердися равновластитель и самовластнѣй законодавецъ народу сему. По семъ всѣ кутухѣ даже до сего дне едины отъ единого поставлены содержать власть сію и тчятся лвити и себѣ единовластителей съ делай ламою, обаче народъ Китайскій и Калмычій и отъ Индіи вышше власти и достоинства почитаютъ быть делай ламу, зане сего зѣло въ дѣйстви о мечтахъ сатаниныхъ силахъ мнѣть быти чудесника и волхвованіемъ изводничаго вѣтръ, мразъ, дождь, сгуда хоцеть. Паче же разумѣють будущихъ предвидателя, еже предвидѣніе отсюду слѣпнотствующему народу являютъ, грлущихъ бо къ себѣ на поклоненіе нѣсколко десятъ помирнщ отъ жилища своего предвѣщаютъ пришествіе ихъ къ себѣ и время преодѣлать, еже и збывается во время назна-

менованное. Отъ него всегда же сіи роды Калмыцкій, Китайскій и Индійскій волхвованія тщательнѣ изучаются, всякъ отъ нихъ мразъ, буру, мечты діаволски претворяють; ниже бо како торговле ихъ люди безъ такового волхва въ путь како держаютъ ити, донелѣже такового въ караванѣ своемъ не обратятъ волхва, иже нисводитъ студень и влагу, сю же отъ знои и мұхъ въ тамошнихъ теплѣйшихъ странахъ скотъ и ихъ самыхъ соблюдаетъ. Толико же діаволскою силою ложно и притворно дѣйствуема пѣсть сомнѣнію какому, но паче презрѣнію достойна. Егда въ немъ внемлемъ Симона волхва, иже съ Петромъ святымъ толикими чудесы преспирашеса, яко отъ ложно творимыхъ сихъ дерзну и боготворити себе, возношашеса до небесъ. Обаче егда побѣжденъ бысть силою свѣтше, вси притворно дѣйствуемая ложная явственно очесамъ предстоящихъ открышася.

Ѣ. Тогоже искусства и волхвованія и кутухта содержитъ ученіе и зѣло въ семъ упражняется толикоже силою сатаниною дѣйствуетъ; яко отъ народа единоравнѣя благотворимая со ідолы своими удостоивается чести и зѣло премногіа сему творять почитанія, наипаче егда на иная селенія переходятъ, тогда поставляютъ предъ лицемъ его чашу мѣдну намоленную углѣмъ, на ню же благовонныя зелія покладываютъ вси приходящіи, егда же всядетъ на колесницу свою кутухта, предъ нимъ ідолы ставятъ, тогда во свирѣли и трубы необычно долги восклицаютъ зѣло громогласно. Народъ же отдалече стоя поклоняется падше на лице свое. Нѣдѣи же, аще толико дымокуреніе его на жертву приносимую узрѣть, падаютъ на лице свое взывающе іегень кутухта: сіесть свѣтлый рай. Сего словеса употребляютъ, аще кто нанаставлемый въ клеветѣ какой или въ какомъ подзорѣ клятвою себѣ очы-

стити ищеть, тогда долженъ около жилища самого кутухты трижды обходя изректи гегень кутухта. Аще же виновенъ чему будетъ, никогда не дерзнетъ изректи сего гегень кутухта, но вину, исповѣдуетъ аще и смерти за оную постраждеть.

5. Приношеніе жертвъ ихъ всегда на повоиѣсчїе бываетъ, а начнате во время празднованія главнаго ихъ, иже въ числѣхъ первыхъ февраля мѣсяца, по ихъ паридаетъ цаганъ: сіестъ бѣлий мѣсяцъ, его же аки начало исселія почитаютъ. Украшаетъ же себе кутухта съ ламы своими одеждою свѣтлою, власы на глазахъ своихъ вся обрѣютъ и только различными мастями и утварями лица своя украшаютъ, яко погубляющіи видѣніе и красоту, старость ихъ притворною младостию обновляется и украшается, иже навсѣнь новъ мѣсяцъ обычай имъ есть. Отсюду простоумецъ общій народъ баснословить, яко существеннѣе обновляется юность кутухты съ преминеніемъ луны. И никогда же не умираеть, но се искусны ихъ законоучители тако разумѣютъ безсмертіе сего: не аки бы онъ существеннѣе не умиралъ, но яко душа сего съ добродѣтели въ инаго преселается, его же живъ суще кутухта избираетъ и предъставляетъ на владычество свое по себѣ, — яко же и вышнїи кутухта живъ суще избра племянника своего, сестры своего сына, его же назнаменовъ поставить по себѣ на степени владычества своего. Сестру же свою сію поставилъ въ ламы. И егда на всенозорномъ сѣдалищѣ съ ламы своими сѣдаеть, тогда сію сестру свою первымъ по себѣ почитаетъ мѣсцемъ, зане и жены сего тыновства удостоиваться, аще такового житія воздержницы желаютъ быти.

6. Егда же входити хоцетъ въ кумирню до почитанія и поклоненія идоловъ, тогда прежде всѣ ламы въ его хра-

мину собираются и по чину своему около его сѣдать съ многими смиреніемъ сложенными на персѣхъ рукѣ, въ тайномъ зѣло безмолвіи; егда же сій отъ сѣдалища своего востаетъ, тогда вси сїи вставши послѣдуютъ ему; иными же предидуть полагающе благовонное зелье на угліе въ чашу; предъ нимъ же сіе посятъ благоуханіе, провождаютъ же въ кумирню со восклицаніемъ трубнымъ. Вшедше въ ню на высочайшемъ сѣдаютъ мѣстѣ. Около же сего вышняя и нижайшая степени утворены, на нихъ же по чину своему сѣдять ламы. Предъ самого же кутухту поставляютъ семь чашъ, яко же предъ идола, въ нихъ же медъ, вода, чай, въ прочихъ же разная сазарная ястія, ихъ же по чтеніи и пѣніи своимъ кутухта употребляетъ и прочимъ по части подаютъ, аже съ великою пріемлютъ честію. На всякаго же главу отъ престолниихъ полагаетъ рукѣ свои вмѣсто благословенія и тако свое окончиваетъ кумиротелное почитаніе и припошеніе идоломъ.

И. Въ кумирни между различными ідола, аже всѣ въ подобіе человѣческое отъ мѣди, сребра и золота хитростію изваянна, единъ же зѣло великою хитростію въ подобіе нѣкія жены созданъ, и сего парятъ Аюнгъ; отъ стои же ногъ сего ідола цѣлуютъ селный изведенъ; весь окружастся ідолъ цѣломъ ситъ, на немъ же гроздіе виное и прочіе селные цѣлты и взоры ивѣченны.

Д. Прежде вспомню тво послы, богословія учителя, достигше предѣлъ сего кутухты съ великою честію и премногою любовію пріяты и почтенны быша, яко посланіе сихъ кутухта пріемша цѣлованіемъ почти; прія же и дары посланныя любезнѣ, жезлъ украшенъ и прочая. По пріятствованіи и разговорѣхъ, восхотѣ искусити учителей снцевымъ

вопросомъ: «Ближе, нѣтъ речете, умершихъ дѣлѣ отъ перыбытія человѣческаго по своимъ изчисленіямъ писаніямъ?» Тогда пѣнго отъ учителей таковъ неудобъ постижимый вопросъ дерзнулъ и пѣнго вопросомъ отбѣтствовать сикс: «Можно высочайшей власти вашей, колико своимъ писаніемъ по всей вселеннѣ въ сіе настоящее время начислается въ живомъ тѣлѣ дѣлѣ человѣческихъ?» Удивися кутухта, рече: «Невозможно сему изчисленіемъ предѣлъ положити, зане въ самое сіе время, еже слово отъ устъ исходящее содринуть мѣсто времени, мнози могутъ по всей вселеннѣ раждатися». Учитель въ сему: «Сего ради ниже умершихъ изчисленія предѣлъ положити можемъ, зане въ самое время сіе, яко отъ устъ слово исходитъ, мнози по всей вселеннѣ умирають, и скорбѣннѣмъ иныи путемъ переходятъ отъ мира, ниже въ мѣртъ». Многа же иныя отъ писаній Божественнаго свѣтовиднѣ показавше, тайны спасенія человѣческаго о воплощеніи Сына Божія и прочая. Откуда нѣкое возбуждашеся въ немъ усердіе слышати внѣмати по нѣстусмалъ отъ христіанскаго писанія, чего ради остроумныхъ юпошъ двухъ оставиша тамо за повелѣніемъ преосвященнаго архіерея въ дворѣ кутухты въ наученіе грамотъ и языки ихъ, дабы несорѣтельно показать и извѣстити могли путь вводящій въ разумъ истинный, самъ же и на спасеніе отъ заблужденія идолопоклонническаго наставить я стези. По сему не воспоминаа различно препатіа, яко толмака ревности и желанія не получи желаемого безъ помоществованій свѣтше. Владѣти же Божіимъ нѣкіимъ предуздѣніемъ сіе зачатосъ дѣло безъ пользы искаемъ окончися, зане обращеніе нечѣрна пѣсти чловѣка хотяща, по Бога милующаго.

Г. По времени Всевышняго правленіемъ преосвященныи митрополитъ Филосей остави власти архіерейской правленіе,

воспріять схимонашескій чинъ. Престолъ Сибірской митрополіи по немъ воспріять пресвященный Іоанъ, архиепископъ Черниговскій, и бысть правительствующій архіерей престола митрополіи Сибірской. Разпо же усердно ревнитель и трудолюбивый искатель благочестія предъиди же возжеде въ тишайшомъ пребыть безмолвіи и уклонитися въ предъидиую свою великія чудотворима Печерскія лавры обитель. И уже бѣста ногѣ намерены тещи къ тишайшему безмолвію, обаче Вышняго правленіемъ обратися къ громогласному благоустройство спасенію роду человѣческому. Высокимъ бо повелѣніемъ Царскаго Величества пріемше правительствовать губернію царства Сибірскаго, князь Матвей Петровичъ Гагаринъ, иже яко первый бысть губернаторъ Сибіры, тако и первый въ ней отъясниже подъ область Россійскихъ монарховъ преиде благочестія умножитель, первое убо благоразумнаго правленія своего показъ начало, сгда назначе Божественнаго о умноженіи благочестіе, еже всему государству, зане сіе много пользуетъ государствамъ, усердное начатъ имѣть попеченіе и путешествіе пресвященнаго иудѣ наміреніе оудерия, и обрати на стези общаго спасенія рода человѣческаго, возбуди въ семъ дрсвенно его желаніе и усердное искуемое лви сему благополучіе, аще же и старостію изнемогшаго, обаче благоразумнѣ предувидѣ и предъидибра крѣпкаго и достойнаго таковой вещи трудолюбца, яко послѣдствующія свѣтокидно покажутъ, како неудобъ носима при такой старости, въ ней же умножасть трудъ и бѣдѣнь, повесе и претерпѣ усердно, благодатию слышше укрѣпляемъ.

Ѧ. Не медля же воспріять усердно начало благоустройство сего и проповиди свангелской ,ѦѦѦ году, и первое

пача въ странѣ Остяцкой, идѣ же непритворнымъ воспоминаемъ ласкательства словомъ, заже отъ дѣлъ выще узрѣться толь достойная похвалы и удивленія ревность иже старостию изнемогшаго на толикія воздвиге труды и путешествіе по тѣхъ мрачныхъ и мрачныхъ странахъ, мною бо, яко не мягкія здѣ, якоже инде благовѣствующихъ возѣ благовоинныя кринны, иже правныя Китайскія и Индійскія земли удостоаются паступать, отъ нихъ же и своя страпа и обители наполняютъ и удовлетворяютъ благовоинемъ; но здѣ трудитися избра сей трудолюбивый ревнитель, по сирадымъ, пустыхъ и жестокихъ мѣстехъ необычнымъ жителствующимъ пребываніемъ и зловерительною язвою [о ней же прежде], вѣденію челоувѣческому ужасныхъ и непріятныхъ. Обаче, вмѣсто кривовъ селныхъ обрѣте благовоинный вертоградъ, церковь Христову, ново собраніе вѣрныхъ, еже принеслъ изъ Египта отъ работы діавольскія и печестія идолопоклонническаго свобода пресели изъ Египта народъ сей въ вертоградъ Христовъ. И бысть сему благопріятный плодъ неселія и благовоинія, егда трудовъ своихъ желаемое списа благополучіа, избавленія же ради слѣпотствующаго народа сего, аки послѣдки всего мира, никто не бѣ дабы зрѣти и вѣдѣти восхотѣлъ погибшую сію тварь, аще не бы Всевышняго десница толь разво и умирительно избрала и предпоставила обонхъ ревнителей, такъ правителя царственной Сѣбири, яко и трудолюбиваго благочестія сего проповѣдника и учителя. Елико бѣ трудъ сего, толико подаваше помощи благоразумное губерниатора правленіе и облегчаваше трудъ, а идѣже нужда и недостаточество убѣждалаше труждающагося проповѣдника, тамъ же егоже, предостойнѣйшаго губерниатора, щедролубивое благоутробіе всѣмъ изобиліемъ уловляше; единою рещи, яко Вышняго правленіемъ

соединены обоихъ добродѣтели, ревность учителя со благоусердіемъ правителя, трудъ проповѣдника съ благостынею многомогущаго властителя, за единою совокупленною крѣпкою стана низринуть и разрушить владычество и престолъ сатанинъ царствующій и гнѣздящійся въ семь Остацкомъ идолопоклонническомъ родѣ.

Кі. Егда же его княжая свѣдѣлость, губернаторъ Сибѣры, избравши достойнаго таковой вещи учителя, вселескими же пудами изобилно удоволивши сего отпущи воднымъ плаваніемъ въ семь настоящимъ году, ѿѣѣ, тогда проповѣдникъ и учитель устави себѣ, первое, крѣпкія нечестія стояши и основаніе ихъ, на чемъ утверждаху злочестіе свое, низринуть, разорити капища, опровергати и сокрушити вси идолы. Смыль первое слѣпотствующему роду возмогли свѣтовидно дѣять помощь сихъ бездушныхъ истуканомъ, и яко человѣческихъ руки зданіе бысть, тако человѣческими руцѣ сокрушается, и ихъ же зломѣніемъ своихъ члаху всемогущихъ, и помоществованіи отъ сихъ требоваху, лишь да зрятъ себѣ помощи не могущихъ искоренити: тако первое твердѣ нечестія, идѣже восхотѣ насаждати и водрузити благочестіе, прегнати тму нечѣрія. Оттуду, идѣже свѣдѣлое благодати Божией и проповѣди евангелской вести подобаше познаніе, начеши убо отъ первыхъ жилищъ ихъ по Иртышу, аже въ трехъ дпехъ тихимъ плаваніемъ достигаются отъ Тоболска. Вся кумиры, истуканы бездушныя сокрушиша, скверныя капища и кумирницы разориша и сожгоша. Прострежеся надежъ и разореніе сихъ даже до Березова; и все сіе идолобѣсіе наде неспѣльнымъ надежемъ, аще же и видяху слѣпотствующій народъ помощь бездушныхъ сихъ и ничтоже вѣщае, яко древо истлѣнно предающееся, обаче рещастію злочестія по-

мраченны противихуся, возбраняюще кумири своя, иѣдши же во время падежа боготворимыхъ истукановъ изъ лжиныя чудеса ажеславляху оныя.

Г҃и. О старику Обскому, аже бѣ у нихъ мѣстный богъ рыба, ажеславляху чудесное иѣкое: Егда бо сего сожеши хотяху, и крѣпко противящеся, возбраняху, но обаче поучительными словесы изъясниша имъ, яко сей бездушный истуканъ ничтоже есть паче древа, еже вселеннаго въ себѣ содержати діавола, и не только многомощетъ помоществовати намъ, изобилиемъ какимъ удовлетать, но паче отъ насъ нынѣ соблюденія и помоществованія требуетъ. Не ослѣпляйте убо себе зломѣніемъ, аки пренятами отъ сего есте, но вышше сами свѣдаемы во имѣніяхъ своихъ и пожираемы есте сквернымъ сему приношеніемъ жертвъ. Вспомните, яко вся стихія: огонь, земля, воздухъ, море и вса, аже въ нихъ единого всеи твари Творца премудростію созданныа суть въ употребленіе человеку и Его вышшею досницею всехъ благъ даніе есть. Тогда мало свѣрѣпѣства противниковъ укротитиша тмѣйшими словеса сѣи и понустиша боготворимаго своего истукана предати огню; обаче злохитрство иѣкихъ и злочестія ревность, гнѣздицающаяся въ сердцахъ, понуди ажеславити чудеса иѣкая: сожигаемаго убо зраче кумира, притворивша себе видѣти отъ пламене подобіемъ лебедя плетѣннаго, и вездѣ лестцы и ажеслужителіе расѣлаша плесамъ сѣи; иныи же несиа глаголютъ не быти сему. Аще же бы и притворился инымъ тако сатана, ничтоже дивно: могій понущеніемъ Божиимъ иногда огонь свести съ небеси, кое чудо отъ огня и пламене убѣжати дѣйствующему во плоть сатанѣ, коварныя свои пренятія держащимся невѣрія оставляя сумнѣніе. Но ничто же уснѣ хитроковарная злоба сего: не сохрани бо себе,

ниже своего жилища, ни другія лестію сєю соблюде бѣсовскія хранилища, аще и вѣще подвизався въ соблюденіи нечестія своего.

ѿ. Въ Шорковыхъ юртахъ бѣ кумирь изрѣченъ отъ древа въ подобіе человѣка, сребрепъ, нимкнъ лице: сей дѣйствиємъ сатанинымъ проглагола бездушный и предвозвѣсти надходящее себѣ близъ разореніе отъ десницы проповѣдника и учителя, моляше ревнителей и служителей своихъ, дабы восхотѣли поревновать древнему отцу своихъ зловѣрію и крѣпко противостать проповѣди; себе же самъ вслѣски обѣща- не поуститъ сокрушенію. Сими злохитрствомъ возбудъ въ народѣ такую по себѣ ревность, яко согласился всѣ стать даже до крове, ниже идола поуститъ сокрушати, великодѣшностию надеждою, яко обѣщася самъ себе возбращи, ниже проповѣди внимати. Егда же вскорѣ поспѣвши проповѣдникъ и учитель и повелѣ сего идола сокрушити, народъ, духомъ бѣсовскимъ паущемъ, со убійственною на всихъ устремися рукою. Обаче учитель тишайшими словесы ядрость ихъ смиры, явственно показуя всѣмъ немощь сего, яко ниже себе возбращи, ниже что проглаголати можетъ: бѣ бо уже нѣмъ и безгласнъ, яко бездушно древо, и ничтоже злѣ памирениаго своего коварства сила Вышняго попусти дѣйствовать; но обѣщавшійся дожнѣ, а не могій себе соблюсти, преданъ естъ огню со всѣмъ своимъ богомерскимъ капищемъ.

ѿ. Поспѣшествомъ Всесильнаго и благодатію Его помощію путь сѣй простиранося напрасдно, но всездѣ сокрушала идолобѣсіе достигоша даже до Коди́йскаго монастыря, * которой стоитъ за великою рѣкою Обью, на правой сторонѣ той рѣки Оби *, идѣ же многимъ собраннымъ Остяцкаго народа кумиролужителямъ довольно нача преосвященный архіерей пропо-

вѣлію открывать свѣтъ истинный евангелскій. И не уще бысть ученіе, зане первоначальне возсія благодать сія въ сердцѣ нѣкоего княжика Алачска, иже бѣ знаменитого племени остяцкихъ княжиковъ. Той вождѣмъ перніе просвѣтитися крещеніемъ Господнимъ. Егда же бѣ окрещень, присѣдаше всегдашнему ученію, въ немъ же случися слышати, яко вся Россія здравне одержима бысть кумирслуженіемъ, и первѣе въ Кіевѣ во дни святаго Владимира возсія свѣтъ благодати Божіей, имъ же вся просвѣтися Россія. Внемши убо се и княжикъ сей вождѣмъ мѣстыца сія святія видѣти, его же преосвященный архіерей радостѣ, для утвержденія начинающагося въ немъ благочестія, посла въ Кіевъ, иждѣ сиющими благодати Божіей чудеса явльше увѣренъ бысть возвратися. Проповѣдникъ же и учитель о семъ благополучномъ начинаніи всеусердѣмъ радующа, яко неистыжиманъ и безмѣрная Спасителя рода человѣческаго благодать утвори тѣмъ благополучія начатки, яко безвѣстныя замосѣвша древностію зловѣрныя роды начатки почитати и поклонятися мѣстамъ сымъ, еже отъ дни святаго Владимира доселѣ не бысть. Еще же здѣ тринадцать челоуѣкъ проповѣдь евангелскую пріѣмша, свѣтомъ же истиннымъ ей просвѣтениши и купелію крещенія Господня очистивши скверну свою идолобѣсид, занеже же упрямыхъ и прилѣжное имѣяху тѣло разрушати престолъ владчества сатанина, крѣпкия и твердыя его кумиры и бѣсовскія хранилища ихъ сокрушати, низринувши убо сія и изтребивши даже до Борезова града, а кдѣже бяху скверная капища, тамо знаменія царскія побѣды, крестъ Христовъ водружати, и возвратишася пакы въ Тоболскъ.

ГЛАВА 6.

О крещеніи Остяковъ въ году 4471.

Первоначальный благочестіа въ народѣ семъ енискатель, его княжая свѣтлость губернаторъ Сѣбѣры, ревнуя порочно-нахъ приложити тицаніе о умноженіи проповѣди евангелскіе, и пакы въ семъ настоящемъ году 4471 всѣми нуждами удоволивши, тогожде предизбраннаго проповѣди евангелскіе учителя, преосвященнаго архіерея, угождяи плаваниємъ въ тыжде Остякин отнусты селенія. Народъ же, видѣвши пражде тверды нечестія ихъ боготворимыя идолы падныя, и толь стершую мнимую силу ихъ, яко ничтоже вѣще креста видѣти, яко прахъ и пепель, отсюду довольно мракъ кумиролуженія ослѣпляющы сотресе очесъ ихъ, яко отворзостеса отп има принѣти въспрати на свѣтъ проповѣди евангелскій, аже яко просвѣтителница ума показавше имъ познати истиннаго Бога. Учитель же ввутьр селенія ихъ достигши юртъ Восполскихъ, Кавзимскихъ, Шорковскихъ, Бѣлогорскихъ и прочіихъ, довольно полседневыи учениємъ проповѣди евангелскій просвѣщаше; свѣтомъ же оныя мнози просвѣтишася, и хуслию же крещенія Господни многимъ дадеся свѣще отродитися въ но-

вого человека. Десница бо Господня погуби злобу идолску, низведе съ небесъ милость, ускори работу, утвори свободеніе, а яке и чада быша работы діаволскія, мыѣ удостоишася сыны свободныи быти благодати Божіей. Потече толь пространно проповѣдь сія, яко вся наполнися Остяцкая страна. Обаче различными исвонни благъ несправедливыхъ коварныи благополучному началу утворяше пренятія.

Б. Юрты нѣкія, нарицаемыя Атыкъ, сего же мнѣть отъ похѣствованіи древнихъ тамошнихъ жителей быти населенна Панситникомъ, кудесникомъ нѣкимъ, иже со святымъ Стефаномъ, епископомъ Пермскимъ, препирашася отъ зловѣріи своего; послѣди же побѣжденъ въ злочестіи своемъ убѣжа съ Пермю за Камень, въ Сибѣрскую страну и ту поселися. Обаче на древнемъ семъ нечестивомъ многѣ жилищы, идѣ же народа противнымъ спасеніи человѣческаго различными коварства и пренятіи распростре сѣти, собрася бо множество народа совокупѣ стати противо проповѣди свѣтлѣйшій; учитель же проповѣди, егда иростре ученіе свое, не только ушима тяжко слышаша, но выще подвизахуся иростію, и на многѣ противо боряхуся, обаче повинушася истинѣ и благополучному проповѣднику преклонившася наставленію. Но исполнивъ врагъ снѣ безмѣрнаго злохитрства возбуди нѣкою отъ среды ихъ, сего же и злообразіе знамени злонаправна человека, зѣло бо злѣ изображенна бысть ему лицеу нѣмѣи человеческое: малъ, чернъ, худъ, толкоче злонаправъ, яко всехъ отврати лѣстію своею противо уклонитися. И начаша самого учителя отъ пристанища отгонити. Попустыша же неугодную пристань, идѣ же мѣлочь нѣсколю нанесенна бѣго волнами, волнамъ же въ то время палочкающимъ сокрушашася судно, и не мало бѣ печалію одержимъ учитель, заше весь народъ противо сего,

возмущенъ злоправнымъ и злообразнымъ прелестникомъ. Обаче не преста учениемъ просвѣщати тихомирными словеси, нача молити: «Зру васъ, рече, мужей благоразумныхъ, не противоборцевъ истинны, молю васъ оставити сего мужа младаумна, игралище дѣтское: не достоинъ бо единого сего безумными словеси только искуснымъ мужемъ прелщатися». Сими же благопріятными, паче учительными словеси воздвигше въ нихъ усердіе, яко вси презрѣвши мятежныя сего прескловіа всерадостно и единодушно начаша приходити въ купель крещенія Господня. Хотящій же всемъ спастися и самого мятежника отъ вѣчнаго погибели соблюде, по присовокуни то-муже единому вѣрныхъ собранію, обрѣтшему животь вѣчный: не восхотѣ бо отстатися своея дружины во единомысліе и едино исповѣданіе вѣры съ прочьими прійде.

Г. Егда же въ купель крещенія Господня приходяху возмущенны и пакы лживымъ духомъ молаху, да жень и дѣти оставитъ во крещенныхъ, усумнѣвахуся бо, да лѣвакимъ случаемъ отъ малыхъ отрочать въ водѣ кто утопленъ будеть, се же остроумнымъ своимъ алѣ намыреніемъ нанесе штъ врагъ сіе сумнѣніе, яко сему лѣвъ послѣдствова коварства его дѣло. Учитель же отъ ревности чрезъ истолковникоу языка ихъ отвѣтствоваше: «Аще единому отъ васъ събудеться, се не пощадѣте житія мого, по въ тую же мя въверзѣте глубину: се даю вамъ извѣтъ на ся, надеженъ крѣпкаго въ семъ Спасителя моего заступника». Наченну убо отрицанію егда священникъ единой отъ жень предстоящей душу рекъ: «иждени отъ нея», висзапу паде аки мертва. Сицевымъ печальнымъ падежемъ мнози ужаснушася и устремишася, мняще, яко въ сихъ словахъ лѣвака невидимая убивающая сила есть, инѣ же страхомъ симъ понуждаеми бяху на ярость. Священ-

ницы же съемъше ю отъ земли отрицать не престаша, донелѣ же аки отъ спа пача мало приходити въ себѣ. Егда же вопрошаема бѣ: откуда сицевымъ недухомъ пораженна бысть, — лн, яко прежде во своемъ злочестіи имѣ съ демоны своя похвояванія, «и сего ради плѣнимъ духомъ недуга убѣжденна быхъ, но сей остави мя пниѣ». И тако съетная сего злохитрства ничтоже возмогоша препяти, егда всѣ въ кунелъ крещенія Господня радостнѣ течаху, повинулся богодухновенному наставленію.

Д. Не преста же неукротимлѣ злохитрства искони коварникъ острѣйшам изобрести оружіе раба Антихристова, лстиннаго отрока Махометанова злобѣрія, никоего скверносвященствующаго въ нихъ Абыза. Попусися ввести въ сей Остяцкой родъ для прелщенія въ ихъ злочестіе махометанское, и первое зніде въ Бурейковн юрты, пача тамо нечестія своего сѣяти плевелы, плѣже благочестія благоволикс начана проростати кршны, наипаче же симъ ласкательствомъ пачаша отвращати народъ отъ ново зачинающагося благочестія, прелкадая законъ христіанскій народу сему зѣло тяжестію великою быти, жестокою ннеудобъ носимую, яко возбрадасть многоженства, посты тяжчайшыи налагасть; иногда воздержатися отъ мяса; въ протыѣ же тѣлу показоваше въ своемъ злочестіи многоженство: елико восхоцеть, толико по закону ихъ же держати могутъ, мясомъ лошадинымъ и прочими невоизбранно наслаждаться, яковою прелестію народъ зѣло преклоняху къ своему злочестію. Различная предлагаа ласкательства, наипаче малое нѣкое премѣненіе древняго злочестія ихъ и усоединеніе злобѣріа махометанска, и ничтоже яко принять едино обрѣзаніе и Махомета священно почитать, иже и во ономъ вѣщцъ вся благая приуготовлясть: женъ прекрасныхъ и вся-

кимъ благоулюблѣнемъ почтенныхъ многое число всякому имѣти обща, аже будутъ памѣ и вамъ, христіане же сего благополучіа не имѣти муть, и прочия иныя блядословаху. Народъ же сему пристрастенъ, заже зѣло женолюбивъ есть, принимаше прелестемъ ихъ, а паче поощраше мнимыхъ во ономъ иждѣ жепъ благопримѣствомъ, и начаша себѣ нарицати бесурмаши. И сими прелестми воздвигоша кличи, и воззвѣсившейся народъ, похитивши луки, стрѣлы, кония, пищали, начаша стрѣляти, и (отъ нашихъ?) трехъ смертей узавиша и самаго изъ проповѣди перваго въ чремо удари княжикъ изъ пищали; но Божия чудеса соблюде десница, ибо пу(л) вокругъ изрѣза токмо одежду и противу тогожъ мѣста хребта изиде. И тако прочая ими едва яви убѣгоша. Обаче ничтоже уснѣ прелестъ сего ослабляющая и помрачающая умы: идѣ же бо возсія свѣтъ истинный евангелскій, иже обновилъ духомъ разума ихъ, тамо прелестъ и злохитрство сего узнаваше ажы проповѣдника, отъ предѣлъ изгнаша, вси же присовокупившася крещенію и благочестию.

Ѣ. Всегда же постыжденъ и побѣжденъ, противникъ спасенія въ своемъ поварствѣ злобы и зависти явльше исполнился, пагубныи свои и наки простре сѣти. Временемъ иждѣ климъ плывуще по великой рѣкѣ Обѣ, стаща у брега и утвердиша крѣпкѣ судно. Работный же съ прочими видѣвше палещую тишину, изидоша на брегъ ночнаго ради упокоенія. Часу убо третіаго ночи, егда всѣ на берегу уснуша, въ суднѣ же оставленномъ зъ священникомъ оканчсающе вечерняя свои моленія, абіе пача судно колебаться; егда же верхъ изидоша судна видѣти, что сіа суть, тогда узриша себѣ посреде волнъ. Впезаху же возшумѣ духъ бурень, возмутиса вѣтръ, яко судно волнами сѣмо и овамо носимо, мняшеся опро-

верженно быти, еже обично на великой рѣки Обы ради зѣло жестокихъ волнъ бываетъ. Мало же оставльшисѣ изъ судна видяще себѣ пажоутихъ помощи, зѣло ужасошасѣ, и не хотише взирати на страхъ и ужасъ приближающейсѣ смерти, убѣжаша всѣ внутри судна. Проповѣди же учитель, преосвященный архіерей, оста съ единымъ служащимъ верхъ судна, несумѣнно надеженъ крѣпкаго Спасителя своего помощи и заступленіи, дерзну неудобъ возносимо вознести мало вѣтрило, еже поемше вѣтръ вышше воздвиже и постави судно прямо на волнахъ. Оттуда же божь кормчіи понесе ко угодной и тишайшей пристани, идѣ же спасошасѣ сего правленіемъ, его же море и вѣтры послушашу, зане и мѣсто обрѣтохомъ угодно; вѣтры и волны утишишасѣ. Послѣди же получихомъ извѣстіе отъ новокрещенныхъ иноземцовъ, яко оны въ самое сіе время вѣдшасѣ по воздуху летѣвшаго огненалпа пѣкаго мужа вооруженна и копіемъ въ судно учителя ударяющаго, восклицаша же: «Вторицею терплю ти; въ третіе же не потеряю».

Б. Толькими убо бѣды и труды ревность учителя всегда утружденна бѣше, аки кораблю волнуяся, противными вѣтры дыханій сѣмо и овамо носимъ, обаче къ своему течаше предуставленію. Тако и ревность учителя сего (избѣжа?) бѣды волнуяся. Иногда старость, еже самый недугъ есть, жестокостію и остротою воздуха тамошнего поражасѣа бѣше. Иногда многотруднымъ путешествіемъ изнаемагасѣ, иногда смущеніи исполненна ужаса противниковъ ярость устрашасѣ. Обаче не устрашисѣ, ниже изнеможе непреодолима ревность, но до сего всегда течаше навѣренія, донелѣже сіе обрете доброе пристанище, идѣ же по небезбѣдному плаваніи вѣнчасѣ трудъ его исказимъ благополучіи удостои бо сѣ въ семъ

году толикія благодати зъ помощію Вышняго, яко три тысячи пять сотъ душъ крестинася и наполнися Иртишъ, Обь и прочіа протоки благодати Вышняго, яко бысть имъ просвѣщатися и освѣщатися свѣтше Духомъ Господнимъ, и самыя же небеса чудеснымъ вѣиимъ присутствовали крещенію ихъ благодѣиємъ. Многоразличнымъ бо временемъ по различныхъ мѣстахъ множество крестинася, но нигдѣ же не бысть безъ дождевнаго ливніа, аки бы самыя небеса на омытіе скверны идолекиа помоществоваху иногда настоящою тишиною, сияющую солнцу противу мнящихся быти дождь; егда же начинахуся крещеніе, тогда печально и хлыбы небеса отверзостася благопримытнымъ дождя ливніемъ, являя силъ угасити гнѣвъ и ярость Вышняго, раздвѣшную кумироташеніемъ. Окончивая убо зимного ради пахотливого времени плаваніе и труды свои, проповѣдники и учителя удовольившы благополучіемъ, остави вся протоки сіа толь благодати Вышняго наполненны, яко что баже иногда мерзостна кумироташеніа оскверненны, нынѣ омытими свѣтше благодатию удостоишася быти омытіемъ скверны идолекой, купанію же спасенія человѣческаго, наипаче же мнѣжайшимъ бысть купель спасенія великая рѣка Обь, о ней же достойно приличествуеь рытми написаніе:

Море когда-то Евреомъ спасеніе въ пути
 Бысть, но въ томъ же спасающимъ згибъ Фараонъ люты.
 Такъ славна Обь бысть моремъ люту Фараону,
 Нынѣмъ спасеніе и путь до Сіону.
 Зміюу же всама водою си главу,
 Юже престолъ господство гордашуса славу
 Вознеси въ языцѣхъ, но той вознесетъ въ
 Сокруши Обь водами народъ свободенный.
 Воспѣть благословенны обскіе суть волны
 Пѣвнннхъ врагомъ роды свободяють полемъ.

ГЛАВА Ъ.

О крещеніи Вакуличъ въ рону ѿѿді.

Пародъ сей Вагулскій zaczynaє селеніе свое надъ рѣкою нарицаемою Тура, обдержитъ же селеніемъ своимъ и вершинами Тавды рѣки. Множество же вѣщихъ сего народа сѣде надъ рѣкою Кондою, идѣ же и князика своего имѣють и вѣщимъ сіи сего повиновеніемъ, неже Остани своихъ княжковъ почитаютъ. Жителствующіи же на Тандѣ и Кондѣ прилежать присудомъ въ градъ Пелниъ и пастолцимъ тамо правительствуютъ помездомъ. Имѣють же предѣлы свои различно: аже на Тандѣ и Туры — имѣють съ Татари, отъ нихъ же навикомъ сіи осмелѣлю и упражняются въ прилежаніемъ труда въ сѣянію и собраніи плодовъ. А аже на Кондѣ рѣки жителствуютъ, сіи предѣлы свои имѣють съ Остани и питаются дивнымъ зеліемъ, зѣвромъ, рыбою. Помоществуетъ же скудному препитанію ихъ Конда рѣка изобиліемъ дивныхъ овощей, ягодъ брусники и рыбы доволствомъ; производятъ зподъ камени Верхотурского и впадаетъ въ Иртышъ, юже обходятъ брега зѣло прекрасными лѣсами и пажитными къ препитанію скота мѣстами; зрятся же и хлѣбородныя

нѣкимъ мѣста, заше пѣцми отъ Вагулчъ ячмѣнь и овесъ сѣють и собирають преисполненныя изобиліемъ, при исходѣ же къ Иртышу, идѣ же и предѣлы своя Вагулчъ съ Остяки имѣють.

Е. Народъ сей разньствуєтъ языкопарфвѣемъ; обычай же своимъ единоправенъ во всемъ со Остяки и обхожденіи со оными. Такжеже бо ниже писмени каковыя имѣють, ниже гражданскія обычая, ниже коего художества, руководствіе, но обще единъ житія промыселъ, ловленіе рыбъ, птицъ и стрѣлянне звѣра. Обаче же подобѣйшимъ красоты человѣческой, веже Остякъ, крѣпчайшій і далеко мужественнѣйшій, и не поуряденъ такою язвою, яко Остяки; не тако же многолюденъ, яко Остяцкій народъ, ему же не только обычай подобенъ, но и злочестіемъ своимъ единоправенъ.

Г. Единое бо сикъ богомерзкое вуирослуженіе и одинако разанчное многобожіе, такжеже бо бездушныя почитаютъ вступаи, поклоняющеси древу, въ подобіе человѣческое изсѣчену; коню нѣкоему, прочимъ же, и подобнъ всимуущимъ, поклоняхуся древомъ; и такою единомысленнѣй сочета сикъ злочестіе. Въ сикъ обычаяхъ въ приношеніи скверныхъ жертвъ яко ни мало разнствіи зрѣться во всемъ почитаніи богомерзкаго многобожия ихъ, сего ради ничтоже особнѣйшаго обрѣтохомъ писать. Только мало что извѣстимъ о особнѣйшихъ идолахъ.

Д. Въ черныхъ юртахъ, нѣсколко покрытъ отъ града Псыма, боготвораху единъ коніе, къ нему же малое нѣкое камение привязано бысть, еже имѣяху за настоящаго идола, древностію отъ старѣйшихъ своихъ почитаемое, нѣ же послѣдствуи тмѣ и слѣпотѣ прародителей своихъ ревнуя зѣло почитаху, въ немъ же нѣкиа хитроковарная мечты дѣла-

ствіемъ сатанинскимъ творима бываху. Егда бо въ жертву сего скверную приведется скоть каковъ, обычно же лошади, тогда жрецъ единою только рукою вознесши кошіе сие легко полагасть на хребетъ скота, и аще крѣпчайшій будетъ, паде на колѣнѣ, и нѣкою невидимою тяжестію томленно бываетъ, даже до поту, стена, досеи возстать и исправиться не може, довели же само копѣя облегчается: и жрецъ е и паки восприимлетъ. Зловѣримъ же своимъ мнѣть, яко сей ихъ боготворимый въ семь копѣй духъ утѣшается приношеніемъ благоутробной жертвы. Аще же и не будетъ своту приведенному на жертву нанесенныя тягости, не приимають въ приношеніе жертвы, яко сему боготворимому адскому приказу нѣсть припѣна.

Г. Близъ Пелина, яко разстояніемъ поприще, едино бысть древо лиственный, никакого подобія не имущее растомо: се такожде отъ древнихъ своихъ праотцевъ обыкоша боготворить, и ничтоже тамо бысть, яко една кумирна и то древо, на немъ же только блже навѣшано кожъ лошадиныхъ отъ многочисленнаго приношенія скверныхъ жертвъ, яко удивитися древу сему только сдержавшему тяготу, многочисленное бо кожъ множество на немъ бысть. Аще же и дсбго бѣ, обаче отъ всегдашнихъ крове проливаемыхъ и огнепаленія неусхне, ниже только въ кожахъ безчисленно гнѣздящимся не истѣ червемъ.

Д. Недалече отъ сего древа, яко три поприща, бѣ кумирна, въ ней же обрѣтохомъ пять идоловъ деревяныхъ, въ подобіе человеческое изсѣченныхъ, обложенны рубнищами; на единомъ же отъ нихъ, иже на первоначалѣ поставленъ, повѣшенна бѣ кость птицы нѣкія—грудь на главѣ; предъ иными же особъ предъ каждымъ въ сосудахъ берестяныхъ кости

положены. Около же оныя главныя кумирни малыя иѣки кумирницы, четверуголнѣ поставленна быху на столпѣхъ высочае отъ земли яко трма лактій; всякъ же столпъ въ верху изсѣченъ въ подобіе человѣче. Въ сихъ зложеніи быху орудія до убіенія скота: копіе, стрѣла и прочая. Особѣ же еще бысть малая кумирня, въ ней же множество костей съхраняемо бысть. Егда же вопрошася бѣшня отъ нихъ, чesобы толико собраніе костей соблюдася бѣ, простоумнѣйшии отъ нихъ невѣжы отвѣтствоваху аки бы въ нужномъ и скудномъ случаѣ блюдомо и уготовляемо въ спѣдѣ шайтаномъ, си есть идоломъ. Такихъ бо я именемъ по своему языку обыкоша паряцати. Остроумнѣйшии же отъ нихъ, противу естественнаго ума, древу истукану бездушному употребляють пища, глаголють, яко чести и достоинства сего удостоишася быти приносима въ жертву, не достойно честная пометати, но соблюдать.

§. Первоначальный же иже въ Кондѣ идолъ по ихъ зловѣрію вѣдо много почитаемъ баше. Отъ далечайшой бо волости въ приношеніе скверныхъ жертвъ приходяху, каковыи же сей подобіемъ или сей ли есть иже отъ Остаковъ въ Конду приносятъ, или каковъ древній Вагулицкій — безвѣстно есть, зане самими вѣдати не случися; повѣствуется же отъ нихъ обще, яко никто же отъ нихъ тамо самихъ въ скверное капище входити дерзаетъ, ниже князькъ ихъ, толико сдѣтъ иѣкій жрецъ входитъ. Баспословать же и се, яко и гласъ вѣщенія, аки бы дѣтища, слышать, паче же егда каковыхъ жертвъ требуетъ. Почитають же сего великою честию, имѣють предстоящихъ кумирници двохъ стражей, одѣянныхъ одеждою червленною, нущныхъ копіе въ руки украшенное. Ся же утварь общими изживеніемъ устроятъ

и въ обществѣ полагають хранилища, и тогда употребляютъ, егда предстоитъ кумирницы: мнѣтъ бо, яко въ жестокѣмъ и нечистомъ отѣаніи не подобаше предстоити, злобѣруа, яко мерзостная скверность сего чистоты любителяща есть. Множайшая же баснословія о семъ пренебрегохомъ (*запе сами не самовидцы, глаголемая же не всяко достоверно приемлется о семъ*).

И. Множайшия идола безчисленны бяху въ Кондѣ; но нѣкимъ Божиимъ предвидѣніемъ многіа сожжены и сокрушены отъ рукъ творцовъ и служителей своихъ, еже бысть сяце. Не удостигоша тамо нощѣ благовѣствующаго спасеніе проповѣдника, яко предвари свышешнѣ Божіе предвидѣніе, прамы сотворити стези текти къ скорѣйшему спасенію человѣческому. Кондѣйскій князь, названіемъ Сатина, иже тамо правительствуетъ подручными себѣ жителствующими надъ Кондою, ему же съ послушаніемъ отчасти повинуются, запе наслѣдіе отъ племени премѣннѣхъ Кондѣйскихъ князьковъ есть. Сей имѣ два сына, и по естественной родительской любви зѣло отрочатъ сихъ любяше. Случася же нѣкимъ, а вѣщше Божиимъ предвидѣніемъ разболѣтася; отецъ же печался о болѣзни сихъ преда себе заступленію кумировъ, наипаче же зѣры себе шайманчыкомъ, си есть волшебникомъ, иже и служителямъ въ приношеніе жертвъ биваютъ, моля помоществованія ихъ, сихъ же усты оставилъ назпакснана нѣкимъ идоломъ привести жертву, обиадежуща несумѣнно благополучіемъ здравія сыномъ его. Въ время убо приношенія скверныхъ жертвъ, или скоро по приношенію, оба чада умроста. Сей же исполнивъ тяжчайшя жалости, наипаче же лестию оболщенъ, приемъ сѣтру и сокруши многіа идола; приближися же самъ свышешнѣ устроеннымъ наипреніемъ къ

первоначальному своему кумиру, и тогда хотяше сокрушить, отъ парода молимъ бысть, и пѣкимъ мздовоздопнѣмъ утолимъ, остави сего, иная же соажо отнемъ преди очищая путь благовѣствованію, самъ же княжыкъ пребысть доселе въ сумнѣнн зловѣрія своего.

Д. Когда же предвидѣніе Божіе тако устрои путь благовѣствованію, и козѣ проповѣдника не отигчепши, ниже записавши нѣкими недостаточесты, аки криля униренни, не закоснѣша нимало, но перше сотвориши стези поспѣшнѣна, презирая трудъ и безвременіе. Уже бо начиналеса и безпутіе, обаче поспѣшествомъ Всевышняго нача путь свой къ Пеллму проповѣдникъ февруарія въ Кд. Благодатию же Всевышняго предводительствоую и поспѣшествуемою добрѣ получи на пути знаменіе. Въ пустомъ бо нѣгде мѣстци далекимъ разстояніемъ отъ людскаго селенія, напаче же отъ церкви, жена христіаншиа роды двойду чадъ, юже мужъ оставшии бѣжа снисхати священника присокоупити крещенію ихъ. Но замедленіемъ своимъ навесе усомнѣватися ей скоро пришествія онаго. Надлежащимъ же тамо прилежаше мноити посланному проповѣды учителю пресвященному архисрею, есо же мною градуша увѣдовши жена, яко архирей есть, ужасомъ же одержима, зане замедленіе мужа и немощь чадъ наноситъ ей сумнѣніе, да рожденныхъ отъ чресть своихъ не лишитъ лона Авраамля, дѣрзну воилать и моилтъ послѣдствующихъ, да умолятъ архирея примъти трудъ ввести та чадъ въ купель крещенія. Архирей же слыша, немедленно повелѣи уготовать купель крещенія и обрести та младенци, предпоставляя себѣ благополучному се знаменію, яко двоидца сикъ чадъ предзнаменіе есть двоихъ родовъ: Остицкого і Вагулскаго быти окрещенными, иже трудолюбѣи щитатся да

свободить отъ работы идоlesкой за едино и уснопить Восточной Православной Церкви Божьей.

Г. Послѣдствона же знаменію сему вещью дѣло, мало бо оттуду прешедше приде никто отъ Пасуличъ, именемъ вагулскимъ Ляля, не услыша проповѣди Евангельской (*яко извѣстися истинны спасеніа*), той самъ нача молити крещенія и во всемъ домохъ крестися. Сіе убо благопримтно приемиши первоначаліе, достигоухъ даже до Пелыма града, идѣ же сѣя страна Вагульская присудомъ прилежать и правителствуется тамо пребывающимъ конендавомъ. Градъ же сей прилежить право къ сѣверу; положенъ наъ рѣкою Тавдою, а по другой странѣ Пелыма, отъ нея же и названіе воспримъ Пелымъ. И сей есть средствіемъ пѣкомъ между волостями вагулицкими.

А. Въ семъ аки средствіи пѣкомъ проповѣдникъ и учитель обычнымъ собѣ путемъ нача вводити проповѣды благочестія, и якоже прежде въ Остяцкомъ народѣ, въ всемъ самъ единоправномъ, добръ искусившися иѣсть угодно и удобносъ нимъ обхожденіе. Первое нача искорепять твердь лещестія богомераскія идола, и вси сокрушю и сожже въ подгородныхъ волостехъ, гдѣ толико бяху идола, въ Конду же благоизволилъ послать отъ себе, желая привезти князька до проповѣди Евангельской; по сей запятъ бѣ пѣкомни коварствомъ искони блать ненавѣстника, самъ не прииде, и своего прежде воспоминаемого настоящего соблюде кумира. Не возможно же бѣ самому проповѣди учителю тамо въ Конду поспѣшать, зане не хоташе оставати сихъ, иже въ градѣ поучахуся проповѣдію Евангельскою; иѣщя бо лишышася тмъ кумирслуженія и просвѣщахуся свѣтомъ истинны Евангельской. Прииде бо никто старшійшина ихъ сотникъ волости

Ваглицкой, по сей ни мало противяся проповѣди возгласи крещеніи и самъ о своемъ прединамиреніи возвѣсти. Егда бо, рече, изыйдохъ изъ дому моего, се положихъ въ сердцѣ моемъ повелѣнному повинутися и присовокупитися крещенію, и сей начало бѣ крещенія въ градѣ, и первоначалемъ снхъ прочія начата приходить въ крещенію.

бѣ. Текущей убо проповѣди пространно, сотвориша немалое препятіе ревнители злочестія, четири знаменитые волостей сихъ мужы, иже всихъ возмутиша и преняша путь спасенія. Всѣ бо отвратившася отъ проповѣди учителя, по сей умножалъ умножыа трудъ проповѣди и ученія и всадневному поученіемъ пача изяснять заблужденіе ихъ, предлагая быти се противу естественнаго ума—боготворити руку дѣлъ своихъ и поклонятися утворенному отъ себе древу или камню бездушну и пѣмому. Обаче ярость народа сего по подобію зміину затыкающу уши свои, яко аспиды глухіи, не только внимаше ученію, но ниже слышати хотѣше, зане старину свою любить и древнему пристрастенъ злочестію: легче бо оставить житіе свое, ниже лишитися древнего злочестія своего, устроеннаго прародителями своими. Приложивша снхъ немало печальныхъ трудовъ учителю, зане ревность благочестія возбуждаше неумышленныя труды, жалость же только погибающаго народа непрестанно возбуждаше печалѣ, и скорби сими продолживша не малое время противоборущіяся, яко уже усомниватися и унывати. Близъ бѣ время, и мняшеся быти трудолюбное тщаніе увѣнчать печалію общюю всю трудовомъ, ничею же ихомъ; по сей, его же судьбы бездна многа, имъ же вѣсть судьбы спасти родъ человѣческій, печальнымъ благополучіемъ увѣнчать трудъ благовѣствующаго учителя.

Въ день 31 марта, въ онъ же случися праздновать Алексѣя человека Божіа, проповѣды же учитель малое свое собраніе вѣрныхъ новопросвѣщенныхъ же крещеніемъ введше въ церковь поучи благочестію и удостои причаститися таинъ Божественныхъ; печаленъ же бѣ, яко толикаго подѣмшаго труда своего мало желаемыхъ видше благополучія; но скоро Вышняго правленіе облегчи печаль сію. Исходящи убо изъ церкви, нечаянно Тахтавская волость влеще двухъ сотъ человекъ притекоста къ дверемъ церковнымъ, и падше предъ лицемъ проповѣди учителя молаху крещенія, тогда только начеяше секу желемому радоватися благополучію. Другія благопріятелиѣшая приидоша виденія, яко тѣмъ прежде воспоминаемые четыре столпы нечестія, азѣ ревнители и противоборцы преклонившася къ благочестію. Десница бо Господня окамененную сердца сихъ злобу, ярость искореши и водрузи тамо милость и смиренномудріе, яко единомысленнѣ зъ прочьими пріемше проповѣдника ученіе повинувшася божественному пастваленію. Зъ многими убо торжественнымъ благодареніемъ воспріемше сихъ, поучи я, и яко въ своемъ злозвѣрїи бяху азѣ ревнители, тако послѣди усердныи благочестія лившася подражатели. Мнози бо съ оными крестившася влеще четыреста душъ отъ разныхъ волостей, въ оставшя же селенія пославши священниковъ для крещенія женъ и чадъ сихъ и прочихъ оставльшихся. Проповѣды же учитель оставилъ зде правителей и учителей благочестія новопросвѣщенному народу, самъ возвратися зъ Целиму, зане время належащее послѣднати и пакы въ Остяцкую страну.

Гі. Правнцу же нуть сей неспразденъ, но селеніями ихъ вагулицкими проходя, тааже проповѣди ученія не престалъ сѣяти и многъ плодъ принесе Церкви Божей, ей же мно-

гихъ крещеніемъ просвѣщеныхъ и усновленныхъ преда. Подучиша же тамо нѣдѣи исцѣленія, наипаче въ юртахъ, парыцаскихъ Чорныхъ, идѣ же бѣ дванадесатозѣтна дѣвица, въ крещеніи Марія нареченна. Силъ бѣ толикова недуга, яко егда начаша отрицати ю, тогда ниже мало времени возможе постоати, но держима бѣ руками; по отрицаніи же нача мало облегчаватися отъ болѣзни. Обаче не возможе дойти сама купели крещенія, но ведома и несома бысть; по крещеніи же сама доиде жилища своего и въ той же часъ бѣ здрава и нача сѣщи древа, аки бы не имѣвшая недуга. Такожде и младенецъ десяти лѣтъ бѣ болѣнъ погою; одержате бо ю цухлиша. Егда же въ купель крещенія ввійде, измѣде здоровъ и бѣгу ятся. Мати же сего младенца, видѣвши сіе, молимо и пакы погрузити его въ водѣ, да вторичею крестится, болше отсюду совершеннѣйшаго приобратить искуту своему здравію, и зѣло дивилася таковой чудесной благодати Божей. Кто бо яко Богъ нашъ творай чудеса, въ познаніе и явленіе славы своея новопросвѣщенному роду.

14. Только же бѣ возвращающимся путь сей благополученъ, яко не токмо сіи спускали спасеніе, до нихъ же повѣ благоуступающаго прійдоша, но иныя, ихъ же не дослазху стоны благоуступающаго, обаче держашыися злочестія и бѣгая отъ спасенія проповѣди сами себѣ мрежою спасенія уловяша, еже бысть сице: Егда самъ учитель проповѣди возвратися з Пелыми и по пути многихъ ученіемъ своимъ просвѣщаваше; зловѣршиа нѣдѣи Махометанова близъ селенія вагулицкихъ пребывающія убоявшеся сел проповѣди, пачеже хитростію діавольскою наущенный князюкъ ихъ Кошичкихъ юртъ, видѣвши путь шествующихъ, посланныхъ преосвященнаго архіерея, иже въ градъ Тоболскъ отпущенны блху, самъ же инымъ

путемъ отиде въ обитель Тумевскую, собравшася простою бѣсовскою возмущенны, съ убійственною рукою сяхъ на мимо селеніи ихъ грядущихъ посланниковъ нападоша, чающе быти zde самого учителя, но сего не обрѣтше, посланныхъ же погубити не возмогоша, заше мнози послѣдствоваху отъ Вагуличъ, желающіи креститися, ихъ же напередѣ убоявшеся убѣжаша. Архиерей же, увѣда о семъ, молише гражданскаго правосудія допросить княжика сего, чего ради съ убійственною рукою найде на посланныхъ его, иже не къ нему бѣху посланы.

15. Егда же вѣсть сѣя бѣ до властей гражданскаго правосудія, опъ близъ бѣ своея достойныи казни, отъ каковой не свободился, аще бы не наикъ путь свой въ Остацкую страну проповѣди учитель воспринялъ, и сего з собою поять княжика, не тако наказанія ради, яко да поучитъ его проповѣдію благочестія. Немного же держася сѣи тми зловѣріа Махометанова, нача просвѣщатися ученіемъ проповѣди, приять крещеніе. По крещеніи же отпущень изъ Тоболскъ, идѣ же пріять его правительствующій престоломъ митрополіи Сибѣрской преосвященнѣйшій архіерей Іоаннъ, тожде усердный и трудолюбивый благочестія искатель, утреди щедролубивою десницею своею, отправилъ княжика до волостей его съ сличенникомъ для поученія благочестія, идѣ же крестяща отъ Махометанова злочестія болше трехъ сотъ душъ, и тако злочестіе Махометаново, къ нему же не уносилъ проповѣди учитель, нача искоренятися, Господу виреди поспѣшествующу.

ГЛАВА 5.

О крещеніи и паки Остяковъ въ року 1741-мъ.

А. Когда убо иждо трудовъ учителя собранія вѣрныхъ проповѣдію его день отъ дня умножашеся, обаче непрестанное желаніе неуспяющихъ мысли понуждаше и паки старостию изнемогающею посѣтити паству свою, наипаче же вины сѣя принуждаху его принять путь шестіе въ глыбочайшее страны ихъ селеніе: первое, яко еще оставишася вѣдцы въ своемъ зловѣріи укрывахуся при исходѣ Обскомъ, близъ самого Лдвскаго окаяна; вѣдцы же по различнымъ дальнему селенію проташахъ путемъ развращеннымъ и заблужденнымъ уклоняхуся одъ проповѣди Евангелской. Второе, яко уже паству, толикими труды собранную, начаша волцы и хищницы зловѣрія Махометанска входить, и простой сей народъ, не утвержденный въ благочестіи, зѣло начаху развращать, различнымъ прелестми смущающе сердца, невѣріе предлагал, яко вѣра ихъ толикою содержитъ силу, что и въ ономъ вѣщѣ различнымъ сластями житейскими и множествомъ наслаждаться будутъ, чесому народъ издревле пристрастенъ и вѣроумень баснемъ симъ вѣру емляше, заше и по древнему мнѣнію

идолопоклонническаго зловѣрія житейскихъ сластей и въ ономъ вѣщѣ мнѣть быти блаженство; сикъ убо изгнанія ради, оставившихъ же идолопоклонниковъ въ познаніе истиннаго Господа и въ едино собраніе вѣрныхъ присовокупленія восприять путь свой.

Е. Наченше убо благополучнѣ путь свой з Тоболска юня бѣ тихимъ плаваніемъ, достигохомъ въ трохъ днехъ селенія остацкаго, юртъ нарицаемыхъ Бурейковы, ихъ же нѣкихъ ради прежде прешедшими временами не бысть проповѣди Евангелской і въ своемъ доселѣ пребываше въ аловѣрыи. Прежде же пршестіи учителя уреди сатана предтечи своими рабы антихристовыми злочестіа и бусловіа Махметановы учителя. Абытъ бо нѣкій прежде нисколько дней уреди позѣ благовѣствующаго, мнѣться быти яко духъ бѣсовскій тамъ скоро носимый постѣнии тамо и къ своему тако весь народъ преклони злочестію, яко не только вынати ученію проповѣди Евангелской, но ниже гласа о семъ слышати хотяху. Егда же понуждашеся проповѣди учитель благовѣствованія своего испустити гласъ, тако быху яко аспиды глухия зативающе ушеса своя и въ едину совокупишася юрту, пи сами отъ юрты нсходяху, ниже къ себѣ внѣйти кому отъ нашихъ попускаху.

Г. Многожды же учитель о семъ трудися посланными своими поудити я изнѣти ку проповѣди Евангелской, обаче ничтоже успѣ. Языкъ бо лстивъ, орудіе діавольное, прежде воспоминаемый абытъ поостри ихъ ярость и возбуди на убійство, яко воскочыша толикою яростію и посланныя начаша первіи убійствомъ прогонѣти и изнѣти, тоже устремишася же и на самый дощаникъ, отъ него же самъ изнѣднѣ къ нимъ проповѣди учитель и воздвигше руки своя, тихо-

мирно моляше я престати отъ невиннаго убійства; обаче дерзости и крове исполненныи рудѣ ихъ не престаша лязвить и лязвннѣ отъ нашихъ единого въ главу и ногу стрѣлами, такожде и другого доброправнаго юношу келсийника его, Павла нарицаемаго, сквозѣ стрѣлу въ плещи его пронзе; такожде изъ нищали единому руды пробиша, тогда всѣ отъ нашихъ праздыи руды имѣюще убѣгоша у дошаникъ, самого оставаше на берегу проновѣди учителя; обаче ослабленный яростію народъ не устыдился святительскаго лица, ни противъ себе буращася, по пѣкто отъ нихъ началствуицій, названіемъ Уршанко, изъ нищали удари на самого проновѣди учителя и улуты прямо чрево: всѣмъ убо дивитися, но бысть се како отъ обонхъ странъ оружіе пройде одежду, его самого же нимало вреди: десницею Вышняго соблюдаемъ; отгнавше убо учителя спасенія, наставниковъ погибели злочестія Махометанона учителямъ абызомъ повишущася и восприимша бѣсурманское злочестіе.

Д. Острое убо коварства діавольскаго орудія, жестокая снхъ ярость не преня пути учителю, и аще воста брань на него, не устанихся уновая крѣпкому Спасителю своего заступленію въ далечайшми отсюду селенія ихъ поспѣшны, идѣ же много собраннаго народа, крещеніемъ просвѣщеннаго, въ стрѣтеніе учителю исхождаху, и яко чада сего духомъ рожденная благодатію ученія его воспяташя, неизрѣченною привѣтствоваху любовію. Учитель въ благочестіи утвержденныхъ поучаше я гражданства, каковаго прежде всяческій Остацкой родъ баше чуждъ; такожде всякого доброправія христіанскаго обучаше, злыя все и скверныя идолопоклоническаго обычая искореняше. Наипаче се, яко баше имъ обычай но по возрастѣ, ниже по достоинству лѣтъ имать себѣ въ су-

прукество жены: дѣтица убо семи-осми лѣтъ, мужу сушу двадцать и тридцать лѣтъ, емлютъ въ супружество и сочетовахуся беззаконно; искореняше имъ се зловравіе и обучаше христіанскимъ обычаемъ, ученіе же его сему простому и всякимъ гражданскимъ обычаемъ чуждему прежде народу бысть вѣло многополезное.

Г. Умножающейся убо благодати Вышняго, по себѣ плоды вѣры и христіанскаго благочестія, молаху бо учителя по-дать имъ наставникоу спасенія, дабы вселеннымъ тамо пребывающимъ свѣщенники поучали благочестію. Такожде о созиданіе церквей Божіихъ всеусердіѣ молаху. Желанію же сихъ изобиліе подалъ благополучіе губернаторъ Сибѣри, князь Матвѣй Петровичъ: егда по доношенію и усердномъ учителя моленіи по достойныхъ мѣстахъ, идѣ же множайшее народа собраніа селеніяхъ устроена церкви Божыя—въ Прохоровской волости, въ Островѣ, идѣ же прежде многославнаго сквернаго идола капище баше, нмѣи церкви Божія въ имя Святая Троицы; такожде въ Сухоруповскихъ юртахъ, въ Маломъ Атамѣ; иныи же, яже присѣдять русскихъ жителей селеніяхъ, сихъ присовокупяи церквамъ Божіимъ и поручиша учителямъ церковнымъ, и тако утвердивши славы Господней умноженіе, восприима путь свой, идѣ же еще не быста возѣ благо-вѣствующихъ спасеніе.

Б. Достигахомъ убо Каринкарскихъ юртъ и наченше проповѣдь спасенія учитель, яже благопріятна бысть многимъ, между ими же имже приима ученіе и возжадаху крещенія Господня, возжелѣ крещенія и шайтанчикъ ситъ, еже есть жрецъ, Илалъ нарицаемый. Сей прежде имѣя съ діаволомъ волхвованія обученіе, волшебствоваше. Егда же крестися, извѣсти намъ сіе чудесное, что прежде пришествія

проповѣды учителя союзникъ его, дияволъ, силни его мучаше надолѣѣ, и биюще его слыша гласъ: «Доселѣ быхъ съ тобою, нынѣ же мя отынуу; се егда навѣщсваше на мя свидѣлствованныя истинны знаменія, являше на тѣлѣ своемъ и язвы». Сего же поучивши благочестію, учитель огради сего и оружиемъ оружіемъ крестнымъ, его же сопротивный трепещеть и трасется, не могій взирати на силу его.

ѣ. Поспѣшествомъ же Вышнего достигомъ и града Березова, иже удался до Лдистого окияна; въ нѣсколько убо днехъ зъ Березова достигаютъ исхода Обского въ Тасовую губу, о пей же прежде воспоминахомъ. Присидеть же градъ сей реки Сосвы и есть многонародныхъ селеній остицкихъ средствами волостей; до сего же присуду мнози прилежатъ: Обдоръ, Сосва, Ланинъ, Кунопать и прочая власію тамошнихъ комендаторъ правительствуютъ, идѣ же мнози тамо въ градъ собравшася, приняли ученіе и проповѣдь Евангелскую, и купецію крещенія Господня просвѣтишася. Но крещенія же моляху учителя пѣдци Сосвинской волостей, да молитвами своими помозиствуютъ имъ отъ нападєнія и коварства всякаго почитаемыхъ въ идолѣхъ духовъ нечистыхъ, зане прежде рекоша быхомъ порабощенна има, имѣхомъ различны коварныя о нихъ злобы. Учитель же утвердивши крѣпкою надеждою помощи въ томъ Спасителя своего, отпусти я съ миромъ.

ѥ. Воспріять аде проповѣды учитель усердное свое желаніе достигнути Обдорского селенія, и даже до самого Лдистого окияну, но Господу лутше что прозрѣвшу инако воснять намѣреніе сего и обрати путь его и пакы въ Тобольскъ, тамо же остави священниковъ, да вси обидуть по протокахъ селенія ихъ и остальны присовокупятъ крещенію;

ихъ же множество крестивъ и нечестивъ ихъ чтилища разорху и сожыгаху. Пришедшу въ Tobолскъ, обрете зде въ Tobолску въ узилищахъ прежде воспоминаемаго Урманна въ множествѣ своихъ единомысленниковъ, ихъ же власти гражданскаго правосудія слышасте о нападеніи его и только много ранами узвѣленныхъ, и его нанна до суду и наказанія гражданскаго. Обаче проповѣди учитель свободы его отъ узилища и внять съ собою въ обитель Туменскую и тамо его поучи благочестію, и крести его, тожде и прочихъхъ подручныхъ единомысленниковъ его крестивъ, и спасе всихъ не только отъ належащей достойнѣ временнаго наказанія, но и вѣчныя погибели злочестія Махометанова.

А. Зимний же пастырымъ временемъ не замедли проповѣды своея учитель обрати путь свой въ Вагулскую страну къ граду Пельму, идѣ же мнози усмысленнымъ крещеніемъ святымъ духовнымъ его чада любовію стрѣлаху, ихъ же поучивше благочестію и всякимъ добродѣтельнымъ христіанскимъ обычаемъ, основа же и церкви Божия на нѣкихъ достойнѣйшихъ мѣстахъ. Самъ же вверхъ по Турѣ и по прочихъхъ протокахъ лже объемлетъ селеніемъ своимъ Вагулицкій народъ, всихъ сихъ усмысли купелію крещенія церкви Божой помощію Выпяго не только сихъ языковъ, и Махометанскаго злочестія Татаръ, близъ града Опачына обитавшихъ отъ злочестія отврати. И бысть се яко отъ нечистого чисто, и отъ недостойнаго достойное произведе, зане удостои сихъ крещенія Господня. Обаче только уже изпоможе трудами въ путешествіи семъ, яко мнѣшеся намъ быти близъ его сіе блаженство поденгомъ добрымъ подвижася, теченіе скончашъ, вѣру соблюдохъ, да дастися винець.

ГЛАВА II - а.

О крещеніи Вагуличовъ въ Кондѣ 1747 году.

А. Аще убо и толикимъ недугомъ одержимъ бысть, обаче всегда свѣтлѣе укрѣпляемъ; ищущимъ спасенія человѣческаго трудятся, недугуютъ, но не изнемогаютъ, окрѣпѣваютъ, паче текутъ и не утруждаются; тако и сей учитель нашъ, лѣтнего дождавшись времени, воспринять и накіи путешествіе свое въ Конду воднымъ плаваніемъ, о ней же прежде воспоминаюхъ, нынѣ же о устѣи ея или о исходѣ мало что извѣстятъ, наипаче яко памѣ многотруденъ и всякому плавающему бысть.

Б. Устѣе ея толико, яко неудобъ зрѣніемъ, и многими воды разливающимся человѣческимъ досязать пристанища береговъ: толико мѣлкія острова являются, обаче вса сѣя желка, яко нѣсть проходима судами большими, иногда противными вѣтри судно на мѣлкихъ сѣхъ мѣстахъ сокрушаемо бываеъ, до береговъ же въ сѣю или въ оную страну неудобъ достигнути мѣлкихъ ради мѣсть. Исходъ же самца Конды зѣло глубокъ, покрываеъся водами яко неудобно сего вѣдать, и съ

премногою трудностію провѣдуя сего выплываютъ отъ устья въ верхъ рѣки въ два дни. Сіе и наше бысть благополучіе въ плаваніи напюмъ. Егда же изыдохомъ въ самую Конду, тогда зѣло красными, веселыми и пажытыми мѣстами брега ея обходящія узрѣхомъ. Бысть же намъ въ проповѣди многомятежна и презапшымъ исполни учителя трудовъ смущенія, заше аде діаволь крѣпчайшее нечестія своего укрѣпиль баше гнѣздялище, егда бо отъ различныхъ протоки завоєсненіе въ своемъ лѣтѣрши кумиры своя аде укрываху, тамоде и зѣ Оби, о ѳсмъ же прежде воспоминахуомъ аде, унесетъ баше, и посему всю лукавую силу свою хитроковарныя лести смущенія аде вопѣзди и утверди, и толь бѣ отъ всея страны Остицкія почитаемый и славимый, яко не чалхъ сего быти сокрушенна, но паче мнѣху яко хотащему его сокрушати чудесною гѣкою сопротивитися силою.

Г'. Достигохомъ же сѣя тверды нечестія. Плавающимъ же намъ, егда близъ бѣхомъ жилищъ, идѣ же той сиверны соблюдаемъ баше истуканъ, извѣстихомся отъ многихъ, яко собращеси многое множество вооруженныхъ, души своя хотаще положить при сивернымъ сего капищу, ниже отступити своего злочестія. Учитель же проповѣди презирахъ сихъ множество: «Аще ополчѣнѣся на мя полкъ, не убоится сердце, и аще востанетъ, рече, на мя брань, на Госиода уповаю» — нежданно поспѣши. Егда же достигохомъ жилищъ сѣихъ, нарицаемыя юрты Нахрачевы отъ имени натазствующаго тамо Нахрача Евплаева, иже есть начальникъ, державецъ и служитель сиверного того истукана, узрѣхомъ множество предстоющего собранного народа, вси же сіи яростію взираху на ны; обаче и благопримѣство явиша намъ, яко въ началѣ не возбраниша оруженъ ко берегу жилищъ своихъ пристати.

Д. У пристани же издохомъ въ собранному народу и пачальнику ихъ Нахрачу Еуиласу и привѣтствовалихъ отъ лица проповѣды учителя всихъ сихъ міра, здравія и всякого благополучія желаніемъ. Обаче, презрѣше сіе гражданство наше, отвѣща на нѣ: «Вѣмы вину пришествія вашего, яко ласкателствомъ своимъ хощете отвратити насъ отъ древнихъ вѣры нашихъ и отрѣзвѣ почитаемого нами помощника разорить, сокрушить, но всуе трудитесь: здѣ вси главы наша положимъ, сего же сѣтворити намъ не поустимъ». — И абіе всѣ единодушно отъидоста въ свѣршное чтилище кумира.

Е. Кумиръ же сей изсѣченъ бѣ изъ древа, одѣянъ одеждою зеленою, злообразное лице бѣлымъ желѣзомъ обложено, на глави его лисица черная положена; чтилище все, панпаче же сѣдалище сего украшено сукномъ червленнымъ; поставленъ же высочае прочихъ; иныи же ниже около предстоить меншии кумиры, ихъ же глаголють быти служителями настоящаго кумира. Иныхъ же утварей, кафтановъ, бѣлокъ и прочихъ предъ нимъ полагаемо бысть много, его же злообразіе написана подробну въ лицахъ со всемъ его знаменіемъ поставляемъ, но каково страшилище сіе бѣсовское.

Ж. Бездушная пикарада такогого себѣ избра служителя прежде воспоминаемаго Нахрача Еуиласа, иже злообразенъ, чернъ, горбъ на персехъ и на плещехъ имѣющъ. Обаче толь тѣнь свѣршнаго своего быше любитель кумира, яко неотступнѣ пребываше у сего. Моленіе же его чудесно. Гласъ тончѣ испущаше, никакова парѣча не знаменующъ, но якъ младъ телець рыкалъ, послѣди же жизканіемъ вѣковымъ оконченаше, и тако пребывавъ въ чтилищи своесѣ многократнѣ въ день той безстудное, а наче безумное сіе твораше моленіе.

§. Не только же онъ самъ, но и весь народъ, тамо собранный, зѣло почитаху сего сквернаго истукана, заше прославляху сего паче истукановъ древнѣйшаго, и отсюду немалую сему причитаху похвалу, яко во дни Ермака, егда покоры Сибѣрь подъ область российскую, и отъ того идола палачомыя Ермакову повеленію данку дани наслѣдіемъ отецъ и праотецъ своихъ; сей Нахратъ державецъ бѣше сего кумира, и отсюду паче иныхъ скудныхъ бѣдствующихъ единоравныхъ другихъ своихъ изобиліемъ и богатствомъ превознесся, заше только бѣше сей нечестивый во всей Остяцкой странѣ почитаемый, яко Обекіе и прочихъ протокъ шайтанчики, сіе есть служителие кумировъ, приходяху къ сему державцу кумира и дарами умолаху, да въ нѣхъ селенія отпустить. Егда же удоволятъ дарами и отпустить имъ, тогда они въ своихъ жилищахъ тѣшатся сквернымъ припоминовеніемъ жертвъ въ скудости пользоваться.

И. Предстоящихъ же намъ у приставника не малое время, толь свѣрилъ собранъ народъ і дивный бѣше и чуждахуся, ниже къ намъ, ниже къ себѣ намъ приходити попускаху; обаче немалымъ временемъ навывкоша друголюбного сообщенію, обхожденія съ нами, начаша вѣщны входить на судно учителя; учитель же великимъ благопріятствомъ и любовію привлекаше къ себѣ, дабы угодише возмогъ къ нимъ начать проповѣдь; обаче, егда нача учить и отставить нечестивыя кумиры, не въ сладость бѣше имъ, но горкимъ * воздыханіемъ отвѣтствоваху: «Не буди намъ се вже отринуты сего кумира, толикою древностію отецъ и праотецъ нашихъ почитаемого. Аще же і высокое повелѣніе царское великаго Государя нашего есть вама кумиры и чтилища наша разоряти, обаче молимъ насъ, наложите дань на сего, яко же во дни своя Ер-

макъ на годъ взимааше три рубля; нынѣ же умножитъ и чотыри по вся годы даати, толико оставѣте сіе повелѣніе». — Учителъ же воздохну отвѣтствоваше чрезъ толковника: «Горе вамъ, яко толико вась сатана ослѣни безуміемъ, что благодать, туне даемую намъ, отмищите, погибель же вѣчную роду всему цѣною приобрѣсти возжелѣсте. Не ули сатана доселѣ удоволи себе погибелію душъ отецъ и прастецъ нашихъ, егда толикими древними лѣты пренебрегши спасенія вашего и оставлены бысте погибшая тварь. Нынѣ же Госнодь призрѣ на насъ, и содержааи изъ рукъ своей сердце Царево, понуди сего быти вамъ спасителемъ, положи бо на сердце его не даши сіа мераскіа и безсудныа, но спасенія душъ нашихъ искати. И нама не буди се безуміе взимать погибелную цѣну душъ нашихъ, сіа чотыри рубля; души же наши толикіа драгости, яко кровію всеа твари Творца и Господа нашего некушленныа попускать погибели вѣчной не хоцу». — Толикимъ бо ученіемъ просвѣщенъ, начаху усумнѣватися и ревность по нечестіи и злобѣри ихъ нача умалатися.

5. Времени же мало мимошедшу, учителю всегдашнимъ ученіемъ понуждающе, начаху колѣбаться въ своемъ твердомъ нечестіи, прислаша ко учителю отъ среды своеа искуснѣйшихъ старѣйшихъ въ совѣтъ, како и какими статіи приступить имѣють въ благочестію, аже толь безумія исполненна явишася, яко достойны биху всѣми снѣмъ посмѣяться миру. Начаша же сіе посланіе свое: «Повинуемся нынѣ (рече) указу и повелѣнію Государеву. Такожде, рече, учителю, и твоего не отметнемъ ученія, но толико молимъ вась: первое, не отрините и нашего отъ толикихъ древнихъ лѣтъ отецъ и прастецъ нашихъ почитаемаго кумира, но и егда насъ крестити соизволяете, не пренебрежите и шайтана тоеюжде почитать

честію, окрестите сего крестомъ нѣче насъ честнѣйшимъ, златымъ; украситъ потщимся и поставитъ убо церковь отъ своего имѣнія между іконами, по обычаю, и нашего посреда поставимъ. Второе, масть лошадиныхъ да не будетъ запотѣдаемо намъ вкушать, зане вѣсть только въ мирѣ сладкаго яденія, пріятна бо только намъ, яко житія нашего лишитися можемъ, ниже сего сладкостія. Прочая же наипаче молимъ, не разлучати насъ съ многими жено нашими, ниже впререды намъ возбранити многолѣштва, женъ же нашихъ отнюдь не креститъ вашимъ священникомъ, но сами вы окрестите войждо свою жену въ воду, и кресты наложимъ. Сія вся аще намъ позволено будетъ, воспріемлемъ единоувѣріе и законъ вашъ».

Г. Учитель же смиреннѣ пріемше посланіе сихъ, рече имъ: «Мужіе и старцы, егда воззрѣхъ на васъ, такою сѣдиною почтенныхъ, яко васъ быти преисполненныхъ разума, по, увы, коль сатана посмѣяся вамъ и своими коварствы толь ослѣпилъ умы ваша, низведе въ безуміе: не яко бо старцы, исполнены разума, и мужіе, почтенны честію сѣдины, по яко дѣтища младаумныя, баснословиште предлагаема. Не вы можете познати тми съ свѣтомъ раздѣленіе: раздѣли бо Богъ между тмою и свѣтомъ, тму нарече ночь, свѣтъ же нарече день, нѣко явѣ вамъ творити познати. Яко не бываетъ единокупно день и ночь и особнѣ день. Всякъ въ своей разпствуеть слава; како убо вы за едино смѣшаете тму съ свѣтомъ, честное съ сквернымъ, богомерзкаго кумира сочтати воздѣлаете Богопочитаемымъ іконамъ, аже лица суть изображающія самого небесъ и земли Творца, тожде и служителей его і угодиствоу Божиныхъ; вы же за едино злособразіе сіе сатанино, слѣпотствующими уми вашими почитаемое, хотите причтати единокупной сихъ чести; глаголете же и крещеніемъ

очистить сію бездушную шкаредь. Но сіе неудобное и противодѣйствующее есть всякаго разуму: како бо исключительное сіе древо, пиже видѣнія, ни слышанія, ни осязаніе имущее, таинвой тайны удостовѣрити: крещенію бо согласуетъ созволеніе. О немъ же и паче молю: не буди вамъ сердца окаменѣлими и нечувственными крещенія, но преклоните чувства ваша воспріять тайну спасенія вашего, и аще хочете единовѣрны съ нами быти, повинуйтеся наставленію нашему и нашимъ христіанскимъ ученіямъ, ничто же сами вѣдуще: како бо и жены ваша сами крестити глаголете, не имѣюще на се данія вамъ благодати: не имѣте бо яко единою водою очищается, но дѣйствующая невидимо благодать Святаго Духа, нашимъ подаваемая смиреніемъ, васъ освящаетъ и просвѣщаетъ. Отверзѣте убо, возлюбленніи, всѣ ваша прекословныя басни, аже посмѣваясь сатана уму вашему сія папоситъ козни; пріимите, молю васъ, единовѣріе и единомысліе съ нами, да будете единоутробныи намъ братіи и сынове Церкви Божіей. — Обаче сямъ толкиимъ ученимъ не у повинуваша, но паче свирѣпыи отыдоста посланники къ собранію своему.

Ѳ. Пріемше убо извѣстіе отъ посланникъ, собраніе безумныхъ зѣло возмутися и противостаста проповѣди ваше, убійствомъ дышуще на ны, начаша поносити намъ и укориху, яко вси отчаяхомся спасенія ихъ. Обаче, учитель не сумѣваша, глаголюще вѣкиимъ Божіимъ предуздѣніемъ оскорбѣ узнѣти ихъ въ купели крещенія, аже и собишася. Настоящу убо дню праздничну равноапостольнаго князя Владимира, прииде къ учителю никто отъ собранія сихъ, почитаемый у нихъ старѣйшина, именемъ Помжукъ, иже любезнѣ присѣдаяци проповѣди учителя, возжеда крещенія и пача

молити учителя сподобить его крещеніа. Учитель пріемши сего, учреди всякимъ благопріятствомъ и отпусти его къ собранію, да сію пріемшую свыше благодать и протѣмъ явитъ и привлечетъ ко спасенію душъ ихъ. Егда же изыде къ собранію, и начать ихъ укоряти безумными: «Почто вы противитесь повелѣнію Цареву и отрицаетеся христіанскія вѣры: вѣдите вѣдуще, яко за непослушаніе прогнѣвается Богъ и Государь, и послетъ вой і всѣхъ насъ истребитъ въ конецъ и земля наша пуста будетъ. Повелѣніе бо Царево страшно і непослушающимъ его смерти достойно». — За что начаша і его укоряти. Онъ же пакы къ нимъ: «Доколы благодать сію, спасеніе душъ нашихъ... и прасѣдимъ погибели древнихъ отецъ нашихъ, ничтоже вѣдуще: азъ убо пріемлю повелѣніе Государя моего и сіе полезное ученіе учителя». — И сими словы аки мечемъ разсѣче сопряженный сей союзъ и стать всѣмъ противу проповѣди. Мнози бо внемше рекшему, начаша приступати до единомыслія съ нимъ; іныи же не хотяху, молву въ народѣ возмутити; елики бо глаголаху пріять крещеніе, шайтана же своего сожесть не подають, по на особномъ гдѣ мѣстѣ бросить сего, и къ нему впредъ не ходитъ и не покланятися, о чемъ и учителя понуждаху; иныи же всема не хотяху креститися. И бысть весь день и нощъ молва и прѣніе. Дню же пакы возсіявшу, возсіа и благодать въ сердцахъ невѣрнаго рода, и отъ Сего, вже рече ученикомъ своимъ: миръ вамъ, и бысть миръ, уста прѣніе и молва, по тишайнсю кротостію пріиде все собраніе къ учителю, рекше: «Сотвори съ нами, еже хощеши, и чтившиа и кумиры яко хощеши разорей».

Бѣ. Изпедши же учитель къ собранному народу, поучи и довольно, и предготовивши ко крещенію, начаша отрицати

молитвы. Сатана же не преста козней своихъ, но избра себѣ орудіе, злообразную себѣ иностась собранію Нахрача Еулаева, иже малъ, чернъ, худъ, горбъ на персехъ и на плечахъ, той бо рече: «Блюдитесь, друзи, сего, егда начнутъ вась тязити, не прінимайте сего, то бо есть волшебство христіанское; также егда будутъ вась стрищи власи, то вырѣзовати муть изъ вась душі». — Егда начаша священники елсомъ помазovati, абіе народъ возмутися і вси убѣгоша во свои жилища, и едва возмогохомъ собрати народъ паки. По всемъ же томъ, егда начахомъ крестити, народъ весь предстоящій побѣже въ воду и сами погружахуся глаголюще: «Клади на мене крестъ, я уже крещень». — Мы же едва моленіемъ изведохомъ изъ воды народъ и чиновніи начахомъ крестити, и благодатию Божіею крестиншася вси. При кончинѣ же крещенія паки діаволь возмуди раба своего, онаго Еулова, иже вземъ жсаль прибѣже къ рекѣ, начать народъ отъ крещенія отгоняти; народъ же устремися на него і возложиша рудѣ бѣоуще его, и прогнаша даже до селеніи. Егда же крещеніе окончися, присла къ намъ Еуловъ оный сына своего, глаголя: «Аще самъ мене архiereй окреститъ, то и азъ прінму крещеніе». — Се же слышавши, мы, аще і немоществовахомъ зѣло, но забывши немощи, скоро отъ ладіи изидохомъ, і во уготованномъ мѣстѣ начахомъ отрицательныя молитвы. Егда же прінде сіе слово: иждени изъ него вслѣхъ лукавый і нечистый духъ, гнѣздищійся въ сердци его, — абіе возтренета аки бѣснй, и начать главу отъ знаменія крестнаго обращати сѣмо і овамо, и мало не паде на землю, і воскрыча нечѣно, і исторжеси отъ рукъ и убѣжа. Ёмше же его, вопросихомъ вини; онъ же рече нама, яко страхъ найде на мѣ, и болѣзнь пронзе ми сердце; мы же рекохомъ, яко отверзи страхъ сей,

по вѣруй несумнѣнно, яко здравъ будеша і никакой не ощутиши болѣзни, — и едва умоляхомъ его наки предстати отрицанію, но обаче тожде сотвори, не стерпѣ осиненія креста Господни, и нача воплоти, исторгши ножъ на ны рече, яко болѣзнь ми пронзаетъ утробу и сердце. Народъ же слышавши сіе устремися, живяще яко въ дѣйствиыхъ и словехъ сихъ нѣкая поражающая и убивающая сила есть, обаче нѣщия, имъ же во отрицаніихъ ничто же приключися, глаголаше къ нему: «Не бойся, ничтоже постраждеши».

гг. По крещеніи же всѣмъ престоавиша трапезу, прочіихъ съ начальникомъ нѣхъ умоли учитель внійти въ судно — акусити съ собою трапезы, предъядите имъ, и по трапезѣ рече къ нимъ учитель: «Яко подобаетъ вамъ истребить отъ жилищъ вашихъ сего сквернаго істизана, да не будетъ скверное посредѣ собранія вашего, уже вы чисти есте». Многая же о семъ паче бысть распря, и овѣмъ глаголаху: «Ни, да запесень будетъ въ пуста мѣста і непроходна». — Многу же бывшу между ними несогласію, доспѣхомъ ноши и тма покры земаю. Тогда еще всезлюбная тма, дѣловъ цѣкій, имѣя своихъ рачителей, научи коварства сщцаваго: ідола самаго, о его же прахуся съ нами много, да не сожженъ будетъ, украдше подставивши ідаго, а украденнаго отнесонна въ далное мѣсто, надѣющеса, не будетъ аки время, въ неже могутъ наки па свое нечестіе возвратитись. Посемъ соизволивши отдали ідола подставленнаго за кустодію нашу, только молху насъ: «Да не предъ нашими, рече, очима сожженъ будетъ». — Егда же приспѣ время уже сожещи его, единъ отъ нашихъ удари того ідола, яко ему пасти; тогда наки бысть вопль і роптаніе много, яко и оружіе взяти на ны, глаголюще: «Почто тако безчестите и ругаете нашего бога», — и едва народъ увротися и от-

стуши отъ кумирни, взятаго же идола слезными проводаху очима, и глаголаху: «Пойди, боже нашъ, палъ еси въ руки Русаковъ немилостивыхъ». — И тако сѣдши въ ладію со идоломъ и за рѣку пресильши, огнемъ сожгоша, послѣди и кумирню раззорниша. Благополучно отплывши оттуду, всюду крещеніемъ просвѣщахомъ, еликихъ обрѣтахомъ, и dospѣхомъ юрть Катиневыхъ. Тамъ приде къ намъ посланникъ отъ ихъ князя Сатыги, аки съ моленіемъ просяще, да скорѣ спѣшимъ до ихъ собранія: уже бо, рече, всѣ собрахомся для крещенія. Вещію же самою присла разсмотрѣти, многочисленно къ нимъ идемъ. Той бо Сатыга, князѣцъ Кондѣйскій, вся своя собраху люди, человекъ до шести сотъ вооруженныхъ, подущеніемъ нѣкоего махومتлиина, пришедшаго отъ Tobolska і имъ глаголюща: «Азъ, рече, самъ видѣхъ царское повелѣніе во градъ прибито, въ немъ же Государь повелѣваетъ, кто убіетъ архiereя, не будетъ за то ему казни». — И тѣмъ возмущи народъ и научи Сатыгу, еже хитростію намъ подвизати і ненадежныхъ напасть всѣхъ смерти предати. Но запыная Богъ лукавымъ къ коварствію и откры ту лѣсть ихъ. Нѣцки бо Вагуличи отъ того же полчища къ намъ пришедше і видѣвши наше къ себѣ благоудачіе тайно извѣстиша: «Блюнитесь, рече, сѣи есть хитрость нашего князя: той бо всецѣло умысли напасти васъ печально и предати смерти». — Тогда въ насъ духъ еще бодръ, но шлоу немоществующа устранина, хотѣхомъ бѣжати во свояси. Обратихомся ко совѣту, что сотворити не вѣдуще. Нѣкимъ же отъ нашихъ рече: «Аще начнемъ бѣжати, то і сѣи, иже крестинаси, востанутъ на ны и побіють насъ; по воли Божіей предадимся впрѣдъ идоломъ, идѣ же князѣцъ Сатыга съ народомъ баше». — Сатыга же слышавъ, яко небоязненно градѣмъ къ нему, остави народъ

собранный, самъ бѣжа ідолу своему принести жертву, помощи просяше отъ бѣса на свое ухищреніе. И егда приидохомъ, узрѣхомъ народъ многъ, иже сотвориша князь і воиъ многъ, злословяще насъ и страшаще своимъ княземъ, і въ день суботный, въ часъ обѣднй, прииде князь съ помощію бѣсовою, начать многоразличныя о насъ коварства строити, по Божь вся памь его хитрости чрезъ ихъ же людей открываше. И бысть то чрезъ три дни, і видѣ народъ, яко ничто же князь ихъ кознями своими успѣваетъ, воста на князя глаголющи народъ: «Ты, рече, бѣсишися и хочещи браць сотворити съ Государемъ, и самъ, рече, погибнеши и насъ погубиши».—[И вся его оставаше бѣжаніа. Послѣжде и князь убѣжа во свое жилище, мы же побѣдное воспѣваше, иже остава, начяхомъ поучати о крещеніи, и ни мало сопротивляшася, елицы же обрѣтохомъ—крестихомъ, и еще далѣе поидохомъ.

Всесоюзное издание, т. № 78.
1939.

Всесоюзное издание, т. № 78.
1939.

Всесоюзное издание, т. № 78.
1939.

Абалакъ, сынъ Мара—20.

Абыръ—77, 94.

Атлантическое государство—16.

Адъръ, сынъ Мара—20.

Азія—13, 14, 41.

Алой, сынъ царя Кутума—44.

Алачелъ, Останкій князь—73.

Алексій, членъ Божія (празднованіе дня памяти его)—89.

Арктикусъ—8.

Атлантъ (мѣсто)—75.

Анкимъ степи—14.

Амшъ (идолъ)—66.

Наймалъ, море—14.

Вашаиры—19.

Вейбулатъ, князь сибирскій—21.

Варжонъ—16, 23, 70, 73, 96.

Вотъ рыба, см. Старина Обскій.

Вожжа доминію, см. Гусь, Кондійскій кумиръ и Старина Обскій.

Восфорусъ—23.

Вояръ, князь Останкій—22.

Враніе Мужика—13.

Вурейская юрта—77, 93.

Вухарскіе предѣлы (страна)—17;

Вухаря—21.

Вѣна—9, 16.

Вѣлгорскія юрты—68, 74.

Вѣный мѣсяцъ, см. Февраль.

Вавилонъ—47.

Вавилонская жемчужина—83.

Вавудичи см. Вогудской народъ.

Варна, избранный лѣтъ—34, 35.

Вдова, см. Метемиская.

Верхотурской камень—81.

Вояры (узоры)—39, 66...

Владиміръ св.—73, 104.

Вогудской народъ, Вогудичи—5, 13, 23, 81, 82, 84, 86, 87, 97, 98, 198.

Возмущеніе и народная противъ иносѣланцевъ—69.

Возга—21.

Возмездіе (officium)—48, 49, 64.

Возмездіе, см. Смерть Божія.

Воспаленіе юрты—74.

Гитарьянъ (Гатарья), Матв. Петр. князь, первый губернаторъ Сибири—1; его гербъ—2, 68, 70, 71, 96.

Горностай—9, 15.

Горы, см. Каменные горы.

Гусь (бѣлыя птицы водныхъ)—55, 57.

Длинные языки—18.

Дошъ—2.

Дерзновеніе смѣрныхъ жертвъ—48.

Древеса въ нѣдрѣ земли (запеч. уголь)—16.

Древо лѣтательное... обмѣна боготворить—83.

Евреи—80.

Евродія—13, 14, 17.

Египетъ—69.

Единоразвѣстие Останковъ—40.

Елена—24, 37.

Елени (Елени)—47.

Ермачъ вѣній, Тамофѣвъ сынъ—21, 23, 44, 101.

Египетъ, князь сибирскій—21.

Ефѣионъ—29.

Иисусову году никакъ не измѣне называть—30.

Житіе Останковъ—29.

Жрецы—48.

Заставки писанія—32.

Затрѣба, земля (затрѣба)—17.

Земледѣль—38.

Знакъ—15.

Знаменіе см. поднесъ—83.

Индія—68; Индійская земля—69; Индійскій родъ—54.

Идеаль Кондійскій... з'явля багато почитати баче — 64... См. Кондійскій кумирь.
Иркута—14.
Иртыш р.—19, 20, 21, 22, 27, 45, 56, 70, 81, 82.
Исконды Обский (устыя Оби)—32, 96.
Ишимъ р.—19, 28.
Июдеи—29.
Иеремія, пр.—6.
Иоаннъ, см. Максимовичъ.
Иоаннъ Васильевичъ, царь Московскій—22.
Иустиніанъ Великій—61.
Иабаба жень и дітей—32.
Казанскія юрты—74.
Калмыки—18, 19, 27, 63; Калмыцкій родъ—64.
Калмык—43.
Каменія драгіе—15.
Каменные горы—17.
Камени—27, 75.
Камчатская страна—14, 24.
Каринарская юрты—95.
Китайскія юрты—108.
Кедры (кедры)—18.
Киргизы—18.
Китайская земля—69; Китайск. родъ—64; Китайскія стѣны—15; Китайское государство—14, 17, 41, 60, 62, 63.
Кіевонечерская чудотворная лабра—61, 68.
Кіевъ—73.
Кітвѣ (присига)—53, 4...
Князья Остакіе, природные—60.
Кодійскій монастырь—72.
Кожаны маліиіи 31, 38.
Козель дикій—17.
Коліячъ—43; см. Калмык.
Комсидаты (комсиданты)—40.
Конда, Кондіа — 23, 28, 58, 64, 65, 87, 93, 99.
Кондійскій кумирь—55, 58, 59, 84.
Копашными стѣны—14.
Крещеніе Востульчій, см. Вакучачи.
Котичскія юрты—90.
Крощъ (богъ)—47.
Кумиръ Шаршоровскій—50.
Кумиря съ затью идоламъ
Купоната р.—23.
Купонать—96.
Куртаны—26; см. Ровища.
Кутухта—62 и слѣдующ.; см. Муугальскій законоучитель.
Кучумъ Мартазіевъ, мѣзъ Калатей Ордъ, первый наречеса царекъ Си-бѣрскимъ—31.
Ламба (чловѣки духовные)—62.
Латвискій князь—40.

Ланпъ—23, 96.
Латвискія князя въ иермскомъ по-рѣчьи—27, 28.
Листый овианъ—92, 96.
Лисцы черныя—14.
Лия, нѣкто (нѣкто) отъ Вагучачи—87.
Магмѣтъ, сынъ Адора—20.
Магмѣтъ—17.
Максимовичъ, Іоаннъ, бившій архіепископъ Черниговскій—1, 68, 72, 74, 79, 86, 91...
Малый Атланъ—95; см. Сугорукоскія юрты.
Маманта, мамонта (зѣбра) носги—15, 16, 17.
Мангазель—13.
Мансуръ, Іванъ (возвода)—45.
Марморка (черная лапка)—41.
Маръ, сынъ Ходрамъ—20.
Марья, дванадцатолѣтняя дѣвица (чудо съ нею по прешеніи)—90.
Масло камешное—17.
Махометане—29.
Медидъ (его почитаніе)—53.
Метемпсихозъ у Остакіевъ (страш-ный же, безумія и безсудія испол-ненный обичаи...)—48, 62.
Мискиа градъ—18.
Московскіе государи—22.
Московское государство—41.
Москутъ (мускутъ)—17.
Мужики Брапкѣ; см. Брапкѣ Му-жики.
Мукосутъ, рыба израдвая—34.
Муугады—51.
Муугальскія стѣны—14. Муугальскій владѣтельствующій законоучитель и законодатель—62.
Муугады—63.
Назвѣтъ рыба; см. Кожаны.
Нареченіе новороздѣленныхъ—80; см. Русскія имена.
Наринъ—23.
Нахрочесны юрты—99.
Нахрѣтъ Евилазъ—99, 100 (его во-звѣстіе передъ иступаніемъ), 101, 106.
Нозма (лазма), рыба—56.
Нарчинскъ градъ—14.
Патки: отъ крошмы 60 зѣлныя ихъ трости истагають ити—38.
Нидъ р.—19.
Новилій Григорій—1, 8.
Новозуіе—51... 65.
Ноевъ потопъ—16.
Обдора—23.
Обдорское селеніе—96.
Обдоръ—15, 96.
Обуи, см. Кожаны.
Объ (Обѣ) р.—13, 19, 20, 22, 23, 27, 34, 35, 41, 45, 56, 57, 72, 78, 80, 99.

Отвѣдальныи мужъ (видѣліе)—79.
 Олѣжа изъ рыбьей кожи, см. Ко-
 жанинъ.
 Овидій—39.
 Окіанъ лѣстныи — 15, 17; см. Лѣ-
 стныи окіанъ.
 Онь, князь—19.
 Опалыиъ градъ—97.
 Останка, аки бы Останки—28.
 Острова—95; см. Прохоровская во-
 лость.
 Остицкая страна, Остянцїи царь—
 1, 5, 9, 18, 19, 22, 24, 25, 27, 28,
 29, 32, 34, 37, 39, 45, 55, 58, 60,
 69, 72, 82, 84, 86, 87, 88, 91,
 94, 99, 101.
Палець калѣйныи—94.
 Палестина (изъ смыслѣ страны, сущ.
 вариат.)—16, 34.
 Пала (пальма)—2.
 Палестыиъ (Палестос), чудесныиъ
 птїицъ—75.
 Парчи шелковыи—15.
 Пелыиъ р.—87.
 Пелыиъ (Пелииъ) градъ—81, 82, 83,
 86, 97, 99, 90, 97.
 Переговори съ преосвященныиъ
 Іованномъ—102....
 Перыское царствїе—27.
 Перыиъ Великая — 26, 27, 28;
 Перыиъ—75; Пермани—27, 28. Пес-
 цы—24.
 Пища—34.
 Петръ, апостолъ—64.
 Петръ I, императоръ—60, 61.
 Пятаторъ—62.
 Піръ р.—23.
 Погребеніе умершцыи—45.
 Показы, сушеная рыба—34.
 Показеніе нѣмцыиъ—65....
 Помощныи, лѣстныи окіанъ—8, 13.
 Подунъ р.—23.
 Помжукъ, старѣйшина—104.
 Проканъ или весна нечистоты (не-
 чистѣиный нечистоты недугъ)—43.
 Преселеніе душъ, см. Метеииско-
 зовскъ.
 Прохоровская волость—95.
 Пси (для іады)—37.
 Пыиал орда—18, 19, 27.
Рейица—26; см. Сосуды, Серебро.
 Россіане—14, 28, 44, 43. Россійскіе
 монархи—13. Россійское государ-
 ство—18.
 Руководіеиъ общаиъ пѣиъиъ едино, стрѣ-
 ланіе зѣбра—93.
 Русскіи имена—30.
 Рыбныи зѣли—14, 15.
 Рыбнъ кости—24.
Самаровъ градъ—56.

Самоятыи — 18; Самоиды — 19, 23,
 24, 37.
 Сейдакъ, князь—44.
 Сатика, кондшійскіи князїиъ (кня-
 зьиъ)—85; Сатига—108, 109.
 Селсига—14.
 Сибирская метрополи—61, 63.
 Сибѣръ, Сибѣрское государство, Си-
 бѣрское царство, Сибѣръ, Сибѣра—
 1, 4, 6, 8, 9, 10, 13, 18, 19, 20, 21,
 22, 26, 44, 45, 60, 61, 62, 75.
 Симонъ, волхвъ—64.
 Сїи (Сїи—42у)—59.
 Сїовъ—80.
 Сїадкіи (прѣиъиъиъ) води—18.
 Сїовіиная кость—15.
 Сїюда чистая—17.
 Собаки, см. Пси.
 Соборъ—14, 15.
 Солиныи озера—18.
 Сосна—23, 96.
 Сосиинская волость—96.
 Сосиинскіи князїиъ—40.
 Сосуды берестяныи — 37; златые, на-
 ходимыи въ розицахъ и курга-
 нахъ—26; камыиные изобралїиъ—
 15; фарфурныи—41.
 Серебро — 15; серебра множество въ
 розицахъ и курганахъ—26.
 Старикъ Обскіи, домашнїи божїиъ
 (богъ рыба)—51, 56.... 71.
 Стефанъ, св., Великіи Лермани епи-
 скопъ—26, 29, 75.
 Студеный плазюиный кругъ—8, 14.
 Ступржество Остяковъ—42.
 Сухорюиовскіи юрты—95.
 Сыроидыи—28.
Табикъ китайскіи—36.
 Тава р.—81, 87.
 Таглы р.—19.
 Тайбакъ, Тайбука, сынъ Опа—19, 20.
 Тангуская земля—62.
 Тасовская (Тасовая) губа—23, 93.
 Тась р.—23.
 Татары—19, 27, 44, 51, 81, 97.
 Татарскіи князья—26.
 Тахтанская волость—89.
 Тоболскіи градъ; Тоболска, первыи
 престолныи градъ въ государствѣ
 Сибѣрскомъ — 13, 22, 29, 31, 42,
 44, 70, 73, 90, 91, 93, 95, 97, 108.
 Тоболъ р.—19, 22.
 Тюмень (Тюиыиъ) градъ—20; Тюиен-
 ская обитель—91, 97.
 Туиугусы—18.
 Тура р.—18, 19, 20, 61, 97.
 Туруханъ—13, Туруханскъ—15.
Улусы—40.
 Упакъ, казанскіи царь—20.
 Уршанко —94, 97.

Фараонъ—90.

Фаразь, см. Цаганъ.

Философъ, митрополитъ Сибирскій
(заслужилъ Писемнечерскія чудотвор-
ныя лавры)—61, 67.

Фрегутъ—23.

Ходьба, сынъ Тайбука—20.

Холестъ крошечный (крапечный, см.
нитка)—38.

Хондизъ, Хондиммахъ, см. Кондизъ.

Хрусталъ самородный—17.

Цаганъ: сестра бѣлый мѣсяцъ—65.

Цагы изъ олова—39.

Червленныя одежды—40.

Часовая (Чусовая) р.—21.

Черныя юрты—90.

Чингизъ, подвластный (подручный)

Она—19, 20.

Чуло съ новокрещеннымъ младен-
цемъ—90 (см. Марья).

Чупные народы—20.

Чоткскій народъ—26. Чупкой я.—46.

Чингизидъ градь—20.

Шаръ, см. Табакъ китайскій.

Шоркорокскія (Шоркорокскія) юрты—
60, 72, 74; см. Кумырь.

Шубы, см. Козаны.

Юноша—46.

Юрты—26, 60, 72, 74, 75, 77, 90, 93,
95, 99, 108.

Яланъ: шайтанчикъ—96.

Яланъ, см. Длинны измян.

Якуты—13.

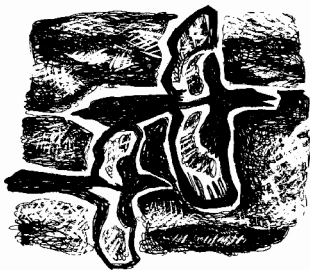
Якупъ—14.

Ясыкъ—41.

Федоръ, слякочахъ—1.

Описание

**живущих Сибирской губернии
в Березовском уезде
иноверческих народов остяков
и самоедцов,
сочиненное студентом
Васильем Зуевым**

Мужу, науками просвященному,
ученому и достохвальному в оных попечителю
Петру Симону Палласу,

медицины доктору, натуральной истории профессору,
Санкт-Петербургской Академии наук, Вольного экономического общества, Римской императорской академии и Лондонского ученого собрания высокопочтенному члену,

Милостивому моему государю
от студента Василья Зуева
покорнейшее прошение.

За верх моего счастья почту, если сей первейший опыт моих трудов удостоен будет вашего приятия; но тем наиболее усугубите ко мне милость вашу, когда вы, все силы истощая к приращению пользы Российскому отечеству, не оставите и сей мой малой труд поместить в число ваших исследований, почему и впредь не престану вашему ко всеобщей Российского отечества пользе рачению соответствовать, и наивашише стараться буду, чтоб быть достойным учеником такого мужа.

Глава I

Обитание народов

Самоедская земля, последняя часть к северу, сколь ди-кая в своем звании и состоянии, столь равным образом и дикими народами обитаема, из коих в Березовском уезде два рода почитаются, то есть остяки и самоедцы, но первые живут далее от берегу Северного моря и, располагась далеко вверх по берегам реки Оби, соединяются уже и с российскими народами; чем наперед можно узнать, что они, более обходясь с русскими, более приняли их обыкновен-ний и поступок и не столь, напротив того, грубы и необхо-дительны, как прочие. Они хотя и имеют отчасти кочев-ное свое жилище, но от р. Оби мало отделяются, разве отходят в летнее время по другим речкам за промыслом рыбы, а в зимнее время в тундру за дикими зверьми. Од-нако все своего первого жилища не оставляют, где у их построены и избы деревянные на зиму, а летом живут в шалашах, по-тамошнему чумах. Напротив того, последние, ближайшие к северу самоедцы, коли можно назвать дикими зверьми, то в сходственности едва ошибиться можно, не имеют у себя узаконенного им жилища, к которому б по времени съезжались, как первые, но почти ежедневно на оленях перекочевывают с места на место, сколько для звериного промыслу и своего пропитания, столь зимою и для оленного своего скота на разные места переезжают, как о том ниже явствовать будет.

Глава II

О их языке

Язык у всех диких самоедцев одно наречие имеет, которое произносится очень глухо и неясвенно; гово-

рят в нос с большою ужимкою, так что и слова хорошо выслушать не можно; однако в некоторых словах многое сходство имеют с остяцким языком, которой произносится более гортанными литерами и гораздо явственнее, нежели последние. Но те самоедцы, которые отчасти около Обского устья за рыбным промыслом расположились, суть как междуумки сих двух народов, имеют почти совсем будто особый язык и особенное обхождение, которое описывать в особенности, кажется, нет пужды, но можно и без того разуместь, что они, замешавшись между сих двух народов, обоих приняли обыкновения и поступки, ибо совсем сходны с самоедскими, сходны и с остяцкими; с самоедью поступают по-самоедски, а с остяками по-остяцки; однако смешение их везде явствует, так что остяк мало разумеет речей его, равным образом и самоедин мало толкует, и хотя они жен берут от остяков и самоедцов, но в том нет нимало затруднения, а понеже таковых немного имеется, то и совсем оставить можно¹. Впрочем, и те, кои далеко друг от дружки отделяются, однако в рассуждении своей смежности в некоторых случаях не разнствуют между собою.

Глава III Границы

Первых, т.е. остяков, уже не известно обитание и место по реке Оби и рекам, в нее впадающим, но самоедцы по всей тундре, подле берег[а] Северного океана лежащей, разъезжают и разделяются на две части Обскою губою: первая называется Закаменная, по левую сторону Обской губы лежащая, граничит с Цустозерским уездом, начав от вершины реки Соби чрез Камень до Карского залива, от которого по берегу Северного моря до самого устья Обской губы; Низовая же по правую оной сторону, от Тазовской губы по Туруханское ведомство границы, свои расположила.

¹ Здесь и далее эти цифры соответствуют порядковым номерам «Комментариев» (Прим. изд.).

Глава IV

О их происхождении и телосложении

Что же касается до их происхождения, то едва можно верить самоедскому заблуждшему рассуждению. Напротив того, как и русские производят, будто бы произошли от татар, когда славной разбойник Ермак, разоряя Сибирь, рассеял весь род татарской по незнакомым сим местам, и хотя за верное полагают, аки бы Ермак был и ниже Березова*, однакож через толь немногое время нельзя верить, чтоб произошло новое идолопоклонство и совсем новой язык, в коем нимаемого остатку и сходства с татарией найти бы нельзя было. И так хотя и совершенно за лучшее б их причесть к роду неведомых прежде бывших в тех местах народов², однако не без основания истории можно положить и самые их речи, о которых, правда, немногие и толкуют.

Перво, когда еще земля им казалась быть пустая, были в том краю родные два брата, из которых большой назывался Ваги, а малой Хазова³, кои оба промышляли первое лето оленей, от чего и были довольны одеждою, на другой же год стали промышлять ежи, тогда были наги, что и принудило из их одному промышлять рыбу, а другому оленей, но когда по прошествии времени один другого звал к себе в товарищи, а обеим свое житие показалось мило, то в том друг дружке отказывали, отчего рассердясь малой брат назвал большого Ваги, от коего произошли вогуляки и родственные остяки, а от того произошли самоедцы; однако каждой рассудить может, что сей хорошей вымысел, коему совершенно верить нельзя, а неотменно положить надо, что сии останки суть древних язычников. Впрочем, естли сравнить их с другими народами в рассуждении их отдаленности, то за подлинно можно почесть особливим, не только в языке и поступках несходным, но и самое их телосложение доказывает род отдельной, ибо пусть остяки по смежности с ними сходны, как и другие дикие в севере живущие идолопоклонники, однако и тут, рассмотря сих двух хорошень-

* Но в сем мнении много они ошибаются, хотя бы то и правда, что был там какой-нибудь рассыльщик из ермаковой пайки, которого и вероятно, что они по тогдашнему страху почли за настоящего Ермака. О чем смотри Сибирскую историю Г. Миллера.

ко, можно легко знать, которой остяк или самоедин. Между остяками немного найти можно с лица пригожих; напротив того, все росту малого, так что и средних редко найти можно, волосом же более светлорусые, а самоедцы по большей части волосом черные и чернорусые. Рот большой, губы толстые, нос к ноздрям широковатой, ноздри отворенные, обще же сходятствуют между собою, что росту небольшого, лица смуглого, житья грубого; однако последние (самоедцы) гораздо пропорциональнее, красивее и здоровее (а особливо пол женской), мускуловаты, житьем гнусны, в обрядах очень сходственны.

Впрочем, как немногие о своем происхождении толкуют, так мало об их и разуместь можно, ибо я сам от некоторых слышал, будто бы и русской был причтен в число третьего брата, коего и донныне называют Луце (коли не вымышлен перевод, что значит воин⁴, а Луце нинзилие — воин сердитой), однако можно догадаться, что они тогда русских называли воинами, когда при покорении их угнетали. Напротив того, что самоедцы по своему имени называют себя умнее (Хазова войгутта — мужик умной), а остяков глупее, но в том совершенно они ошибаются, ибо во всех поступках и в речах можно остяков предпочесть самоедцам, а может быть и потому, что сии ближе к русским и больше около их обращаются, нежели те, которые живут в отдаленности в неведомых тундряных местах.

Сей обузданный уже почти народ остяцкой почти всякие обиды сносит терпеливо, нежели те отдаленные, которые из малой вежицы по своему заблуждению рады драться, а в случае голодного времени и без причины на русского руки смело подымает. Впрочем же, хотя в своем звании дики и грубы, однако просты и милостивы, для себя скупы, а в случае для русских щедры, к вину оба сии народа, не выключая баб, девок и малых ребят, столь лакомы, что если бы у них довольно его было, то б мало из малых младенцев на свет выросло. Сговорчивы, заведших бунт орудием не склонивши, кроме ласкою. В разных промыслах трудолюбивы и в трудах прилежны, а особливо пол женской, для честного честны и ласковы, с соседями согласны, легкомысленны, страннопримчивы, в спорах уступчивы и при их дикости верны и справедливы. Напротив того, об остя-

как пользя того сказать, чтоб были столь дики и грубы, как самоеды, но что просты, не ссорчивы, прилежны и согласны, в том ошибиться нельзя, и что смело с сим народом поступать можно, то докажет их обузданное снисходительство.

Глава V

О их платье и украшении

Платье, како у тех народов в употреблении, есть простое из разных ими промышляемых зверей, а не от русских покупаемое, кроме одного холста, да и то редкие, разве богатые из остяков, имеют, а прочие по большей части ходят нагие, как и женщины, в одних только тулупах. Мужское зимнее состоит внизу из малицы, которая делается из вешних⁵ оленьих кож с рукавицами, длиною до колена, и надевается мешком вниз шерстью; верхнее платье, гус называемое, из зимней оленьицы или постели шьется таким же образом, но с головою⁶, которой носят на малице. Внизу имеют штаны ровдужные и на ногах из тонкого неплюя⁷ вниз шерстью, наподобие чулков чажки⁸, а на них надевают из оленьих лап спитые сапоги или пимы, у которых подошвы делают из оленьих щеток или пяток, доказывая к лучшему, что грубая и непорядочная пятная шерсть не скользит под ногою и бывает гораздо прочнее, нежели из лбов оленьих. Летом ходят нагие в одних только малицах, которые иные щеголи делают из лоскутков разных сукон и опушивают кундами из собачьей белой шкуры или песцовыми хвостами. На ногах летом имеют легкие ровдужные, наподобие пимов, негован⁹, красною краскою или ржавою раскрашенные, у коих подошвы более из оленьих лбов бывают.

Еще ж у их бывает легкое платье, которое в случае и зимою и летом носят, называется парка, и шьется тем же подобием из оленьей телячьей кожи вверх шерстью, с рукавицами и головою и опушивается как около подолу, так и около головы белою собачиною. Таковая носится по рассуждению холода и одинакая и по малице, но сию последнюю я видел только у одних остяков, а у самоедцов нету.

Напротив того, женщины остяцкие носят по голому телу долги тулупы¹⁰, которые шьют по своему покрою простран-

ные, но чтоб пола с полою сходились, которые завязывает завязками и притом везде строго наблюдает, чтоб пола не распахнулась, чему все русские дивуются и совершенно за великого щастливца между проезжими россиянами тот признается, которой у присевшей в трудах остиатки незначай увидит стыд, заткнутой отлепом, которой делают из таловых стружек¹¹, мелко выструженных и после мягко вымытых. Летом ходят босые, а зимой в ногованях.

Что же касается до головного их убора, то сему, не знаю, кто б не мог в их жизни дивоваться. Волосы их и без того грубые и жесткие, как щетины, а они к тому ж их никогда не чешут и не знают, что то есть чесать волосы на свете. Мушницы ото лба вокруг головы подбревают, а верхушку же оставляют с густыми волосами просто, и хотя они не пекутся о том, чтоб заплетать их в косы, однако волосы сами по косам сваливаются и на голове лежат, как крепкой войлочной парик, которой, рукою прокапывая, едва дощупывается тела. В таком состоянии возможно ли подумать, чтоб не было у их вшей множества, за подлинно я сам видал довольно между остиатками и самоядцами, что бабы у мужиков ищут вшей не глазами, а ощупью, коих и едят без всякой брезгливости, но хотя при русских им было и стыдно, однако в ответ без всякого зазору сказали, что они де нас кусают, то мы равным образом и их должны кусать без милости. Бабы же, напротив того, головы хотя и не чешут, но долгиe свои волосы заплетают в косы, которых две назаде связывают вместе, а некоторые богатые имеют будто повязку¹², у коей концы назаде долгиe и расшиты разными медными фигурками, как коньками сделанными, рыбками и прочее, сверх которого обыкновенно все носят на голове покрывало, по-ихнему вокшем¹³, которое никогда ни у бабы, ни у девки с головы не сходит, и во время приходящих людей и своих сродных, кроме одной матери, будто от стыда им закрывается; из молодых же, коли что-нибудь делает, то и совсем от сторонних лицом в угол отворотится.

Впрочем, и сие у остиаток за меньшее почитается украшение — выписывать наружность своего тела, на которых на руках я видал столь хитро выписанные фигуры, что дивиться тому падо, как они чрез то себя не могут испортить, ибо в местах около локтя опасных и на самых

жилах видно столь глубоко тыкано иглою, что сажа, которою они после иглы ранку замазывают, внутри разопльшились, немалое синеев причинила, но сие хотя я и спрашивал, но никто, мне кажется, не ответствовал справедливо, ибо иные говорили, будто бы сие у их вместо пускания крови служит. Можно бы тому и поверить, но у их вышивают и молодые, равным образом и те, кои в век свой болезни не ведали; напротив того, я почитаю, что каждому остяку более бы надобно было крови прибавить, нежели еще выпускать оной, притом же они, как скоро выколят те фигуры, то тотчас замазывают сажею, чтоб после уж пятно не стиралось, а что их у всех тот обычай писать на ногах и на руках, то совершенно должно почесть за украшение в своем роде. Мущины же хотя и имеют, но немного, и то для одного знаку, которой у их записывают при ясаке вместо имени. В ушах женщины носят серги долгиe на ниточках, на которых навадеты многие разноколерные корольки, а мущины, все также почти имеют маленькие нитяные колечки.

Самоядцы, напротив того, хотя народ отменной и далеко отдаленной, однако в одеянии мало разнствуют мущины, ибо имеют то же самое платье, как и остяки летом и зимою. Но о голове, хотя и не брегут равным образом, однако из их более щеголей выбрать можно, нежели из других. Головы хотя не чешут и хотя она также свалалась войлоком, но убрана на разные косы, кои до смерти его не развиваются. А пол женской часто опую чешут, убирают обыкновенно бабы на две косы, а девки на многие. Ежели же вдова выйдет за другога, то на виске оставляет для третьей косы растрепанные волосы в знак печали по первом муже. Ходят всегда с непокрытой головой, разве в дороге зимою надевают шапки, русским чебакам подобные. Серги в ушах короткие корольковые, платье же совсем от остяцкого отменное, а более, думаю, камчадалскому подобное. Хорошее, но одиоманерное всегда, платье бывает из разных сукошных лоскутков, на груди и на спине на плюсовой кожи. Свади и спереди наведено несколько лоскутков из оленьих кож, также и сукои, кругом имеются по платью три кунды (опушки) из разных лучших зверей, спереди не застегиваются, но подпоясываются ремнем, и на брюхе, вместо завя-

зывания узлом, имеет большое железное кольцо, за которое другой конец ремня привязывает, впрочем, шуба сия не долгая и не пространная, но чтоб полы только сходились, а длиной пониже колена; внизу носят штаны ровдужные безо всякого затыкания, как у остяков, на ногах пимы либо ногови.

Впрочем, зимой и летом носят шубы по голому телу. В шубе спит и в шубе от начала жизни даже до смерти пребывает. А мужчины спят всегда нагие, в одних только штанах.

Глава VI

О их жизни и экономии

Сколь дикой сей народ и гнусной в своем житии, хотя того и не можно заключить из краткого сего описания, однако здесь мною поступаемо было так, чтобы верить одному только слову, а не пространному того описанию, в которое я нимало [не] не старался. Цельная тому поверить, что остяки руки никогда не умывали, но всегда с их рук или около чищения рыбы грязь смывается или мокрые о негодную спальную свою шубу обтираются, и хотя всякому безглаголивому смотреть на такое житье будет странно, однако и принужден будет терпеть великодушно и удивляться их невежеству. В самых их жилищах нет никакой чистоты и порядку, нет никакой опрятности и, кажется, нет нималого к тому рачения, ибо и хорошие уже ребята редко из юрты на двор выходят, а большие по крайней мере около юрты нужду свою и оправлять должны, будто бы так надо по ихнему закону. Сие свинское житие каждому покажется невероятно, однако кто на их жилища хотя издали посмотрит, тот в верности сего описания не усумнится.

Остяки, во-первых, избирают места свои на зимнее время обыкновенно подле воды, где на сухих местах строят деревянные избы, которые бывают без крыши, а только на потолок насыпают земли, на котором вырублено четвероугольное окно небольшое, кое зимою для свету вместо слюды льдиною закрывается. Изба имеет совсем особенное строение и строится по большей части четвероугольно, за неимением толстого лесу и из тонкого окладывается как надо,

без переключивания между бревнами моху, а некоторые такие ж юрты имеют в земле как выходы, в коих пространство разделено на столько семей¹⁴, сколько живут в юрте, и хотя за множеством не широко место достается, однако каждая остятка со всем своим екипажем и детьми должна в узком том отделенном месте жаться, при своем огне сидеть и работать.

Из сего видно, что у их нет никакого убору и опрятности, но где что как положено, на том и валяются. В таких избах бывает семей три, четыре и пять семей вместе и естели случатся младенцы, то каждая в своей поре пред собою имеет зыбку, в коей насыпано для мягкости под младенца истолченного гнилого дерева, на которое кладут и, одев малою шубою, увязывают крепко и качают, а другие ребята спят с отцом и с матерью рядом. Посреди всей избы имеется огнище, над которым варят себе пищу, кто когда захочет, как для себя, так и для собак, кои со щенятами в тех же юртах гнезда свои имеют под их спальными лавами. Добрые собаки никогда из юрт не выпускаются, а езжалые на дворе всегда около юрты прибывают, но когда остяку куда ехать понадобится, то всех сгоняет в избу и, тут накормя, запрягши, выезжает. Впрочем, и все собаки обыкновенно в юртах трескают, а из некоторых и спят тут же и косят без всякого после очищения, чего ради во всех оных юртах такой дух мерзкой, что долго сидеть верно никто не согласится, ибо тут же сушат и рыбу, которую зимой папромышляют, и ежели думают, что для собак летнего корму неостанет, то кости тут и пошвы жарят, отчего вся юрта сверху так закоптела, что на потолке и тенетах сажа висит сосульками.

Во всех юртах обыкновенно такая чистота бывает, что от мочи и сору никогда не очищается, разве в жаркие дни сама высохнет.

Что же касается до ихней прочей поклажи, как оленин кожи, постели и прочие зверевые шкуры, те кладут в лабазы, в лесу построенные, без всякого прибора и от неурядицы опасения, а кожи олени около лабазу часто и так на весь год лежат на санках оставленные, иногда и в дальнем от юрт расстоянии.

Вся их экономия состоит в содержании оленного скота, но из остяков, кои живут около Обдорска, много таких най-

дятся, которые ни одного оленя не имеют, а кои выше по Обе расселились, те об их и не думают, но по дороге от Березова до Тобольска содержат некоторые и лошадей, на которых подводы гоняют, а промыслов своих не оставляют.

Нужда их научает перенимать российские обычаи, но за что ни хватятся, то все видят от россиян дорого, а покупать не из чего, ибо все остяки, которые живут в отдалении от русских, мало имеют и понятия об деньгах, разве те, которые около Березова и выше находятся.

Некоторые из богатых остяков имеют у себя мыло, коим моются, и хотя за хорошее для выедания грязи признать можно, однако российское почитают за знатной гостинец. Ихнее мыло весьма едкое и совершенно их рукам сродное, потому давняя грязь в тело так въелась, что и ядовитыми зельями в бане едва отмыть можно, и хотя они не каждой день тем моются, однако новую грязь скоро отъедает. Они делают сами из золы и жиру таким образом: перво в котел положат золы немалое количество, к которому прибавляют несколько жиру, так, чтоб не жидко было, и варят до тех пор, пока сгустеет и на дно сядет, как кисель, которой, разрезав частицами, завертывают в тряпички; а когда мыться надо, то, помоча немного клубок с зольным мылом, сок из его выжимает, коим трется, и хотя на первый случай оно марается, однако напоследок грязь так отъедает, что сие остяцкое изобретение должно почесть между лучшими вещами в их экономии. Но сие только богатые имеют или их князцы, а у которых немного жиру или, лучше сказать, которой не знает чистоту различить с нечистотою, тот истинно мало думает не только о мыле, но и о умывании рук не помышляет.

Платье обоих народов хотя гнусное, простое и никакого от праздничного не имеет отличия, но все одинаковое, однако тем они себя счастливыми считают, что не имеют дальнего в том затруднения и бедности, но всякой бедной, коли никак промыслить не может, носит его до тех пор, пока все на нем истлеет. Все сие достают они легко между собою или меною с богатыми, или служением, или самое легко находят средство обогатиться, коли есть где наняться в пастухи за оленями, однако таковым около своих мало удается исправиться, потому что своего мирского суда боятся, но естли

такой недоброй совести попадет в русское стадо, то скоро, не бояся ниславо будущего обвинения, хозяина разорит, а сам разбогатеет, ибо стада русских оленей ходят в тех тундрах, где и иповерческие насутся, и хозяин только один раз в год приезжает пересчитать и переспятнать их, но пастух, куда б сколько не утратил, на все легко ответ сыскать может: или пропал без вести, или зверь изорвал, хотя и совершенно видно, что ушло на его собственные надобности, по уже того никоим образом отыскать нельзя, потому что там судьи и в важнейших делах русских с остаяками не судят, а особливо с богатыми. Правда, хотя сему пастуху стадо пасти не без труда и не без беспокойствия достается, однако в рассуждении уже их к тому привычки, бедности и за то заплаты, можно почестъ за малое, но он, не рассуждая того, что уже и так доволен, еще хочет жить навсегда богато и получить ту честь, как у их богатых почитают.

Трудолюбивый сей народ хотя ветренным своим умом и рассуждает, что там или инде место для его будет спокойнее, но истинно везде несносное их состояние, которое, однако, по привычке сносят нечувствительно. На месте хотя б всякой из их хотел быть спокойным, но разные промыслы, которые одне в его уме пребывают, понуждают его вступать во вся тяжкая, и по привычке своей ко всем трудностям уже не почитают себе оное тяжестью. Женщины же я не знаю, когда б они хотя час праздно сидели. Верно одеревенелые руки труды их докажут, во всем дому живет не как жена, но как служанка, да так между ими и почитаются. На месте или в дороге, не включая того, что мужу во всем помогает, расстанавливает она чум, колет дрова, раскладывает огонь, варит есть, и муж до тех пор с санков не слезет, покудова вся в чуму не будет управлено; тут его обсушивают, там обшивают, а он, переодевшись, пойдет опять за промыслом, куда надобно.

Варварские их с женами поступки еще более грубое состояние увеличивают, ибо где б то ни было, не говорит он с ею никогда ни слова, а хотя что и понадобится, то жена должна из одного только слова понимать его надобность. С промыслов что привезет, жена все убирает, и он ни во что не вступается, так что сколько б он ни привез битых оленей или чего другого, ободравши кожи, дает сам жене выделыв-

вать, хотя б уже и без того на такую работу ей времени не доставало, но к таковой суровости еще прибавляет «скорее». И так во всем у их женской пол раболепствует и более, нежели у строгого господина рабу подлежало.

О выделывании кож

Выделывание кож обоих сих народов очень изрядно, тем наиболее, что мочи мало боятся, которая в мех хотя и попадает, но по высушке кожу не коробит, а только требует вымять ее руками. Оное докажут тобольские купцы, которые невыделанные остяками кожи мало так увозят, только тем недостаточно, что в подборании пушных мехов мало знают толку. Но какие бы ни были шкуры, выделывают одним образом: двумя обыкновенными у них инструментами, из которых один сделан как узкая коса, в длину дерева выставленная, по обоим концам дерева дырки, чрез кои продернута веревка, наперед привязывается к колу или надевается на ногу, а симой инструмент держит меж колен острием от себя, об которое последнюю мездру стирает, по сим же отделывают кожу наготово. А перво, когда к выделке еще приступают, то есть у их другая узенькая поскребалка, поперек в дерево вставленная, у коей концы выточены и загнуты оба в разные стороны, сим при первом случае соскребавают толстую мездру, а потом разжеванною икрою или варкою прыщут на кожу, чтоб отсырела, и после свернувши кладут на сутки, чтоб отмякла, а потом уже начнут вышеупомянутою поскребалкою скрести дочиста, напоследок тут же в чуму сушат и мнут руками.

Но сие разумеется про те, коих кожа толста, как лосина или оленина, а коих кожа тонкая, те выскребаются ножом, а по смочке икрой или варкою мнутс я они не на поскребалке, а руками, и поелику всякая кожа у их в чуму от начала даже до конца выделки вешается всегда в чуму, в котором всегда дым вверх бывает, а в погоду так и до полу, то и не дивно, что сии кожи, чрезвычайно напитавшись дымом, мало дождя боятся. Кроме варения мыла, сия работа у обоих народов общая, как у остяков, так и самоедцов, да и во всей оной главе нет у них разности между собою, но во всем сходны, чего ради о самоедцах и писать особливо не осталось, кроме того, что упомянуть, что каж-

дой из самоседцов сколько-нибудь имеет своих собственных оленей, сам пасет, и разве богатые скудных к себе на помощь будто б в работные принимают за чрезвычайным еже множеством оленей и притом коли у его детей взрослых нет, то таковых работников нанимает, ибо у их оленей бывает у скуднейшего от десяти, у богатого стадо до трех тысяч езжалых и ему самому каждой пошерстно известных, но кроме сих, уже за множеством неизвестное ему число пенаезженных оленей по тундре в стадах просто шатаются¹⁵.

Живут все зимой и летом в чумах на тундре, а изб никогда не имеют. Женщины равным образом жалки при их трудностях, как и другие, а что сии по степи каждый день в свой век переезжают, то уже выше изъяснено довольно, что их жития и экономии касается, то ни в чем не разнствуют, разве что самоедцы не имеют лабазов, где б класть свое зверёвое богатство¹⁶, то они за собою с места на место перевозить трудности не почитают.

Итак, экономия сих народов наиболее состоит как в содержании оленей, так и в разных промыслах, о которых я намерен упомянуть каждое в особливом месте пространнее, а теперь приступаю к краткому изъяснению их промыслов, от коих они питаются.

Глава VII

О их промыслах

С молодых еще лет малые ребята давно привыкают нести всякую трудность, как видно из грубого их жития, которое их ни мало ни в каком случае не приводит в сожаление. Верно можно сказать, что сей народ рожден к понесению трудов несносных, и, действительно, естли б они сызмала к тому не привыкали, то б отцам мало бы было надежды видеть сыновей больших себе помощников и к понесению трудов удивительных охотников. Лишь мальчик начнет мало иметь понятия, то мать или нянька не иным чем тепшит, как бряцанием лушной тетивы, а когда ходить начнет, уже отец ему и лук готовит. Я, в проезд мой чрез остяцкие юрты, мало видел таких ребят, кои бы в простое вечернее [время] между игрою без лука шатались, но обыкновенно или по деревьям или во что-нибудь по земле стре-

ляют. Там городят езы¹⁷ около своей юрты, там запоры, и кажется, будто бы их игрушки уже будущую жизнь предвещали. И совершенно естьли посмотреть на ез, чрез какую-нибудь реку сделанной, то нельзя видеть, чтоб когда-нибудь тут старики с важанами сидели, кроме малых ребят, а большие сами плавают по рекам или с неводами, или с кылданами и переметами, где уж малого, или не в силах, или не разумеет, посадить нельзя.

Во все лето остяки рыбу промысляют разными средствами и пекуда не отлучаются, которую на весь год как про себя, так и для собак запасают довольно. Запас их состоит в обыкновенной всем пище. Поземы, варка, порс, ютта, рыбы кости и проч., из которых последние запасают для корму собак. Но весь свой запас сырьем никогда не оставляют и чтоб не загнил, то оной или на ветру сушат или на огне поджаривают, как, например, поземы поджаренные едят во всю зиму, вместо хорошего кушанья с варкой, тем же гостей потчуют и все летнее время, когда остяк сыт, хотя и не столь к оному лаком, однако, напротив того, зимою и русские охотно вместо даров от их принимают. Летом же остяки потому сего зимнего запаса гнушаются, что видит сам себя уже довольна, и действительно каждой из их тогда как будто переменится, потому что русские беспрестанно тогда к им приезжают за рыбою, и вместо торгу или на вино, или на что иное меняют, того ради нередко и пьяны бывают, а при промыслах почти ежечасно едят сырую рыбу, еще лишь только из воды вытащенную, трепещущую с кровью трескают, отчего в тогданнее время едва с ним заговориться можно, ибо рыбой сырой дух, как из рота, так и от его самого принуждает в разговорах от его или стоять далее или совсем отворотиться.

В то же самое время семейные мужики отходят иногда в тундру за диким оленем вместо гулянки, но сие, правда, редко случается, а особливо естьли рыбы привал бывает хорошей, а по большей части все отходят за разным зверем осенью, по первому насту, гонят лосей и оленей, от коих промыслу осень также провождают без малейшей скуки, ибо когда убьют оленя или сохатого, тотчас пойдут вести от промышленников о множестве или недовольстве того зверя, однако хотя один зверь попадаетея промыс-

ленному, то он со всею роднею тотчас делает праздник. Разнявши его, в юртах едят перво внутренние его части: почки, легкое и тому подобное, сырые в теплую кровь обмакивая, потом остальное или варит или заваривает на зиму и в дыму закапчивает, дарит своим приятелям сию новость, и сам ест с великим удовольствием, не редко и при жертвоприношении, о чем показано будет ниже. В зимнее же время хотя рыбной промысел из-под льду и не оставляет, но о зверях тогда более думают, ибо рыбная ловля по большей части тогда бывает мордами, то сие осматривать могут и малые ребята, а большие и старики здоровые уходят иногда столь далеко в тундру на лыжах, что до самой глубокой зимы не возвращаются. По рекам промышляют соболем и белок, в чистых тундрах песцов и лисиц, и что ему попадется, но больших зверей тогда хотя и не упускает, но целого вести с собою тяжело, то, сняв с его кожу, мясо закапчивает в глубокой снег, за которым после на оленях приезжает.

Горестно сие кажется состояние приводит иногда в сожаление и в большее удивление, когда, начав смотреть на такого промышленника, на котором платье чуть трепещется, на голых ногах чажки с пимами, идет на лыжах по снегу в сильную погоду, тянет за собой с добычей или пустую с запасом парточку, ничего при себе не имеет, кроме кремня и огнива; лук, стрелы, табак курить и нюхать — суть настоящие его дорожные припасы, и без коих ему обойтись не можно, а особливо табак, на котором вся его лежит надежда. Однако никогда еще не слыхано, чтоб кто-нибудь из их замерзал и в сильные зимние морозы, разве познобит что на лице, то хотя и неудивительно, потому что ходят всегда лицом открытым, но и оное приключается разве тому, которой, вышед первой раз на промысел, морозу испужался и начал лице кутать, тем его и испортил. И хотя совершенно признаться можно, что такому дорожному, всегда на стуже и лишней одежды не имеющему сумнительно, чтоб огонь так много под деревом сидящему остику мог подать помощи, и хотя они все случай изыскивают к разгорячению своей крови, много курят в себя табаку, много нюхают и после ноздри отлепом затыкают, но при всей свирепости тамошнего климата сие всяк сочтет за маловажное, а верно

сказать могу, что они в самой крови имеют большую особенность, как сырое и притом парное, зимою мерзлое, в довольствии хотя каждой час употребляемое вместо лакомства, кушанье докажет, а притом ихние труды и суета наибольшим тому служат средством, как выше показано, что и самые богачи лености вовсе не ненавидят.

Всегдашнее упражнение делает их во всем проворными, но крови в них, за верное полагаю, немногое количество, так что ни сухость тела в крепком сложении, ни бессилие, но скрытые силы тому свидетели, и редкие в их век болезни, кроме подагры, с цынгой смешанной, и расслабления от прелестной охотки — ясные суть доказательства. Мне самому случилось пробовать их пульсы, которые под рукою столь сильно бились, что ахъли б положить на напрягшуюся жилу нечувствительную тяжесть хлопчатой бумаги, то б легко то глазом приметить можно было, несмотря на то, сколь их кожа в самом существе толстая и жесткая.

И хотя оне нимало не стараются о применении своего гнусного жития и беспокойствия, однако самую натурою в здравии больше пребывают, нежели российские служивые.

При таковых зимних и летних упражнениях обские сии идолопоклонники не думают много о большем запасе, но сколько ему в год изловить чего удастся, на большее не негодует, ибо знает, что ему в голодное время не привыкать есть всякого зверя, не выключая и падины, а когда им и случится оное, то он не почитает впредь наукою, чтоб лучше исправлялся, но думает, что в его жизни это в последний раз случилось, несмотря на то, что у русских много задолжает, а платить чем, на будущее уповает. Правда, им всегда удастся заплатить долг чисто, ежели только ему хочется, потому что рыбы летом так много промышляют, что больших налимов около юрт валяются ужасные кучи, на которых сытые собаки и не смотрят, но гниет сия рыба около юрт, видно, для одного им приятного благоволия.

С начала первой весны прилетает туда великое множество разной птицы, которую они днем и ночью промышляют кысканами и перенесами, из коих в щастливой год хорошей промышленности одних уток тысяч до двух напромышляет, выключая других гусей и лебедей и проч. Однако всю оную отдает русским или за долг или на муку меняет.

Итак, видя таковое довольство той страны, возможно ли подумать, чтоб остяк когда был голоден, но ветреное их состояние не допускает до того, чтоб он когда-нибудь о жизни своем подумал или чтоб установил такой порядок своей экономии, которая есть совсем прерывна.

Самоседы, на голых тундрах живущие, как хищные звери, дивно уже ни о чем не думают, как только о своих промыслах зверевых, коих там более находится, нежели рыбы, ибо, переезжая с места на место, или диких оленей ловят и стреляют, или где кляшцы¹⁸ для песцов наставляивает, или около речек некогда и рыбу промысливает, а в летнее время и левную птицу или неводами, или с собакой промысливают, которое все служит ему пищею без запасаения на дальнейшее время, но на сколько дней ему с фамилиею достанет, без скупости довольствуется, ибо ему кажется, что надежда его не обманет, да и правда, что каждодневные разъезды не оголаживают и тех, кои на пустом месте около самого океанского берегу случатся, потому что всегда на берегу находит какую-нибудь падину, из моря выкинутую, а притом находят и белых медведей, и прочих зверей, коих никогда бить не оставляют. Самые богатые самоседы некогда стоят на одном месте и считают за спокойствие, что несколько времени проведет в рыбных промыслах, а стада оленей и зверевые промыслы поручит сыновьям, в довольное же зверями время не только сам выходит, но и баб и малых ребят песцов из нор выкапывать заставляет, о чем ниже показано будет.

Впрочем, и сие упомянуть здесь не пристойно, что все богатые у их люди, чем богаче, тем скупее, так что хоть у народа и в особливом почтении находится, однако стороннему человеку никоим образом такого узнать нельзя, ибо вся его гнусная позитурa и презренная важность доказывают его недостойным такого богатства и чести, которое иногда состоит из бесчисленного множества оленей.

Вся их экономия более зависит от оленного скота, и хотя при таком он довольстве и чрезмерно скуп сам с собою и прочими поступает, не жалуется на свое изобилие, а что гнусно ходит и живет, тем веселит сам себя.

Глава VIII

О пище и питии

Уже сил моих недостает к уверению читателя порочить вовсе гнусное сих диких народов состояние, которое не в одном их житии состоит, но и в самой пище, от которой вся жизнь человеческая зависит; мне нельзя того изобразить довольно, здорова ли им употребляемая, обыкновенная их пища, или последовать той пословице, что «привычка рождает новую натуру». Привычка хотя и сделала их совсем особливым людей родом, однако редкие между ними болезни доказывают, что ихняя пища им здорова, разве сия грубость другими самой природы предохранительными средствами награждается, как то всегдашнее упражнение, труды, разные движения и притом всегдашней открытой воздух, их ни к каким здравия переменам не допускает.

Всю их пищу можно видеть из нижеследующего описания, которая сколь ни груба, однако не только у остяков и самоседцов, но и у дорожных русских в знатном употреблении. Состоит по большей части из рыбы, которая на разные манеры приготавливается и разные от того имьяна получает, во-первых: поземы делаются из боков рыбных, не захватывая брюшка и спинки, срезаются кожи с телом без костей, кои после рассекаются поперег на рубешки и потом на шестах вывешивают и сушат, а когда высохнут, то поджаривают на огне, чтоб не сгнили и не заплесневали, и, наконец, связывают в связки, называемые беремя, в каких до двадцати десятков поземов обыкновенно бывает. Сие есть то же самое, что камчадалы и по реке Енисею называют юколою. Брюшка же и спинки рыбы, в коих больше жиру имеется, по отделении от костей немного на ветру подсушивают и притом, чтоб призакисло, потом прячут в котлах, размешивая лопаткой, покудова закраснеет, и как испржится, то простудя складывают в берестяные лукошка или оленья брюшины¹⁰, и сие называется варка.

Делают также поземы и из мелких рыбок таким же образом, как и первые, но их толкут в нарочно сошптые из осетровых кож кули, что и называется ютта.

Порсу делают из чебаков и мелких сорог, коих распластывают совсем на-двое и высуша толкут с костями так

мелко, как муку. От первых же припасов кости равным образом не без употребления остаются, но их также сушат и зажаривают, как и позымы, для себя и для собак.

Из прочих же внутренних частей рыбных, как из кишек всякой белой рыбы, варят остяки жир таким образом: перво, вынув из рыбы все черева, кладут в котел, водою наполненный, которой вспокрытой стоит у них в чуму до тех пор, пока кишки протухнув жир из себя выпустят, которой поверх воды и плавает, а кишки на дне остаются, после снимают на воде плавающей жир ксулем или мелким уполовником и кладут в другой котел, потом варят на огне до тех пор, пока начнет хлопать и стрелять, что значит поспело. Около Тобольска так хорошо жир варить не умеют от незнания времени, когда ему поспеть надо, потому всегда бывает горек.

Из красной же рыбы везигу хотя и достают, однако варят редко, которая также стрельбою своею поспелою узнается, но по большей части едят сырую, не касаясь до ее ножом, иначе худой промысел той рыбы по своему суеверию заключают. Головной хрящ не за последнее кушанье у их почитается, варят его и сырой едят, только при всяком разнимании прямо ножом по голове не разрезают, но накось; иначе несчастливой промысел заключают.

Клей из осетров варят карлуками в котле до тех пор, пока всплывает наверх, а после горячей в холодной воде закаливают, оной уже совсем за готовой почитается и им все легкое клеить можно; но другой есть такой, которой по вынятию распыливают и на ветру сушат и которой, в случае надобности, еще варить должно.

Напротив того, самоедцы, кроме сего клею, еще делают из рогов оленьих, кои растолча кладут в котел и наливают воды не полон, которой кипит до тех пор, что останется только одна гуща, на которую еще наливают, что выкипело, и так до трех и четырех раз варят так, что останется на дне один густой кисель, наподобие крахмалу, коим и клеят по сказкам еще крепче, нежели осетровым клеем.

Во время недостатка прочих клеев варят также и из оленьей крови, которая, кипев долгое время, загустеет.

Теперь осталось выяснить, из каких рыб позымы и варка бывают, то всякая крупная белая рыба на позымы и вар-

ку употребляются, но самые лучшие из муксунов бывают. Поземы часто едят одни охотно, но для гостей вместе с варкою поставляют, потому что первые сухие — вместо хлеба, последняя же, жирная, вместо масла употребляется, а в случае недостатка в позовах и котта случается. Порсу едят просто сухую. Горячего употребляют мало, а рыбу свежую варят иногда летом и зимою, и то для приезжих, где остатки уже достаются хозяевам, между тем не редко они употребляют бурдук, которой состоит из одной воды, к коей прикладывают для навары варки немного или костей рыбьих, и как начнет кипеть, то подмешивают муки и хлебают большими ложками, или по-тамошнему кеулями.

Напротив того, большее их употребление сырой рыбы едва позволяет лишние изготавлять кушанья, да и правда, что их состояние не требует учиться ни варить, ни стряпать, ибо летом и зимою, коли есть рыба, то едят с удивительною жадностью, летом трепещущую, обрезаая до костей большими ремнями, обмачивая в кровь, взяв один конец в зубы, а ножом из-под низу отрезавают наотмашь подле губ самых, зимою ж мерзлую стружат ломтями и так трескают с великим аппетитом. А когда им рыбы сварить случится, то оную откладывают на особливой лоток, где, разведши немного рассолу, берут руками и, обмочив кусок с рукою в рассол, ест и облизывает пальцы, и сие можно почесть у их за каждодневное умывание, потому что в горячем рассоле грязь от рук скорей отспревает, и он языком обтирает.

Уху же хлебают теми большими кеулями или уполовниками, столь крепко прижимая зубами, что такие толстые ложки едва им достают на год, ибо каждой ложку свою так скоблет, что от употребления у новой через неделю морщины появляются.

Когда бьют оленей, то ни одна часть сего зверя даром не пропадает, ибо самые рога, весною мохнатые, у оленя отбивают и, ободрав с их кожу, опалив на огне шерсть, едят сырую вместо студени. Кости ножные разламывают тут же, и мозг теплой достают с приятностию. Напротив того, и на прочих костях самой тонкой перепонки не оставляют, голову же никогда не варят, а всегда мозг сырой едят²⁰. Прочие части мясные варят в котлах, и хотя из одного котла нали-

вают в ночовки, однако все не едят вместе, а каждая семья на особливой, и притом жена с мужем никогда вместе есть не смеет, а всегда после что останется.

Кроме сего, едят также охотно и всякого зверя, не выключая падину зверёву и птичью, не только свежую, но в голодное время и у червей отнимают. Медведей, волков²¹, лисиц, песцов, белок и проч. никогда не отметають, почему совершенно их можно почесть жадными, ибо и самые богатые, у коих есть что есть, однако сию редкую диковинку вместо лакомства употребляют.

Питья иного, кроме воды, не знают, но удивления достойно, что оне, разъезжая по тундрам, пьют всякую, где б какая не случилась, воду без брезгливости и без всякой в здравии перемены.

Но часто случается и то, что оне, стоя зимою на безводных местах для оленного корму, тают снег для питья и пищи, которой, однако, с равною же пользою употребляют.

Глава IX

О их болезнях

Сне, общее у обоих народов, пищи употребление, уже более мне не позволяет касаться ихним разностям, но какие б от таковой пищи болезни происходили, можно верить, что молодые у их люди никогда почти не немогут, а разве под старость приключается расслабление во всем теле, то можно почесть от лишних его в молодости трудов, а не от пищи и потому кажется, что в сем случае каждой остяк избегает болезни; в противном случае, от малой немощи, еслии он оставит труды и телодвижение и дастся постели, то нантягчайшие приключаются припадки, которые обыкновенно по гроб их вгоняют. Я не слыхивал, чтоб между сими народами кто умер без долговременной немощи, а о скоропостижной смерти, которая больше между березовскими жителями бывает, и не ведают. Обыкновенные у их болезни всем известны: в молодых детях оспа с горячкою, которая хотя и редко случается, однако когда попадает к ним в юрты, то по неосторожности редко и старики от оной освобождаются, но многие есть такие, которые до смерти сей болезни не знают. Лихорадке, равным образом, более

малые ребята подвержены, нежели пожилые. Старикам и ленивцам досталось расслабление, коей сопричастны подагра и цынготная. Напротив того, и французская болезнь им нередко бывает знакома и хотя ото всех болезней они никаких средств к излечению не ведают и не изыскивают, однако те, кои сею последнею щегольскою любуются, по довольном уже страдании надыхают спокойно с тем больше удивлением, что от их к другим она не переходит, хотя и без всякой осторожности с такими здоровые поступают.

Впрочем, и все болезни или, прервав жизнь болящего, оканчиваются или сами собою отстают. Сему можно поверить, что остяки и самоедцы, презирающие мысли болезненные, более спасаются, нежели русские, которые о всякой болезни с опасностью много думать привыкли.

Одно у их есть мучительное лекарство или от лому или от некоторой напухлой инфламации — прижигать болящее место чагою или березовою накипью, которую, зажегши, кладут на здоровое тело (по-остяцки называется вошь). Она везде там кладется, пережженная в золу, в табак для крепости, но через то табак получает дух не очень приятной, но поелику начало или корень, как сказать, той болезни горящею чагою не скоро найти можно, то иные изыскивают таким образом: кладут оной уголь на больное место и если жжет, то не в том месте и начало, от которого болезнь происходит. Таким образом перекладывают с места на место до тех пор, покуда найдут, где телу жару сильного не будет слышно, тут оставляют уголь на теле долгое время и, хотя ему чувствительно, однако, терпит, а чага горит на том месте до тех пор, покуда прожжет кожу и догорев до здорового мяса, отпрыгнет, тогда больной получает здравие.

Напоследок во всяких опасных случаях от обжорства чилибухою нечаянчай или и от случайного запору пьют жир рыбей ковшами, отчего у их служит в оба конца вместо рвотного и проносного.

Но сие лекарство более бывает между русскими березовскими жителями, где лекаря совсем нету, в прочих же болезнях остяки слушают наставления также и от русских баб, которые сами на утре не помнят, что вчера предписывали.

Глава X

О их законе

Закон у всякого народа свой есть, но между всеми прочими, разным образом дикими народами, более имеется порядку, нежели заблуждения, какое между сими беспутными осятками и самоедью происходит, ибо, еслили можно сказать, то у всякого человека почти свой закон в его чуму особенливой. Заблуждению их и незаконству довольно надвинуться нельзя, хотя они и по примеру предков своих поступают, однако не искореняется глупость прежних установлений, но умножается дурачество; сие в пример представить можно без всякой опасности, что предки их от идолопоклонников ли произошли или от каких чуждых народов, разные веры имеющих, неведомо. Но идолопоклонники в своей вере всегда порядок имеют непрерывной, а сии, хотя и таким же столбам поклоняются и бесчувственным вещам, однако, вдобавок пущего их заблуждения кланяются и тому, что у их было прежде во употреблении, чего прежде гнушались, тому напоследок умильные отдают почтения. Просто сказать, что у их закону нету, а имеют только остатки идолопоклонства, которые напоследок и вовсе искоренятся. Почитают и хвалят заблудшее о столбовых своих богах разсуждение. Греху и добродетели, не знаю, что б они приписывали. Идолу своему, инно мало-мало человеку подобному, инно и совсем не сообразующему, кланяются, почитают и в случае нужды просят его со умилением. Хорошо, коли так делается, еслили же не по вкусу просящего, то чем бедной болван провинился пред хозяином, что стоял в углу, молчал, смотрел и смеялся его дурачеству, чрез что получил себе наказание, что он его рубит, бьет, увечит и всячески мучит за то, что не подал ему помощи.

Часто такие вещи, которые оне у русских не дешевою ценою покупают, как коробки, ящики, ножи и прочие мелочи, имеют быть в числе богов ихних. Я сам знаю, что коробка, железом обложенная, которая несколько лет была в держке у хозяина, та ему крепостью своею полюбилась, и он ее обоготворил за то: обвесил ее разными доскутками, перепоясал многими поясами, снабдил многими кольцами, перстнями и разными снарядами украсил, поставя в пере-

дний угол, содержит в божеском почтении²². Щастлив тот столяр, который коробкою своею бога сделал. Щастлив и продавец, что продажею угодил шайтану, взяв хорошие за то деньги.

Иначе поклоняются горам, конх или ужасаются или какую отменность видят от прочих, таким отдают почтение из луков стрельбою в какое-нибудь, также особливое, дерево, равным образом и деревьям также служат. Однако явнее богослужение приказывает им иметь каких-нибудь болванов, конх они делают не только в образ богов, но и после умерших неважных ворожеев или богатых, или какими особливými делами прославившихся, поставляют в знак памяти и просят каждого о том же, в чем его ходатаем почитают, и таковых они полагают себе за заступников.

В каждом чуму имеется рукотворенной бог в образ человека, маленькой, сделанной инде коробка, инде палочка или дубинка, а инде и кляпышек или клин деревянной. Всех их богов описывать много да и притом же они имени не имеют, так и нужды в том мало.

Домашней бог, или болван, имеет большую себе почесть, ибо стоит в переднем углу, пред собою имеет ящик, куда обещанные ему кладут подарки; каждой день от кушанья помазываются его губы, а между прочим имеет при себе большой рог с табаком, чтоб нюхал и отлеп (таловые мягкие стружки), чтоб затыкал ноздри и утирался. Оной табак, какал бы нужда ни приспела, хозяин не смеет взять, ниже напойки, боясь, чтоб не раздражить своего заступника. Русские, приехав к им в чум, часто делают, что у шайтана, высыпав почью, когда все спят, табак, тихонько оставляют рог пустой, что служит у их поутру к немалому в суеверии подкреплению и удивлению, как, дескать, шайтан нынешнюю ночью так много табаку вынюхал, — конечно, куда-нибудь за промыслом отлучался.

Все в чуму, не выключая баб и девок, каждой имеет своего собственного болвана, а иногда два и три, конх каждодневно, по обычаю своему, тешат.

Впрочем, хотя они никаких священных чинов и не имеют и праздников не знают, но при всяком жертвоприношении служат только шаманы или ворожеи, которые хитростью своею глупой сей народ обманывают; они, по боль-

шей части, и уставщики их веры и закона, другие — богатые люди, ибо во всяких случаях, что один начнет делать из ихних почтенных, то и все прочие ему последуют.

Божков своих происшествие полагают от предков и, хотя их обожают, однако власти над светом никакой не приписывают, а изображают одного vyšшего над оными таким же болваном, как и прочие.

Почитаемый во всем роде остячком бог и славной из всех идол установлен в Воксарковых юртах, около семидесяти верст ниже Обдорска. Стоит в лесу, куда от русских и дорога скрыта, опасаясь, чтоб не обокрали, тут ему наибольшее почтение и жертвоприношение бывает ото всех, некогда и нарочно приезжающих. Имеются два болвана в образ человека: один мущина, другой женщина, сколько возможно, по остяцкому обыкновению, великолепно убраны со всем остяцким одеянием. Стоят в лесу, в маленьких, нарочно сделанных теремках, одеты в суконные малицы, всякими литыми оловянными, медными, железными фигурками снабженные, в пимах, и на голове венцы серебряные, вокруг их наложено довольно всяких домовых вещей, как чашек, ложек, ножей, рог с табаком безотлучно бывает и прочее.

Примечено, что мущины мужскому болвану, а женщины женскому кланяются, служат и всеми силами равным образом украшают, и в особенное время жертву без мужского полу приносят, где также и служит ворожейка, а не мущина. Вокруг их развешены на лесинах оленьи постели, которые после жертвоприношения ему в подарок на деревьях оставляют; дерево же, к которому болван приставлен, обвешивают разными сукнами, китайками и другими материями, а наверху обвивают жостью и привязывают маленькой колокольчик, которой во время ветру позванивает, по лесине же развешены инде небольшие лука со стрелами и прочее.

Сие болваново место остяки несказанно берегут, чтоб проезжие как бы не покрали, ибо прежде у них бывало, и во многих местах такие богатые идолы по лесам расставленные, и многими богатыми вещами одаренные, бывали и деревья стоящие, равным образом обогащенные, и в лесу оставляемые, но узнав, что русские до таких вещей, на-

прасно тлеющих, лакомы, то ныне делают иначе. Из того дерева делают большой чурбан, которой нарядают хорошими сукнами и однорядками, снабдят всякою посудой и так привозят на то место и по принесении жертвы опять увозят обратно.

Болваны, после умерших, не неизвестных и своим роде стариков, имеют также себе почтение, ибо где он жил, сыновья его сажают вместе обедать, откладывают ему особливо и просят, чтоб покушал. Сие продолжается чрез целый год. Напротив того, и жена, еслили мужа любила, а он умер, то сделает себе в знак памяти болвана, потчует его и всячески довольствует, и с собою на постелю спать кладет, но сие показано будет ниже.

Напротив того, все места, кои в лесу богам отведены, как дачи, или по протокам, или урочищам и горам, в таком святом у их почтении пребывают, что не только ничего не берут, но и травки сорвать не смеют, ибо, по их мнению, надо неотменно того шайтана озлобить, если чему-нибудь в его дачах коснуться, чего ради ниже деревья рубят, ниже из реки воды против того места пьют по тех пор, пока пределы его границ проедут с такою осторожностью, чтоб и близко под берег не подъехать и вешлом до земли не коснуться. Оное столь кренко наблюдают, что как бы ни захотел пить и что ему ни сули, однако пить не будет. Часто бывает, еслили у шайтана пределы проезжать далеко, то запасают с собою воду, и как бы его пужда ни приспичела, однако не выйдет на берег, разве проплыв шайтанские границы.

Все места, где такие славные шаманства производились, долго между потомками еще почитаются, но разве уже совсем знаки того места уничтожатся, нередко у их и места также переменяются при жизни еще славного тадыба, что бывает по некоторым особливым примечаниям, ибо случается, что в некоторых хороших местах увидят много птиц и зверей, такое почитают богам приятным, напротив того, еслили увидят орла, несколько лет на одном дереве гнездо вьющего, такое дерево, равным образом и место, своим шайтанам посвящают, а орла так берегут, что за великую себе обиду почитают, еслили узнают, кто отважился разорить гнездо его.

Часто бывает, что весь остяцкой народ в великой страх и печаль предается, а особливо тогда, когда какой-нибудь

полномочной проседет и против их установлений что-нибудь сделает, тогда они долгое время будто бы вне себя ходят, не зная, как умиловить своих шайтанов, ибо они все единодушно думают, что русской от их оплошности узнал о их законе и то сделал, то неотменно и полагают, что какое-нибудь отмщение от богов им воспоследует. Сие натурально рассудить можно, что и просвещенные люди от многой думы довольной вред себе получают, а сии в то время так боятся, что истинно ни о чем не мыслят, как только опасность себе представляют, а особливо их богомерзкие шаманы в тогдешнее время то и дело им сны свои толкуют. Иногда жертву приносить и шаманить советуют, иногда разные происки изыскивают к их большому утеснению думы, ведая, что ему за каждое жертвоприношение и шаманство каждой должен платить по возможности, и знает, что ему последний из остатков не даст меньше одного оленя.

Таким образом, в таковое время немалая погибель бывает оленям и немалая корысть помянутым обманщикам случается, ибо богатой, будучи со всех сторон такими плутами уверен, уже вдался в печаль большую, чего ради не рад уже становится всему своему имению, не жалеет целого стада оленей поставить пред шайтана на разные мучительные кары, не жалеет поднести наилучших зверей своему шайтану на умиловление, не щадит себя, также и дарит ворожея, желая от его выслушать доброго предвестия, однако по тех пор желаемого не получает, покудова не исполнится шаманская ненасытная утроба.

Глава XI

О их тадыбах, или шаманах

Теперь приступаю я к их шаманам, или ворожеям, посамоедски — тадыбам, кои у остатков в такой тайности содержатся, что хотя и спросишь у его про шамана, но он не только имени его не скажет, но и от искусства его отпирается. Сии обманщики хитростью своею заслуживают у их некоторое почтение, а каким образом они в шаманы производятся, того совершенно сказать не умею, слыхал только, будто бы от частого толкования снов они признаются от народа, однако сего недовольно, ибо без какой-нибудь на-

уки от прежних ворожеев и без употребления бубна не может он к такому страшному по их делу приступить на первой случай и предсказаниями своими ответствовать на вопрос при шаманстве стоящего народа, но должно думать, что отец или мать, не хотя открыть своих обманов пред глупым народом, обучают сыновей своих, утверждая их в истинную; однако мы хотя и почитаем их невежество обманом, но они, верно, не от хитрости, но от заблуждения это делают и сами тому ж не верят. Они ни малой отмены ни в житии, ни в поведении, ни в чем не имеют и не разиствуют от простого остяка, а только что титул носят шамана, которой все народы издревле почитают. Напротив того, все шаманы одними только мнениями отличны, потому что всегда на лице своем носят удивительную важность, чрезвычайно много думают обо всем, почему и кажутся они будто холерики; обо всем толкуют с великим уважением и, напротив того, сие знак вящего его достоинства — бешенство и пугливость, которыми они так одарены, что нельзя думать, чтоб сие была правда. Я не знаю, чему это между ними приписать надо: слабости ли их состояния, или легковерию, или вовсе глупости. Правда, за лучшее признаю приписать оное к роду болезни, но тем невероятно кажется, что вдруг в здоровом человеке сделается такая перемена, которая нередко до худых следствий доводит; и хотя весь народ, как видно, от природы пуглив, но сии шаманы уже неудоверимо пугаются самой маленькой безделки, а особливо тогда, когда его рассердишь, тогда он несказанно бесится, скачет, валяется, ухает, бьет и что б ему в руки не попало, всем готов уязвить предстоящего. Самое начало их пугливости, когда дразнить начинают. Свист лишь только услышит, тотчас из лица выступит, побледнеет и начнет мешаться; потом, естли на его дунешь, тоже последует, а после, ежели ему хотя чурку покажешь, то ему неведомо чем покажется, которой он со всяким поспешением убегает, обороняется и всячески страшится. Я знаю одну бабу, которая не бесславная колдовка, и во многом правду угадывает, только у их не шаманит за старостию. Она столь пуглива, что не только дальнего свисту, но и ветру, в щель со свистом дующего, боится. Сие, неотменно должно почтеть, происходит от отягощенных их разными мнительными иде-

ями голов, которые иначе были бы пусты, естли бы разными страшилищами не были наполнены.

Ворожит она, смотря на огонь, на воздух, на солнце и прочее, но каким образом, того ниже самым цельным вином и спросить не можно. Другого видел я на р. Енисее самоедина молодого, в Селякине зимовье, которой больше показал страсти своего помещательства, ибо когда ему покажут палец, то он боится, представляя, будто бы его падкой бить хотят. Сие из того разуметь можно было, что он хватается за его обеими руками и после сам укрывался, потом по долговременном чрез толмача уговоре, чтоб ничего не боялся, надел я на его руку черную замшеную перчатку и сам уговаривал. Он перво смотрел на ее пристально, а потом так забесился, что естли б подле лежащей топор попался ему в руки, то б верно не спастись бы нам было: он ревел из всего горла, бросался во все стороны, искал, чем бы оборониться, трясет всею рукою, чтоб сама перчатка свалилась, а другою рукою и прикоснуться не смеет, представляя себе, что это не моя рука, а медвежья лапа, чего ради с страхом принуждены его схватить и перчатку сдернуть, тогда он мало-помалу образумелся²³.

Таким образом, весь оной род людей по своему маломунию так пужлив, что в сем одном имеет немалую отличность от прочих диких народов, однако простые, еще несколько отважнее, кроме богатых и пужливейших шаманов. Русские, а особливо незнающие в шутках от своей братьи, подбиваются испужать какого остяка или самоедина, нередко такую веселость с большим уроном терпят, так что естли не успеют разбежаться или его схватить, многие от его ножа горестно погибают. Напротив того, и испужавшемуся, естли противники не попались, то он, тайно, с злобою взошед в юрту, позабыв своих сродников, отца, мать, жещу или кто попался, всех бьет или колет, ежели в скорости не схватают. В таком случае, коли схватают, образумлевают его опять палениною, то есть тотчас отрежут лоскут от оленьей постели с шерстью зажгут и дадут ему понюхать, тем он здрав становится.

Равным образом их шаманства происходят с великим бешенством, скачкою, ломанием и со всем кажется мучительным образом.

Оные их шаманства бывают более от видения снов особливых, когда ворожей во сне видит что-нибудь страшное или удивительное, тогда созовет соседей из ближних юрт на предсказание, или и из простых также кто что увидит во сне, то и спрашивает своего шамана. Таковым вопрошающим волхования отправляют таким образом: ворожей или волхв связавшись бросается на землю и делает разные своей харей чудобразия, ломается и, при великом в чуму огне, коверкается с плачевным разговором и ожидает пришествия дьявола, которой будто бы на вопросы от его отвечает о предбудущем и будто показывает ему место, где лучшей зверей промысел будет, также и во враждебных делах подает способы к избежанию напастей, а между тем ожидающие нетерпеливо ответов стоят с непрестанным криком, стуком в котлы и в доски и прочим шумом около его, до тех пор, пока над им синей туман или дым явится и обстоящих разгонит (но он действительно и без того весь в дыму стоит, потому что, где он ломается, тут во все время огонь дымом курится), а шаман, подымаясь, то и дело бросается во все стороны будто угорелой, через что они больше часа без памяти и без чувства бывают, а очнувшись, вопрошающим держат хитрые ответы, что только вздумает, то и бредит, рассказывает им все, как он видел дьявола и что с ним происходило, и совершенно, что его пустая голова и в спокойствии мало о добром помышляет, а в таких беспокойствах может быть какими мечтаниями и заражается, но сие всякой благоразумной человек рассудить может, что сущей обман и самое заблуждение и что оные плуты шаманы для бездельного приобретения сами себя ломают и мечутся так, что после ослабнет и приходит в беспамятство, но чтобы дьявол мог ему что-нибудь сказать о предбудущем, не токмо закону христианскому, но и разуму человеческому противно, так никто не токмо верит, да и за истину поставлять не может; только то подлинно, что оные шаманы, как хитрые и догадливые люди и в обстоятельствах дела о многом догадаться и некоторые следствия предсказать могут одними только догадками, но опасаясь, чтоб оне в враньях не остались, то ответы свои сказывают так, что из их надобно только заключать, а если что не точно сделается, то они свои слова толкуют в иную сторону и бедных людей верить заставляют.

Я в мою езду между простыми остяками и самоедцами никого не находил столь любопытных, столь к вопросам прилежащих, как сих шаманов, которые обо всем выспрашивали меня, что до их, кажется, и не касалось, а сами о своем ничего не рассказывают, а хотя что и скажет, да и то нехотя, а от больших вопросов всячески убегает.

Самоедское тадыбство не имеет узаконенного времени, когда б оному праздновать надлежало, но оне, согласясь, как надумают, так и позовут своего шамана. Уже небезизвестно, что помянутым шаманам каждой день снится, по которым снам они и толкуют, как ему захочется. Иногда же и один, кто надумает, зовет, один за посещение и отдаривает, а сестры все звали, то все и дарят по возможности. И так званой такой тадыб, или ворожей, приходит в чум богатого самоеднина в обыкновенном самоедском платье, гусе и малице, а между тем с собой приносит бубен и платье, которое он в действии надевает, садится, пришед, посередине чума на одной стороне. Между тем, знающие будущую ворожбу, смотреть кто хочет, сходятся вокруг его по обеим сторонам чума, в то самое время раскладывают в чуму большой огонь и сушат бубен, чтоб был звончае, а он, между прочим, одевается в платье суконное или ровдужное, к ко-му вокруг пришиты разные лоскутки суконные или кожаные, к рукавам и на спине привешаны железные цепи, чтоб был гром, когда он ломаться будет, и так, когда он оденется, то все самоедцы, кои тут есть, закричат сильно в один голос с протяжкою: «Гой!» — а потом долгое время перекликаются между собою порознь: «Гой!.. Гой!.. Гой!.. Гой!.. Гой!..». Тогда ворожей, сидя на своем месте, перво озирается диким образом, поглядывая на все стороны, поводит глазами, вверх и вниз смотрит, потом берет бубен в руки и перво колотит тихо, сделанною нарочно к тому палкою, оббитою оленьей лапой, или по тамошнему кысом, сидя на том же месте, где сидел и прежде, потом колотит шибчае, а напоследок изо всей силы и, вскоча с своего места, скачет по чуму и ломается, брося бубен в сторону, долгое время так бесится, при большом огне, в дыму, отчего такая в нем сделается перемена, что иной обессилевши падает на землю и так рассказывает, пав то, что ему во сне снилось, и что он на того заключает к уверению председавших.

Другие же есть такие, которые в таких случаях делают невероятные действия, и хотя совсем непонятные человеческому разуму, однако же, уверясь словам и самых самоедцов, и русских людей, кои некогда слышали и видали, осмеливаюсь предложить не к возмущению гисторию, но к слову слышанное, неудобовверимое и совсем непонятное дело, но во всей тамошней стране за правду полагаемое и несомнительное: среди самого шаманства и шаманов бенешства, некоторые только из шаманов просят нож, коим колются сами или другому дают себя колоть, которой немалой величины, впусая по самой черен, вытаскивает без всякого кровавого аяну на нож. Знаю я сам, что шаманы в то время не толсто одеваются, но каким образом избегает ножевой язвы, держа нож против самого брюха, очень сомнительно. Другие ж*, перевязав шею веревкой, концы дают двум посторонним человекам, чтобы тянули изо всей силы и голову б оттерли, которая по сказкам самоедцов и отвалится в котел, нарочно подставленной, но по прошествии несколько времени тадыб здрав встает и с головою²⁴. Невозможное дело.

Правда, хотя сие без знания обмана кажется и невозможно, но должно почесть, что неотменно в сем деле есть какое-нибудь их искусство или и сущей глупым зрителям обман. Недаром все оные шаманы тайся русских людей, чтоб не усмотрели их хитрости. Правда, что сие и не все шаманы представляют, но я слышал про многих и ведаю, что у меня в провожатых от Обдорска до Северного окиана такой самоедской шаман был, который всему етому был искусен, но прочими самоедцами так утасп был, что по отпуск его не мог ни от кого наведаться, кроме сторонних, про его искусство, однако хотя б и во время его у меня бытия спознал про его шаманство, но прочие б все о незнании свои головы за его положить поручились.

Но мы возвратимся к прежнему своему делу о продолжении их шаманства. Когда он, очнувшись, поет при вели-

* В числе провожатых чрез тундру до Северного окиана я имел такого тадыба, который сему был искусен, и хотя я знал, что они ружиком таких фокусов не открывают, однако и он, спознав, что я единственно за таким делом послан, поспешней от меня отпросился назад, а я, не зная про его искусство, отпустил обратно. Он назывался Ломб.

ком жару, в дыму, испущая страшной из себя пот, то другой, подле его сидящий, повторяя его речи, подпевает тут же, и так далее продолжается без всякого особого окончания. Но когда петь перестанет, то все по своим чумам расходятся, подаря своего тадыба по возможности. Из говоренных речей всяк свое мнение в заключение будущего предлагает.

Сие у их употребляется во всяком особливом случае, но богослужение их, хотя и соответствует разным образом безумию, однако производится иным образом, но нередко и с шаманством.

При жертвоприношении употребляют оне все, что им мило, то своему болвану и посвящают, иногда живые рыбы приносят и, положив пред мнимым своим богом на землю, кланяются (подобным образом, как приходит и к воеводам) и просят о неоставлении, а потом, тут же сваря, сами съедят, а ему жиром помажут губы, либо дадут ему в подарок какую-нибудь новую завеску, косю его обернут.

Другие приводят оленей и, поставя живого пред болвана, свяжут ему ноги. Тогда жрец или шаман кричит во всю голову, объявляя желание жертву приносящего, а прочие поют. Между тем, один, зашед наперед, натянув лук со стрелою, держит напротив зверя до тех пор, пока жрец не даст ему знать ударом палкою в голову того зверя, а третьей рогатиной уткнет в брюхо, и когда убьют, то, взявши за хвост, обтащат три раза около того болвана, коему олень в жертву приносится. После того, выжав кровь из оленьего сердца в особливую посуду, кропят свои шалаша, а остатками мажут губы своему болвану. Кожу оного зверя с головою, ногами и хвостом для украшения повесят на дерево, подле божка стоящее, а мясо, тут же сваря, съедят с великою радостью и непрестанным пением дьявольских* песен. Напоследок опять от вареного кушанья жиром болвановы губы помажут, а что не съедят, то возьмут домой и раздадут по часточке своим приятелям и потчивают жен, от коего жертвоприношения иногда и домашней болван остальным жиром губы свои улучит помазать. По окончании обеда все начнут махать

* Песен никаких они не имеют, а кому что на ум пришло, то и лепечет²³.

палками и кричать во все горло, что кому на ум взойшло, а сие значит провожание того божинька, где и кланяются ему вслед и благодарят, что благоволит к им на обед пожаловать.

При таких провожаниях делают оне разные действия: инде стреляют по три стрелы каждой, инно далее пение свое продолжают, но зачинщики всего — их шаманы и богатые люди, ибо что он только начнет делать, то и все подхватят.

Славное когда бывает у их жертвоприношение при многолюдном отовсюду съехавшихся собрании, тогда удивительное и жалостное бывает скотское падение, ибо при такой их ревности к болвану один другого превзойти старается, желая пред всеми доказать свою усердность к проклятому изображению. Жалости более достойной, сей зверь олень, не ведущей будущего мучения, смиренно идет на жертву бесчувственному болвану, отдав жизнь свою глупости хозяйской, и действительно удивления достойно, что снет еще таковых кар не ведает, каковыя глупые сии народы над животными умнейшими себя производят, ибо в бешенстве своем пред божиньком не знает уж он, что делает: колет оленей всех в задоре, сколько ни пригнал с собою, и разве только под себя в санках оставит двух или трех. Желая перешеголять свою братью и доказать ревность к мнимому своему богу, всякие изыскивает кары и мучение: бьет, стреляет из лука отовсюду; колет же не так, как добрые люди, но со всех четырех сторон обвостренными кольями пропинают. Сие у их наивящие почитается, потому что олень, и сзади и спереди пропнутый, смиренно преклоняет в изнеможении пред болваном колена, к их пущему заблудшему мнению, что, дескать, нашему болвану и оленю покорны.

Других приводят к такому реки месту, где б был или омут, или бык, или какое б бысторотою особливое место. Тут, навязав на шею оленю большой камень, кидают в воду и тем жертву свержают.

При частых таковых многолюдных жертвоприношениях можно сказать, что не столько в ясах рухляди собирается, сколько на приклад и пагубное действие пропадает, ибо, я думаю, каждый бедняк должен хотя раз по своей вере

чем-нибудь жертвовать своему болвану, а сие верно знаю, что в ясак он лучше худых два зверя положит, нежели одного доброго, которого своему богу посвящает, а богатым одного или двух зверей убить очень постыдно; того ради, по крайне[й] мере должен убить десяток или, при таком множестве народа, не стыдно будет и два или три заколоть. Между тем, каждый кроме того дарит болвана самыми лучшими зверёвыми пкурами, как добрыми лисицами, песцами, росомахами, соболями, бобрами и прочее, не рассуждая того, что лисица стоит многого числа денег, но бессмысленно на ветер отдается; и совершенно давно бы все тамошние ниже Березова леса белели б чистойшими оленинами, естли б русскими хищниками число их не умалялось и ветром и дождем не изгарали.

Ежели убьют они медведя, то бывает опять особое действие; перво, сняв с его кожу, повесят подле болвана — мнимого своего бога — на высоком дереве, творят ей великое почтение, просят прощения в убийстве, принося наивнение и разные выговоры, что они в том не виноваты, ибо де жалею, коим ты убит, мы не ковали, но стрелу оперили, и не их, а чужих птиц перье, которое в стреле так быстрое летение причинило, а просим прощение в том только, что стрелу, натянув, пустили. Понеже боятся, думая, что душа одного медведя им великий вред учинит, ежели с ею заблаговременно не помирятся.

Из сего видно, что оне во всех зверях душам быть почитают, но есть ли подлинно, по их мнению, и в прочих мелких животных о том речи заводить не случилось. Медведя же боятся и отдают ему душа, столь усердное почтение потому, что дерет их нередко. Но естли бы в их стране слоны водились, то б они всех их за богов почитали.

В болезнях же равным образом поступают с оленями: смотря на долготу немощи, столько и убивают, но нередко при опасности болезни богатые и по десяти вдруг в жертву приносят. Приведенного оленя поставят перед чумовыми дверьми, сквозь которые протянут веревку, одним концом за ногу оленя привязанную, другим же за руку больного. Между тем больной, лежа в чуму, а прочие вне чума просят своего заступника — болвана, часто указывая на него, чтоб он вылечил в немощи находящегося. Но как больной,

в чуму лежащей, нарочно или нечаянно лишь только дернет за веревку, тотчас и дают оленя, а после варят и едят, кожу себе берут, голову, одну кость с рогами, на кол втыкают, а больному болящее место намазывают кровью и жиром и между тем обыкновенно лоб. Но если больной печально за веревку дернет, то сие манящие почитают, думая, что в тот час убить оленя самому богу так изволилось.

О присягах самоедских

Теперь при ихном заблуждении не непристойно кажется объявить и самые их клятвы и присягу, каким образом и с какими притом договорами они присягают, но чтоб клятву отличить от присяги, то упомяну здесь, что они хотя и всем, что только глазами видят, клянутся, однако их, так сказать, божбе не очень верить можно, ибо нередко при крайностях не оставляет он ни самого огня, ни неба, ни воды, ни воздуха, ничего иного, чем ни побожился, но еще обманет, и сие случается только в долгах или торгу с русскими, а в важных делах, как в воровстве, в верности и в прочем, заведены у их присяги, которые при сем прилагаются и на ихном диалекте и на русской язык переведенные, а хотя они некогда и против присяги бунтовать думают, то сное не должно почитать нарушением, а верно по какой-нибудь причине, либо увидят какую обиду от русских, коей давно избегнуть не могут, то от нетерпеливости и бунт заводят, который ни самим оружием утолить нельзя, кроме одной ласки, либо от какой-нибудь ложной вести, для их неспособной, которую пронесет между ими какой-нибудь бездельник. Однако напоследок более тому и достается, кто сное между ими выдумал, ибо сие уже тогда не стоит за своего товарища, когда узнают, что он ложь им предсказывал.

Когда они пред воеводою государю должны учинить присягу, то сводят их в одно место, а за множеством делают их на разные круги, положат пред ними топор, конем рубили медведя, и дают каждому с ножа съесть кусок хлеба и притом должны говорить сими словами:

C'hu málhana mam Parawadan elibjád jámbana sowá ajunséna ni — jengû charént siék opsh, sowa ir madangu mang

jöltjchewý áiwamir ni saldangù, ápsananda chunjô chaëptschù nibýnà àni amhari sérkana sérta sjum taiwapsù, tjuki émñja hylowý wörga sjum táaptaí, tjuki howurtà njanju sjo ernjá nulgèi, tjuki tupka aiwami soppát, char sjum mottidéngu.

Перевод:

Естьли я моему государю до конца жизни моей верен не буду, но волею отступлю и верность нарушу, надлежащего ясака не заплачу, сам куда уйду или иным образом вишно себя учиню, то да растерзает меня сей медведь, сим хлебом, которой ем, да подавлюся и чтоб мне сей топор голову отсек, а пожем мне бы зарезаться.

Другой род присяги почти сему подобен, но разве для некоторого отличия в словах упомянуть здесь не непристойно, ибо сие зависит от толмача, которой им при присяге что велит говорить или делать, то они и слушают, но перед началом второй сей присяги расстилают медвежью кожу, а их около ее поставят всех на колени и посланной за присягою человек над головами их держит обнаженную саблю, а другой на ноже держит пред ими кусок хлеба, а сам говорит речи, которые они должны повторять каждой, а проговоря, каждому дает с ножа есть кусок хлеба, зубами велит кусать медведя и между тем, в знак сущей верности каждой ушипывает шерсти. Речи же говорят следующие:

Téda tjuki émñja Parawáda budýri chaipjáidi sjan mján sérkana sitté jínzeléide, amgari labadangúda, mbyña chna chud áidaptangúda saínórtschi ébta tjndýkana nisl sjantsch, sertáidi, parawáda áiwamir pongàna saldáide, budýri pongàna sowansér jiléidi, teda mamý manw dat, amhari mandangúda nibýna ni enselè ngun, tjuki palýnà aiwá saptangúda char sit motridengúda, njan sjóna nichaidangù, piunsida worga sidý omtáda.

Перевод:

Теперь в том государыне вы присягаете, во всяком деле будете ей послушны, что повелит или куда пошлет, хотя и на войну, живота своего не щадя, исправляйте, государев ясак каждогодно платите, между собою живите согласно, теперь из говоренных мною речей что преступное учините или не будете послушны, етою шпагою вам головы отсекут, ножом себя заколете, хлебом подавитесь, страшной медведь вас съест.

Естьли между ими делается какая ссора, то выбирают посредственников и, буде по сказкам обоих еще решить нельзя, то велит одному из их учинить следующую присягу: перво поведут его к божку и от неправой клятвы увещивают, представляя ему страшные примеры, потом дадут нож, коим он боляну нос отрезать, и топор, коим он божка порубить должен, говоря:

Chu mahanà man t̃jukī purdōrp̃ybs̃ỹh̃a sjakàn ch̃ai p̃jangu, taib̃i [olt̃jchembò] man p̃yl̃eù jodam, tupkàna ajami jandàna taaptangù, w̃orga poderàna sjum omt̃ai, sjan mjan ja'bsida ser man nja'nda tutta.

Перевод:

Естьли я в сем споре неправо клянся, то хочу равномерно нос мой потерять и топором изрублен быть, и чтоб меня медведь съел в лесу, и всяко бы несчастье на меня пришло.

Сию же клятву употребляют и свидетели, чему крепко и верят, и естьли кто неправо оным клялся, то, конечно, какое-нибудь наказание вскоре последует. И действительно, сей народ в таких случаях столь справедлив, что при ихной дикости можно их в сем почестъ вернейшими, ибо он после такой присяги и во время оной весьма всего боится, почему и надежно, что несчастие впоследствии от угрызения неправой совести, и он неправо присягнуть не смеет. Впрочем, в небольших ссорах и обидах разбирательство имеют их князцы, а о других важных делах просят выше.

Что ж касается до князцов их, то оные никакого ни оклада, ни особенного почтения не имеют, кроме тех, которые жалованные грамотами от государей, да и те один только титул князца на себе имеют, а питаются всяк своими промыслами, по смерти же оных правление жалованных достается по наследству сыновьям тем, кои ясажными усмотрены будут и удостоены к тому способными, а у которого наследников не осталось, то выбирают между собою лучших и умных людей, но богатые по большей части у их в особенном пребывают почтении, почему и можно всех их называть как старшинами, ибо всегда его множеством народа всячески встречают, многим числом, будто холопи, за им ходят, а пьяного водят под руки и посят за им, что подарочное или оставленное.

Глава XII

Об обычаях и поступках

Что касается до их обычаев и поступок, то нельзя сказать, чтоб у обоих народов не были одинакие, ибо как всегда пребывают и остяки и самоедцы между собою в согласии и всегда почти друг друга посещают, а особливо в зимнее время и мену между собою производят, как самоедцы меняют оленей и рухлядь на съестные припасы, то из одного заключить можно, что во всем у них сходственность немалая, кроме самых вероломных поведений, да и то не в лишнем отличестве. Обычаем, что они грубы, в поступках примчивы и просты, сие обоим народам сходственное, а что оне для хорошего человека с подобострастием не жалеют лучшего, обоим сродно. Одним словом сказать, что из них ни один не имеет пред другими преимущества и исполняют по своему поведению с большею только искренностью, ибо когда к ему из хороших людей кто приедет, то желает его угостить ревностно и для того велит тотчас убить хорошего оленя и сварить только для его язык, мозг и грудинку и несколько кусков сала, что почитается у них за лучшее кушанье и знак достойного гостя. После же обеда дарит его по возможности, желая доказать свою услугу и благодарность за посещение.

Но бабы остяцкие или денки никогда почти не кажутся и никогда почти видать их не можно, потому что, лишь только появится новой в чуму человек, то тотчас, закрыв лицо вокшемом, отворачивается лицом к стене и что надо делает, а нередко случается, что и из чума совсем в другой чум уходят, и остается одна старуха, но сие у них не значит ревность мужнюю, но самой стыд женского пола, которой у обоих народов ни за что почти в свете не почитается.

Напротив того, о самоедках того сказать нельзя, ибо те никогда голов своих не покрывают и хотя в таком же презрении у мужчин пребывают, однако как мало проважих у себя видят, так мало и стыдятся. Между собою они равным образом ни малого приятства, ни учтивства не знают, да и не сродны к тому, не знают оне, как шанки скидываются. Приехав к другому в чум, никак не здороваются, а садятся прямо, где нашел место пусто. Хозяин же,

зная своего друга, уже знает, что его потчивать надо, но потчивание их уже известно. Зимой подают варку с пожемами или мeralой рыбы, летом свежей сырой, или что сварит в котле, тем и потчует. Недавно еще, как они приняла от русских снимать шапки пред хорошими людьми и говорить по-остяцки — виззя (здорово и прощай, все одно)²⁶, по-самоедски — дерово²⁷, которое слово, видно, совершенно русское, и они его при свидании и провожании гостя также употребляют, но понеже своего собственного не имеют, то между собою и не здороваются, а только с русскими так поступают.

Глава XIII О увеселениях

Увеселений имеют между собою очень мало, а особливо самоедцы, и я почти совсем не слыхивал, может быть потому, что они, как народ кочевой, редко во множестве бывают, но, будучи на Енисее, слышал, что самоедские увеселения точно как и некоторые камчадалские, но в сем не могу ручаться; имеет ли по правую сторону Тазовской губы к реке Енисею живущая Самоядь некоторую отличность от обских самоедцов или нет, вершю не знаю, того ради и увеселения здесь упоминаются не обских, а енисейских самоедцов, которые, стоя когда-нибудь во множестве при одном урочище, производят разные веселости, или просто сказать, кто что издумает, тем и веселятся; иногда зачастую имеют увеселение в скачке, разбегавшись от меты по три раза, кто скакнет далее, также и борются, но сие и у обских остяков в моде.

Пляшут хотя и особливим образом от остяков, но с ураками²⁸ и тавгами²⁹ очень сходственно. Пляска их состоит не во многих разностях телодвижения, но каково одна пара делает, таким же образом пляшут и последние, хотя б какое множество их ни было. Самоедин, взяв бабу левою рукою за правую, ноги свои одна за другой наперед высовывает. Сам выговаривая полным ртом громко: «гой!», потом с ужимкою сквозь зубы в нос: «ги»... протяженно, потом опять громко: «гой!», а напоследок, забирая в себя дух, всхрапывает, и так далее. Сие не значит у их вместо песни, но будто бы для показання такты; баба же, напро-

тив того, подле его стоящая, стоя на одном месте, с приседанием выворачивает поги и сама только всхрапывает при окончании каждого колена. И так за одною парю собираются и множество; тогда бегают кругом, держась руками друг за дружку иногда чрез целый день, желая одна пара переплясать другую****.

Напротив того, березовских остяков пляска гораздо удивительнее, мучительнее и смешнее, которые сими своими веселостями желают только представить самое дело, а не вымышленное, или пересмеять кого стараются, как видно из ихних песен, о коих ниже упомянуто будет.

Пляска ихняя не до многого чего касается, как или до самых ихних промыслов, как они на оных поступают, или что увидят странное и смешное, то в пляске изобразить стараются с некоторыми лишними удивительными телодвижениями, коих словами и изобразить нельзя. Перво представляют пляскою, как промышляют лося. Пляшут по инструменту, домброю называемому, она же называется и шангальтоп и нарысьюг^ш; игрок старается изобразить самое качество и действие зверя, т.е. как он бежит, рысью или скаком, как стоит и прочее, а плясбк тичится представить своим телодвижением, киванием головою, ломается, стоя на одном месте, руками и ногами, и головою стараться должен изобразить живо. И так мне самому случилось видеть то изображение на домбре и пляске, когда промышленник намеряется гонить лося. Перво игрок играет по всем пяти струнам, изображая, как он бежит рысью, а плясбк по такте топает для ясного изображения, потом, по игре, плясбк изображает, как лось, остановясь, оглядывается на все стороны и смотрит, далеко ли от его человек, за ним гонящийся, находится, и так, несколько представляя бегов и оглядов назад, играет игрок с представлением пляска, как его из лука убить хочет и как убьет, то промышленник возвращается назад по веселой песни с радостью и веселою песнею, пляскою, но когда же зверь у его уйдет, то ясно изображает возвращение свое с великою печалию и гневом.

**** Как сама натура научает любовным хитростям, то и эти дикие народы знают как к любви приступить должно. Говорят, что во время пляски, когда пощмет у ее руку, то и увидит свое плетно.

Еще видел я игру на домбре и пляску, представляющую промышленника, идущего на соболиные промыслы, тащущего за собою нарточку, и так, идучи он через лес, представляет вышписанными движениями, как у его нарточка за пень задела, как, отворотя, опять идет и напоследок, нашед следы соболиные, как щупает пальцом, узнавая следы одного, свежие ли они или старые, и, увидя, что свежие, как доходит до самого соболя и каким образом добывает, из дупла выгоняет, стреляет и прочее, получа же за труды соболя — с радостью, а не получа — с горестию представляя, возвращается³¹.

Сие говорено было о зверях, до их нечеловеческих промыслов касающихся, но которые промыслы у их со страхом и отчаянием бывают, тех они не представляют. И сколько их плясок ни видывал, однако нигде не случилось видеть, ниже слышать, кто б выиграл или б представил промысел медведсей.

Есть у их равным образом и птичьи пляски, которые таким же подобием представлять стараются, чтоб трафить в самую живность, так например, журавля изображает, согнувшись и надев на себя долгое платье или колгот, взяв в руки костыль, сделанной наподобие головы журавлиной с посом и долгою шеею, делает, повертывая ее на все стороны, т.е. как он оглядывается, как спит, как сидит сгорбясь, чешется, клюет, ходит, поет и прочее. Так, другую пляску представляет в образе мышелова или ястреба, ищущего мышь, и перво представляет руками и головою, как он летает по полям плавно, потом как вверх и вниз подымается и опускается, когда же найдет мышь, как трепещет над ею, с немалым ниском протянув ноги, бодростию своею сложения оказывая охоту схватить оную, но когда мышь укроется, как он около того места летает и опять следит, а напоследок плясбк вдруг падает на землю, распусая руки, представляя, как мышелов пымал мышь, распусая крылья, и она под им пицит, потом изображает полет мышелова с мышью и как станет оную трескать.

Хотя уже довольно примеров показано их пляски, однако нельзя не упомянуть и на смешные и такие увеселения, которые или касаются до своей братьи — остяков другого роду, или до русских, но я здесь приложу только одну, касающуюся до русских баб, коих они пересмевают, как

оне на реке рубашки полощут, ибо оне в своем житии и не знают, что такое есть на свете мытье рубахи, потому им сие и кажется не за малое удивление; и так, лишь только игра началась, плясók, тотчас взяв палку и навеся на ее всяких тряпок или что попало, кладет себе на плечо, будто бы ко-ромысло, приходит на реку, разбирает рубахи, стирает, ко-лотит другой палкой паместо валька, выжимает, потом вдруг останавливается и слушает: где-то, дескать, на гудке игра-ют (зная, что русские бабы до музыки охотницы). Нет, ос-лушалась. Опять мыть начинает, потом вдругоредь услы-хавши, любитесь и тотчас тут же будто заплывет и так по-скорее. Наконец, платье вымыть торопится, чтоб поспеть, дескать, по голосу, где так хорошо играют. Таким образом и бежит туда скоро и на дороге, будто по нестерпеливости, остановится и поплывет и так далес; тем оканчивают.

И так все их роды плясок за смешные почесть можно. Хотя оне и не выдуманные, а, можно сказать, натураль-ные, однако, не без трудности производятся. Ломание чле-нов [в] таковых представлениях, можно сказать, мучитель-ное, однако они не только болезнью сею не скучают, но еще кроме сносных ломовых позитур и лишние отваживаются ломать свой стан так, что от лишнего истечения поту па-оследок в слабость все члены приходят.

Ломаются, кажется, для того, чтоб его удалство и ис-кусство смеючись похвалили; и действительно, в то одно и стараются, чтоб, изобразив, как можно живес, не отставая от такты, привести зрителей в смех и некоторое удивление.

Бабьих плясок я не видывал, но слышал, что оне таким же образом веселятся.

Что ж касается до песен, то правда, что они, видно, к выкладкам оных или не склонны, или не умеют, а часто слышал у пьяных остяков и самоедцов, которые все поют то, что ему на ум узбредет, или что ему случилось, или что говорить хочет. Много я видал пьяных, которые, сошед-шись, друг с другом песнями переговаривали все, что им надобно, а когда один в степи едет, то поет про степь, или про воздух, или про погоду, или что ему вздумается, без всякого склада, только голосом, куда хочет, поваживает, но и насмешества также в песнях у их или над своим бра-том, или и над соседями не не бывает.

В весенние свободные часы имеют они также и сказки, про которых я слышал только мало, однако заключить можно, что их сказки явное в себе хвастовство и невозможность заключают, ибо если бы они в своих баснях коснулись до другого кого, то не иное стараются, как опорочить и тем самым примером себя превозвысить наименеевозможнейше. Дикому и трусливому сему народу не иное что к ободрению себя служит, как небывавая победа в ссорах и драках, как рассказывают оне в своих сказках:

«Один-де был остяк, собою весьма сильной, которой поехал свататься и по несогласию мнимого своего тестя сделалась у их ссора, он один тут побил несколько тысяч человек, но, еще будучи тем недоволен, улетел в другое место и там побил столько же».

И так далее рассказывают по большей части о побойщах, разве несколько прикрася гисторическими словами, но что до второго моего предложения касается, то, кажется, нельзя не верить, потому что в городе Березове я слышал и от многих русских, которые не к сказке, но к самой правде причисляли. Мнимая невозможность принудила меня сие повествование написать между сказками, хотя бы ему здесь и не должно иметь места. Вся невозможность состоит в расстоянии места, которое остяк, как сказывают, будто б переезжал от Обдорска, еще прежде их покорения, до самого Кондийского монастыря в одне сутки, на одних оленях, кажется невероятное дело, ибо от Обдорска до Березова хотя немерные версты, однако неотменно триста положить надо, а от Березова до монастыря — сто девяносто, то легко в сей правде усумниться можно, чтоб одне олени так много в сутки могли выбежать; однако верить можно потому, что я сам знаю такой особенной род оленей, которые немного и весьма редко в больших стадах случаются, притом же неизвестно, что сей зверь, кроме всего, весьма легок, и я сам, на переменных, от Обдорска до Березова немного более суток выбежал.

Они же рассказывают таким образом: сие неизвестно, что все дикие народы прежде покорения ни в чем ином, как в одних женах наиболее ссорились и воевали, то и вероятно, что у их прежде ужасные, как слышно, были кровопролития между собою, как и ныне есть остатки тех мест,

где славные побоища бывали, или на котором месте что особенное в тогдашнее время сделалось; те места собственные себе имена и попытки имеют. Тогда не было ни монастыря, ни Березова, а были одне чумы, которых стояло в местах по коленам инде множество, и так сей низовой остяк поехал ниверх на нивыстой и, к монастырскому месту приехав, украл надобную себе девку и выехал обратно с девкой на одних ослепях в одне сутки. Сие повествование носится между ними и поныне, и бывшее по сему тогда кровопролитие доказывает, что оное было справедливо, а я потому написал в сказках, что они сами между сказками употребляют.

Между прочим, в проезде самоеды меня уверили и сказывали за самую истину, будто бы праотцам их около Чукоцкого носу попадались особенные люди, которых они (шыегоурта) носоедами называют, и говорят, будто бы они ловили живых людей и, разбив нос, кровь сосали и прочее, однако сему верить невозможно.

Глава XIV

О сватанье и свадьбах

Сколь в презрении женской пол у остяков и самоедцов пребывает, того довольно изобразить невозможно, а смею сказать, что у их женщины живут не как люди, но как надобной скот, без коего он обойтись не может. Бедные бабы весь свой век в беспрестанных трудах препровождают, не зная ни отдыха, ни праздника, всячески ему утешают, все его состояние лежит на ей одной, а он с ей и говорить никогда не хочет. Грубость их поступок с женами довольно меня уверила, когда я находился около двух месяцев между самоедцами (смешное примечание: не знают они никогда с женами целоваться, не знает никаких лобзаний и ничего не ведают, как лучше в свете с прелестным полом обходиться). В дороге или на месте в чуму мужик сидит, лежит или что делает, она ему во всем служить должна, не как жена, но как купленная служанка. Пускай сего оспорить нельзя по их дикости, но в таких обстоятельствах хотя бы он ей говорил поласковее, а то нет у их любезнее слова по-остяцки или по-самоедски — нейру (баба). Приятнее бы было женке служить из сего имени, когда бы от его хотя б это

часще слыхала, а то, не сказав ничего, сам смотрит на небо или на землю, а сам говорит о своей надобности, и она должна догадываться, что ей говорит о том-то. Правда, хотя вообще у сих народов женский пол по век имян себе не имеет, но, однако, за щастие себе почитает, если б он ее называл хотя полчеловеком, а человеком они только себя называют, как по-остяцки, Таhe²², по-самоедски Chazowa, что значит мужик, или человек, и они хотя все имена имеют, однако поимянню друг дружку не кличут, а все одним именем. Так, напротив того, и бабы не называют мужиков именем, а по большей части вышеписанным названием.

В общем их жизни мало стыда найдется и почти совсем нету. Мужчины обыкновенно сидят у огня нагие. Бабы остяцкие равным образом, часто при чужих людях, садятся в присядку у огня и, подняв подол за колено, без зазору греется, которое бесстыдное житие только выше Березова водится, но и у татарок не не в моде. Тем сей народ похвален, что любви мало разумеют, не избирают они жен себе красавиц, не смотрят на женские нежности, которых нету, а берут всяк по рассуждению своего состояния. Правда, хотя оне не не охотники, да и не ревнивы, одну жену иметь ему стыдно, и не почитает себя довольным, того ради берут многих, если только его состояние дозволит; но я мало видал таких, кои бы обыкновенно больше трех или четырех имели; на каждой должен он свататься, за каждую платить калым, не исключая ближней родни своей, ибо остяку или самоедину вольно брать братнюю жену, мачеху²³, сноху и прочее. В Войкарских юртах есть остяк, который двух сестер в супружестве имеет, и я не знаю, кто бы в остяцком роде был его на промыслах щастливее. Так свататься не только между ими, кажется, сходно, но и не бесприбыльно; только немногие так имеют, может быть, потому, что немногие столько приданого отдать могут, сколько за двух дочерей отдать надобно, хотя у их и то обыкновение, что если за первую отдал калыму столько-то, за другую сестру уже половину платить должен.

И так, рассматривая обоих сих народов, мало можно найти разности, а особливо в том, что я верно знаю, кажется, немного между собою различествуют, разве есть некоторая отмена в прочих порядках, кои мне неведомы. Здесь

намерен я описать ихныя сватовства и свадьбы и хотя бы можно мне было по ихному между собою сходству написать в одном месте, однако я предложу и ту и другую порознь, через что могу уверить читателей, сколько они в обыкновенных своих между собою разнятся.

У остяков за грех почитается взять себе в жены из того же роду, коего фамилиею сам прозывается, которая по муштинам у их считается, а не по женщинам, а если женщина вышла в другой род, родила дочь, а в первом роде родился парень, то уже законные супружники, и так, не касаясь до племени своей фамилии, выбирает себе невесту из другого роду, хотя б двоюродную сестру свою, но когда иначе прозывается, то свататься и жениться на ей нет запрещения, того ради собрав к себе равных молодцов в поезд из ближней родни и выбрав сватчего, приезжает в те чумы, где живет отец избранной его невесты, входит прямо в юрту со всеми поезжанами; между тем, хозяин, видя такое собрание и зная у себя дочь, уже должен догадаться, за чем приехали, чего ради, не спрашивая причины их приезда, что случилось — тем потчует; когда же приехавшие наелись, выходят в другую избу и оттуда посылают сватчего, о требовании согласия и о договоре о калыме, тут довольные труды сватчему бывают, ибо, подобно торгу, тесть требует много, зять дает мало, и так сватчей то и дело из чума в чум переходит. Наконец, когда договорятся, жених, по прошествии нескольких времени, отдаст часть своего калыма (редкие есть такие, кои бы вдруг весь отдали, потому что между богатыми много и на ту и на другую сторону добра переходит, и редкая богатая девка уходит за калым кроме прочей рухлядя во ста оленях) и наказывает ему, чтоб на следующую ночь и место, где спать, и невеста б была готова. Когда согласятся, то в ту ночь и приходит зять к тестю и ложится тут, где ему укажут; после же приходит к ему и невеста, с коею перво для стыда лежат под разными шубами, а когда все уснут, то под одну переходят и так спят во всю ночь; а поутру смотрит мать, какова пришла дочка ее, если благополучная, то сейчас просит с зятя однорядку и оленя, он отказать не должен; если же не благополучна, то зять с матери требует то же.

Для славы благополучной невесты мать постелю, на которой молодые спали, нарезывает на мелкие части и разбрасывает во все стороны. После сего, покудова жених не заплатит полного калыма, по тех пор не может увести невесту в чум свой; однако, по милости отцовой бывает, что увозит ее со всем приданым и не заплативши всего, то отец, пождав несколько годов, приехавшую случаем в гости дочь свою удерживает у себя, чрез что принуждает зятя, чтоб он весь отдал.

Вышедшая такая невеста в век свой стыдится тестя, а жених тещи чего ради в первые годы после свадьбы ходит при теще в шанке до тех пор, покудова не сделает ребенка, и естли она попадется на дороге, то, отворотясь, нахлобучивает шанку, чтоб он ее и она его не видела.

Взятую за калым невесту остяк не смеет ни за какую большую вину бить без соизволения своего тестя, ибо злобная жена тотчас уйдет к отцу своему и там нажалуется, говоря, что более с им жить не желаю, того ради раздраженной отец, естли есть что, то тотчас бросает зятю своему взятый калым, а дочь берет к себе и отдает за другого.

Самоедин, напротив того, задумав жениться, выбирает ровную себе во всем невесту, не по красоте лица или славе, но по достатку, коим он с ей и она с им ровняться могут, и так приискивает свата, коему уже известная за труды награда — дать оленя. Собрав несколько человек из ближней своей родни, наряжастся ехать в те чумы, где живет избранная его невеста. Приехав, останавливаются у чумов, не входя в избу; поставя все санки рядом, сидят каждой на своих санях, а жених посылает сватчего к будущему своему тестю о требовании совета в отдаче своей дочери за приехавшего самоедина, на что вскорости либо отказ, либо благоволение получает. Естли отказ, то с псудовольствием уезжают, что бывает немалою причиною их недружества, но сие редко случается. Естли же невестин отец согласится, то тотчас имеет сват с им уговариваться и о калыме, что очень долго продолжается к немалой на дворе сидящим скуке, ибо отец невестин требует много, а жениху столько жаль отдать, и так сватчей перехаживает то и дело от одного к другому, перенося вести или договоры. Договоры у их обыкновенно бывают в том, чего у тестя мало или и совсем нету,

того от зятя и требует, как обыкновенно разные цыганские однорядки, котлы медные и железные, сети, зипуны и оленьи. Уговорясь же, определяют время, когда все это тестю получить, а невесту отдать должно. В том случае сколь скучно бывает зятю отдавать будущему своему тестю то, что он требовал, столь, равным образом, будет весело обирать тестя во время приданого с двойною себе прибылью, потому что тестю взятое от зятя одному завладеть невозможно, но он, отложив себе большую часть, прочее по всей родне разделить должен.

Пришло уже то время, чтоб калым занять зятю, которой, отдавши, приезжает в гости, где и потчует его тесть оленним мясом и между тем перепеваются друг с другом. Тесть припевает зятю, чтоб любил дочь его, а зять припевает тестю, чтоб содержал его в милости и было б между ими согласие. Между тем говорят и о приданом; как скоро тесть исправится, ибо обыкновенно тесть должен и жениху и невесте спать по паре, и когда исправится, то жених приезжает с какою-нибудь чужою бабою по невесту; получает в то время от дарки от тех, кои и его калыме участие имели, что получа, берет свою невесту, сажает на санки, кои привязывает к санкам приезжей бабы, а прочие с приданым, сколько б их ни было, привязывает к саням невесты, из коих первые трои или четверы с разною кладью должны тестя покрыть сукном хорошим, а прочие хорошими и чистыми постелями. Сам жених едет наизаде, а по приезде домой невеста должна послать постелью для мужа и для себя, и хотя муж с женою ложатся на одну постелью, однако не совокупляются иногда по месяцу и по два, а когда сойдутся, то уже девство наблюдать жениху осталось, и еслили придет чувственная, то должен дать тестю оленя или два, а в противном случае столько же требует с тестя.

По прошествии несколько времени невеста приезжает к отцу своему в гости и живет у его сколько времени пожелает, а муж также к ей каждую ночь ездит и спит вместе, легши при свете под разные шубы и на разные постели, а когда все уснут, то и под одну сбиваются. Поживши у отца довольное время, уезжает домой и между тем получает от его новые подарки, и так сколько бы раз в году она у отца ни побывала, отец всегда дарить ей должен, чего ради мало

от мужа и занимает, разве как только живет с ним, а пьет, ест и носит отцовское, а не мужнее.

В противном случае, когда развод бывает, тогда они считаются, что с которой стороны истрачено, так и расплачиваются друг с другом, или ежели жена умрет вскорости после свадьбы, то так же поступают между собою, а еслили муж жену любил крепко, то и по скорой ее смерти калым с тестя взыскивать не внимается.

Впрочем, все сие говорено про богатых, а бедной с бедным о бедности в калыме и рассуждают, чего ради один с другого лишнего и требовать боится.

В житии своем самоседка живет замужем, как невольница, не видит себе от мужа большой ласки, ниже какой приятности, кроме любовной той ночи, пред которой он жене своей днем всячески угождать старается. Ночью же обыкновенно на боку лежа Венере жертву приносят. Из таковых жрецов многие есть молодцы такие, что почтё, скорее кобеля гоняют, как и между остяками слыхал, и не про немногих. По возвращении из венерина храма жертвенные сосуды не очищают, но во время обыкновенных женских нужд окуриваются дымом, перешагивая чрез огонь несколько раз или, положя на горящее уголье струй бобровой или шерсти, тем очищается, отчего хорошенькие самоседки все почти издрябли.

Глава XV

О женских нуждах

Женские нужды я разумею натуральное месячное кровотечение, которое, я слыхал, у их мало бывает и не порядочно, ибо иногда в четвертую, и прежде, и в пятую, и в шестую неделю происходят. Рубах из их мало носят, а по большей части ходят нагие в тулуках, того ради неотменно должно тулупу замараться; но остряки выдумали изрядное средство посить пояс, по-иному вороп называемой, которой, закунорив перво свое сокровище отлепом или таловыми мелкими вымятыми стружками, подвизывает с испода и вокруг поясницы. Когда же почувствует, что довольно накопилось, то тотчас на стороне ототкнет и выпустит, но упомянутые отлеповые стружки никогда не бывають, хотя бы

не было и кровотечения, но оне от натуры так уже всегда иметь привыкли.

Напротив того, самоедки, хотя также ходят нагие, и как сшито платье, так его не скидывает, покуда на ей не истлеет, носят штаны ровдужные, в кои и родят и во время сих нужд накладывают отлепу, которой после выкидывают, естыли замарался, и кладут свежей, но затыкать не знают.

От сих кровей откуриваются они вышеупомянутым образом. Окуривают также и платье, которое в то время на себе имеют. Мущина же не только после родов с ей два месяца не спит, но и во время кровей не пьет, не ест с ею, ниже что в руки от ее принимает. Она же в таком состоянии не должна ничего есть от вновь промышленного, но довольствуется прежним запасом. Никогда также взрослые девки и бабы не должны есть от оленьей головы, кроме малых деушек, которые месячного кровотечения не имеют.

Сего не довольно, что женской пол натуральные сии нужды сносит великодушно, но у их, кроме сего, еще она должна стыдиться, будучи обязана их заблуждением. Народ не только не уважает сии женские трудности, но еще и за поганой, так сказать, род считают. Бедная самоедка не только каждой день сама себя, но и все, что в руках имела или на чем сидела, должна окуривать. В дороге, перню лишь только приедет на место, расстановя чум, прежде всего должна сама окуриться, потом за венци принимается, которые в чум внести надо. Каждую вещь должна окурить особливо, должна окурить санки, на которых ехала, напоследок — что у саношных передков было привязано (обыкновенно мужская и женская обувь привязывается), не должна стивлявать сверху, но из-под потягу, за что олени тянут. Также не должна чуть кругом обходить, но только до половины ходить смеет, равным образом с одной стороны на другую, коли иттить понадобится, то или весь обоз обойти должна или проползти под потяг.

Остяки и самоедцы, равным образом как и прочие дикие народы, сколько ни охотники к делам любовным, однако родится между ими немного. Редко я видел таких остяков, кои бы больше трех или четырех человек у себя в живе имели, а в жизни много, что десять и очень редко бывает.

Сему самая истинная та причина, что оне живут очень гнусно и не разделяют от старика нежного младенца, кормят его почти тем же и тою же самою пищею, какую сами употребляют. От молока же матери до пяти лет и далее не отнимают, покуда сам не отстанет.

Глава XVI О рождении

Родов сих народов, хотя и не видывал, однако слышал довольно, что оне, дивиться надо, как легко родить могут. Самоводки обыкновенно в штаны выпускают, место закапывают в землю в глухом месте, где б ни зверю, ни человеку ходить нельзя было. Остятки, напротив того, место с отлепом, которым обтираются, кладут в коробок и притом прикладывают тут зверо какой-нибудь рыбы или мяса, и так подвешивают на дерево. Удивления достойное, но неудобовверимое почти дело я слышал про одного енисейского остяка³⁸, скитающегося везде за пищею по тундрам с женою. Бедной остяк, но варвар, не имеет у себя оленей, шатается по тундре, которой день что промыслит, тот день и сыт бывает. Имеет при себе парточку с разною мелочью; жена оную тянет, он сзади мало-мало пособляет; жена брюхатая, пришло время родить, надо остяку остановиться на одном месте, дожидаться того времени, как женская болезнь окончится, следовательно, терпеть голод, потому что запаса никакого нету, как выше сказано; хотя, может быть, у его имелось столько жалости не как для жены, как для новорожденного дитяти остановиться, но голод его гонит следовать неотменно далее и промыслять себе пищи. Бедная остятка, лишь только родила в парте запряженная, взяла дитя свое, окутав шубою, положила на парту; остяк же, видя изнеможение жены своей, сварил клею и немалой величины дал ей выпить с тем намерением, чтоб удержать известное после родов течение крови, и так, тот же почти час, опять поехали далее.

Нельзя же, напротив того, почесть сей случай у их вовсе нечувствительным и им бесстрашным, как видно из ихнего исповедывания грехов, которые родильница должна при всех рассказывать пред родами. Баба, которая в тог-

дашнем времени при самоводке ходит, хотя всячески страшат, чтоб пристрастнее во всем призналась, одного нельзя думать, чтоб, кроме угрозных ее речей, не было и таких примеров, коих бы она совершенно боялась, чего ради самоводка во всем, при всех, предстоящих на родах, кается и притом, естели с кем блядовала, должна сказать имянно, естели же из ближайшей родни, то имя умалчивает, чрез что дает знать, что тот был ближней свойственник. Лишь только младенец родился, какал бы баба ни приблизилась, взяла тотчас нож, нарочно к тому случаю получение изготовленной, отрезала пупок, отдавши оной с местом другой бабе спрятать в укромное место, а младенца, перевязав пупок жилой, отдает его мужу, которой, потрепавши да полюбывавшись, отдает другому сродичу и так далее все таким новорожденным любуются, не зная во всем самоедском роде уроков.

После сего делают ему люльку нанодобие коробки, у которой по бокам есть петли, к голове сделано повыше вместо столовья, а в ногах ровно, как в ящичке. В люльку насыпают гнилого толченого дерева для мягкости, на которое кладут младенца, а после, закутав его маленькою шубою, увязывают ремнем сквозь помянутые боковые петли и так его носят или под пазухой или за плечами.

Новорожденному младенцу не дают никакого имени до пяти лет его возраста, а когда пять лет свершится, то дают ему ребячье имя, коим он до пятнадцати лет называется, а по прошествии сих пятнадцати лет родители дают уже ему постоянное имя или по сходству какого-нибудь давно умершего сродника, или по силе, или по сложению, сходству с животными, проворству, прилежанию к промыслам, трудолюбию, щастию и прочее, как из следующих самоедских имен видеть можно кои переведены на российский язык.

Chân—charu — Сани листвяничные; Nérme — Пролубь; Láatscha — Кочка земляная; Lacûr — Неровная земля или кочковатая; Haimale — Ломаная нога; Palûta — Шпажпой обух; Chalûna ꝥ Mal' — ova — Рукавица глухая без напалка; Peéttama — Ладонная спина metacarpus; Mô — Сук; Wána — Корень у дерева; Chalewuhái — Мартышечья нога; Chaïdjû — Дикой; Waipi' — Бешеной; Hÿlpâd — Испоходис мешек; Pazû — Женское естество; Eptuhâi — Гусиная нога;

Majâ — Косноязычной; Enhÿtschê — Кривинькой; Panÿ tabai — Изодрапная шуба; Udaši — Безрукой; Haisi — Безногой; Podorâ — Лес; Lanâ — Говори; Lambâi — Широкая лыжа; Mottjû — Тупой; Worcomâ — Обделенной; Saïwÿzi — Безглазой; Sjàutta — Нельма; Mÿrtschi — Ветреной; Pojû — Оляха.

Такие имена дают родители пятнадцатилетним своим сыновьям, но богатые, в дружестве между собою, занимают также имена друг у дружки после умерших сродников; в противном же случае, если без соизволения друга своего даст сыну своему чужого сродника имя, то не только бывает великая ссора, но и до смертоубийства нередко доходит.

Впрочем, женской пол, уже прежде сказано, что имен по век свой не имеет, того ради более об их и распространяться не для чего.

Младенческих похорон не видывал, но русские и самоедцы многожды меня уверяли, что похороняются так же, как и большие, исключая только лишние обряды, которые над большим покойником со излишеством производятся.

Глава XVII О погребении

Мертвые тела тамошних народов есть первой и надежной корм тамошних зверей, потому что по всей тундре похороняются, и самоедцы не имеют определенного нарочного к тому кладбища; и в дороге, если умер, при просторном болоте, то вывозят его на сухое место, а если на способном умер месте, то далее не отвозят, а тут же и оставляют³⁶.

Остяки, напротив того, как уже народ опоселившейся на одних границах, имеют нарочные кладбища, кои халасями называют, и хоть также мало пекутся о телах умерших, чтоб скоронить их от зверей, гробы вырывающих, однако кладут бережливее самоедцов. Могу ли сказать, что они головами кладут на северную сторону, верно не знаю, но которые гробы я видал, те все мне так казались.

Остяки и самоедцы мертвых тел долго не держат, и так, если остяк умер поутру, то в полдни его и похоронят, сделают тотчас могилу неглубокую, меньше аршина, может быть, потому что мерзлая земля далее рыть не дозво-

ляет. Мертвого одевают в лучшее его платье, как летом в однорядки, шарку, малицу и негован, а зимою в известное также зимнее платье; подле его кладут все то, что ему на сем свете в жизни было надобно в дорогу отправляющемуся, как постелю, нож, топор, рог с табаком и прочес, все, кроме кремня и огнивы, кои делают деревянные. Покудова все онос исправляют, мертвой лежит в чуму своем, куда сходятся мушчины и женщины, оплакивая его с великим воплем и терзанием. Женщины с женщинами сидят в своем месте, закрыв лице обыкновенно поклашемом, а мушчины ходят около его и плачут между тем делают сму гроб из лодки; обрубив нос и корму, кладут его и несут на руках все, сколько бы их не случилось. Принесши на обыкновенное свое кладбище, которое бывает на пригорке, кладут его с большим воплем, быв притом одни только мушчины, а если умерла женщина, то одни женщины и бывают, кроме одного или двух мушчин, которые выкапывают могилу. За упокойным ведут самых лучших и любимейших его оленей с санями и во всем убранстве, коих, приведши на могилу, лишь только закопают мертвого, тотчас привяжут у каждого оленя на заднюю ногу по веревке, за которую один или двое тянут, а четверо, обвостря большие колья, оленей со всех четырех сторон насквозь протыкают; что служит вместо поминок и жертвы по покойном. По богатом быют еще более оленей; надев петли на шею и на ноги, растягивают и, приведши его в слабость, ударяют стягом вдоль спины по хребту и тем умерщвляют. Всех убитых оленей над могилой оставляют, убор с их и с санков кладут в теремок, сделанной над мертвым из прутьев, а санки сверху опрокидывают. Между тем, для поминовения, в стороне от могилы нарят есть и, наевшись, остатки, принесши домой, разносят по чумам, чтоб поминали, не употребляя притом имени умершего.

После сего всегда почти бывают поминки, когда кто из родников его помянуть захочет, кои отправляются таким же образом, как и выше сего сказано.

Самоедцы, напротив того, умершего своего, как и ости-ки, не обмыв, одевают во все платье, сколько на его надеть можно, а что не полезет, то вокруг его окладывают просто. Кладут его, протянув руки, надевши на голову котел, об-

вертывают постелями или чумовою крышкою и обвязывают веревками. После сего, опасаясь дверьми вынести мертвого (думая, что естли дверьми вынесешь, то он вскорости уведет других за собой), вытаскивают из-под чума, подняв крышку, за голову и, положи на санки, отвозят или в то место, где похороняют, или где лучше сами изберут, или где сам при жизни наказывал. Привезши на такое место, естли летом, то копают неглубокую могилу, так, чтоб мертвец с землею мог сравняться, которую, после заложив досщечками или прутьем, засыпают землею; естли же зимою, то делают на том месте небольшой обрубец в длину человека, в которой, положи мертвого, закладывают прутнягом. Тут же кладут и все, что он имел в жизни, рассуждая, что на том свете оное ему будет надобно; того ради кладут лук, стрелы, нож, топор, табак, трубку, котел, чашки, ложки, и прочее. Оленей же тех, на коих привезли мертвого, задавливают над могилою и во всем их снаряде оставляют. Между тем, у богатых приводят и тех, на которых мертвой в жизни своей промыслял диких зверей, коих всех, задавленных, зимою в снег закапывают, а летом мохом и прутьем окладывают, будучи в том мнении, что ему на том свете было б на чем промыслять и ездить.

Между тем, старают, где б поскорей сыскать поближе ворожея для отпеву, и естли в близости нету, то ездят и далеко нарочно, которой, приехав, начинает перво колотить в бубен и между тем припевает, чтоб на каких он был промыслах, те были б сродникам его счастливее; потом поет, уговаривая его, чтоб оставшихся после сродников оставил с покоем и за собою б не уводил вскорости.

После чего делают ему обыкновенные поминки, но оставшийся муж или жена не должна есть с другими поминающими из одной посуды, покудова не окурится бобровою струею или шерстью и не обмоется водою.

Сродникам его, естли случится обозом ехать хоть чрез десять лет мимо того места, где положен его родни покойник, то естли вспомнит, должен, убив оленя, помянуть его, т.е. сварить и съесть со всею своею артелью, а голову с рогами, воткнув на кол, поставить на то место.

Имена умерших купно с телами пропадают, потому, когда кто умрет, то другой и в разговорах его имени поми-

пять не должен, а говорить об нем околицею, иначе у их знак великого недруга, кто помянет имя покойного. Не забывается же оно потому, что оно дается уже дальним сродникам — правнукам и другого колена³⁷.

Сродник умершего человека, желая оказать печаль свою не только по смерти, но и при его болезни, не подвязывает пог и не подпоясывается, чем пред всеми жалость свою доказывает по больном своем сроднике. Сие и у остяков также в обыкновении.

Глава XVIII О рыболовстве

Рыболовство — первое у остяков и самоседцов пропитание — включает в себе большую часть их жития и экономии, потому что он, сызмала уже привыкнув к сим промыслам, под старость и отстать не хочет и совершенно, что великое множество зверей, хотя в их жилищах, шатающиеся, так их не оголодит и не приведет в нужду, как один недостаток рыбы. Оленные мужики, которые стадам своим не знают щету, равным образом жалуются на голод во время недостатку рыбы, как и бедные, кои и рады бы убить оленя, да нету. А богатой сносит тот же голод, претерпевает нужду, жалуется на недостаток, а олесей своих бить жалеет. Богатые там те и называются, у коих олсней множество. Они совершенно особливого рода, потому что в их обитает особливой род скупости. И так экономию их можно раздели[ть] так, что рыболовство их пропитание, а олени богатство заключают.

Начало одного рыболовства происходит в июне месяце; как река Обь вскрыется, тогда всякая рыба идет вверх по Оби из морских губ и заливов и заходит во всякие речки, уже в Оби впадающие и совершенно, что в полую воду; когда Обь великое пространство понимает, нельзя на ей промышленять никакими образами, кроме малых речек, проток и озер, но где таковых способных мест нету, там выдумали остяки особливое средство, т.е. под осень выбрав такое место, где на прок рыбу ловить можно, хотя бы оно было и каменистое, но лишь бы высокое, то накосом между лежащими на поднятых берегах камнями иколачивают глад-

кие небольшие кольца, чтоб тащущаяся по дну сеть за каменья не задевала, а по кольям катилась; таким образом вытаскивают сеть в целости с рыбою.

Летом же и зимою рыболовство производят по всем рыбным рекам, как по Оби, Сосве (над которою стоит город Березов), Казинне, Сыгве, Полую (над коим стоит Обдорский острог), Собе, Щучьей, Хайе, Надыму, Тазу, Пуру, Войкарской и прочим малым речкам и озерам разными, издревле употребляемыми к тому хитростями.

Рыба, какая в той стране имеется, значит ниже сего с самоедским, остяцким и вогульским названием:

По-русски	По-самоедски	По-остяцки	По-вогульски
Осетр	Enà	Joch	Schabý
Стерлядь	Chýrè	Kýř	Karäi
Муксун	Sjåmbungä	múchsun	—
Щокур	Hidtsahä	ischöhor	—
Пыжьян	Pålkur	Pýdzschä n Porcul	—
Сырок	Påi	Joroch	—
Таймень	Nehäi	ah	—
Хариус	Tujs	—	—
Омыль	Sjåugchalle	—	—
Кунжа	как и таймень	называется	—
Чир	Ihýchalle	Kägehull	—
Сельдь	—	—	Ený Schëm
Нельма	Sjåudä	Unsch	—
Налим	Njå	På nne	—
Щука	Pýrè	Sori	—
Язь ²⁸	Lýzi	Nelde	—
Сорога	—	—	—
Ерш	—	Lar	—
Омуль ²⁹	—	Chondzchínhull	Sýmí
Карась ³⁰	Touchalle	Mýlemchull	—

Вся выше помянутая рыба всходит вверх очень далеко, кроме сих трех: омуля, чира и кунжи, кои при море в реках и озерах остаются. Плавают обыкновенно стадами; подымаясь вверх, приплывают в Березов в июне, а в сентябре назад сверху возвращаются в те же морские губы и заливы, покуда некоторые из помянутых рек замирать не станут. Причины, отчего реки замирают, из тамошних жителей еще никто не разумеет; только известно, что замирают по большей части такие, кои не каменистые, как и самая река Обь,

которая с около лежащими реками замирает с половины генваря месяца, а Полуй, Надым, Таз и Пур в поябре. Прочие же — Собь, Щучья и Хайя не замирают, потому что, я сам известен, реки каменные, из которых в Хайе вода столь светла, что в омутах, думаю, сажень около двух малых рыбок можно видеть, как оне гуляют. В Щучьей же, напротив того, вода очень мутна, но среди самого лета столь холодна, что человеку четверти часа посидеть в ей не можно.

В первых, то есть в Оби с около лежащими реками вода мертва бывает по тех нор, покудова весною с гор не будет стекать свежая, в какое время вся стая рыбы, которая на низ уйтить не успела, пребывает у самых берегов и устьем малых речек и ключей, кои живостью из гор наполнены. В таковых местах тогда удивительное рыбы множество бывает, так что на малой воде друг дружку давит, а рыболовы ничем иным, как сетками, будто готовую, загребают. Чтож каснется до икры помянутых рыб, то примечено, что щуки выметывают оную в мае и июня в начале, выбрав за способные места в небыстрых реках, озерах и заливах; щокур и пыжьян осенью, в ноябре, в способнейших для себя местах рек, довольной камень имеющих. Икра же небезизвестно, что в осетре и стерляди бывает черная, в щокуре и налиме — желтая, в пыжьяне, язе и щуке — красная.

Теперь не неприлично, кажется, объявить и самую величину тамошних рыб, как осетры бывают от трех до десяти четвертей, стерляди в три четверти и менее, налим от одной до пяти, муксун от двух до трех, щокур также, пыжьян от одной до двух, щука и налим от одной до пяти, омыль от трех вершков до трех четвертей, кунжа от двух до четырех четвертей, чир от двух до трех четвертей, сырок от двух до восьми вершков, язь также, ерш от одного до пяти вершков.

Всю оную рыбу здешний народ с пользою употребляет, в пицу изготовляя; русские как самую рыбу, так и икру соленнем, а езигу сушением, зимою же сырую едят охотно, так, как и летом. А ясашные народы, остяки и самоедцы, по наименованию соли, следуют застарелому своему обычаю: из тела рыбьего, снятого с боков, делают поземмы, из спиннок и брюшков варят варку, кости же сушат, а напоследок изтолокши, в случае голода сами, а не то вареные со щербой дают есть собакам.

Налимы, напротив того, на низу в таком множестве ловятся, что народы их за презренную рыбу считают, того ради никак их не заготавливают, а берут только из их одну максу для варения жиру, а прочее кидают собакам, да и собаки их не едят. Я видел налимов превеликие кучи, около юрт набросанные, которые в жаркие дни гнили, отчего далеко от юрт воздух смрадом наполнили.

Клей вынимают из осетра и стерляди. Распорев брюхо и ополоскав его в воде, немного подсушив, снимают сверху жирную перепонку, а после варят в котле до тех пор, пока дова наверх сплывет, что значит поспелой, и закалывают в холодной воде, а потом сушат карлуками и лепешками, но самой лучшей бывает осетровой, а из других рыб не вынимают.

Что же касается до жиру, то у здешних обывателей можно почесть за самую нужнейшую вещь по всей стране к северу, ибо не только употреблением его в пищу довольствуются, но и в варении мыла очень пригоден, в делании из лосиных и оленьих кож юфтей, замши и белой ровдуги, да и в домах, за неимением свеч и сала, для свету пользуются оным. Вынимается из осетровых и стерляжьих брюшков и молоко, налимель максы, из муксуновых, шокуровых, сырковых, нелемчих, язевых, омылевых, и чировых кишок, но самой лучшей бывает наликий и всем прочим предпочтается.

Не излишнее почитаю предложить читателям и о цене в Березове, на продажу обыкновенной: осетрины пуд 40 копеек и дешевле, муксун, нельма, пыжьян, шокур и сырок по 25 коп. пуд и менее, а временем, за малым промыслом, неотменно и дороже быть должно; клею фунт от 15 до 28 коп.; везига из одного осетра — по копейке, жиру от 50 коп. до одного рубля пуд.

Теперь приступаю я к самому рыболовству, как какую рыбу, каким образом и какими притом средствами промышляют, из коих первой обыкновенной и всем известной невод у всех почти остяков и самоедей в употреблении, от июня до сентября ходит непрерывно, как и кылыдан — сеть, сделанная наподобие мешка, шириною сажени в полторы, более и менее, длиною же в сажень, у которой нижнее основание жердь, к коей отверстие сети пришито, и для

тяжести на половине жерди привязан камень, чтоб жердь шла по дну; к камню привязана веревка и продета сквозь кольцо, у верхней половины отверстия имеющееся, коею (веревкою) он, едучи в лодке, всю сеть за собою тянет. Вверху у сети, на четверть от кольца, привязывается другая тоненькая веревочка, которую он в руке держит меж пальцев на слабке, чтоб все ему было чувствительно и так, когда рыба, взойдя в кылыдан, торнется в сеть, то промышленник, помощью маленькой веревочки, почувствует, что в сеть вошла рыба, тотчас опускает из рук оную, и к жерди привязанную толстую веревку вытаскивает из воды с сетью, чего ради опущенная тоненькая веревочка не препядствует сети тяжестью воды опуститься кольцом по толстой веревке до самой жерди, чем сеть сверху рыбу прикрывает и не пускает вон выйти. И так сими двумя средствами промышленники осетров, нелем, палимов, муксунов и шокуров.

Летние бережники делаются обыкновенно запором; когда рыба вверх идет, от берегу сажени на три и более, у коего на стороне в глубь привязана морда, отверстием своим вниз реки стоящая, от оной морды вниз по реке делаются небольшие прясла, коих при конце стоит другая морда, и так, естли рыба, идучи вверх, в запор упрется, то по стене сходит на глубь реки и ежели не попадет в первую морду, то обошед, в другую неотменно попасть должна, в той надежде, что тут пройти можно. Промышляют летними бережниками в июле, августе и сентябре, а зимними, таким же образом сделанными, от октября чрез всю зиму даже до апреля месяца.

Когда же рыба зайдет в соры или протоки для своей пищи, то делают запоры, у коих хозяин сколько хочет делает воротец, куда проходить рыбе, но в самых воротах ставит или морду или важан для осетров, сети так называемые, сделанные мешком таким же образом, как кылыдан, только с тою разностию, что с оным сидит на одном месте, которое он заранее изготавливает над воротцами, чтоб ему сидя ловить было ловчее, а прочее совсем на то похожее, ибо основание важана также на палке, к коей к середине привязан для тяжести камень, к той же палке к середине привязана другая, которую промышленник держит в руках, уперши нижним концом в землю, чтоб важан не снесло водою, а

верхняя половина важана к сему колу привязана веревочкой, а нить, по которой взойдшую рыбу узнуть бы было можно, привязана к пулику важана; и так лишь только взойдет рыба, то нить зашевелится, и рыболов помощью шеста вытаскивает нить с рыбой. Сие происходит, когда рыба из соров назад возвращается, т.е. в августе, сентябре и октябре месяцах. В таких же запорах у воротец становятся также пуши, такие же, как морды, у коих жерло очень широко, а там что дале, то уже, и длиною бывает иногда сажен около двух печатных. И так, зашедши рыба в воротцы, водою уже забивается в узкой рукав, которой концом привязан к воткнутому большому колу, коим после и вытаскивается. Оными по большей части в полую воду промышляют.

Бары называются запоры, которые городятся чрез всю реку, чтоб рыбе нигде проходу не было, кроме одного окна на запоре, к коему привязывается также морда или помянутый пуш.

Обской ез делается чрез всю реку стоячим лесом, какой делают на заливах и других реках. Оной хозяин также насколько хочет, настолько разделяет присел. И так всякая рыба, не имея проходу, пойдет по оному искать места, где б пройти ей было можно; однако, пришед обратно к пряслу, видя, что вода туда протекает свободно, проходит и она в ворота, и напоследок в морду попадает, откуда рыбак уже вытаскивает чрез нарочно сделанное на боку окошечко. Оно бывает от октября до генваря месяца. Земляные, напротив того, запоры делают с самого начала весны таким же образом и стоят с полою водою, которою запирают и поле и выпускают в октябре и ноябре месяцах.

Переметами промышляют одних только осетров в июле, в августе и сентябре месяцах, хотя, правда, и палимы и большие нельмы попадают. Сие не дивно, что всякая рыба во всякие снасти за своим множеством попадает, хотя бы были и осетровые, но часто и малой муксун за то же ж уду хватает. Простая сия снасть перемет остякам столь много приносит прибыли, что можно почесть лучше всех промыслов прочих мог бы остяк обогатиться, естли б оная рыба по настоящей цене там продавалась. В сорок копеек и менее пуд осетрины продается, уже от русских березовских

жителей, которые от остяков целыми осетрами или за долг, или за несколько листов табаку, или за несколько чарок вина получают. Из сего всяк заключить может, сколь велико в Оби рыбы множество и что тамошние народы в довольное время самым лучшим куском гнушаются, а в голодное время и костей не покидают.

Гладкое бревеншко, к косму навязаны друг подле дружки на долгиных веревочках удочки, коих и по 12 бывает, а каждую удочку наживляют для приманки из мелких рыбешек маленькими кусочками, за которые осетр, схватя, на уду попадает, а промышленник переметы раза по четыре и по пяти осматривает, и для того инде осетров снимает, инде наживу иль новую накладывает, иль стару оправляет. Нередко случается, что на каждой уде по осетру вынимают, но редко, что пуст возирается. Язевые и стерляжки бывают переметы, только те с начала весны стоят вплоть до осени.

В реках около Березова, Сосве, Казенне, Сыгве и по другим местам осенью, в сентябре месяце, ездит по одному и по два человека в небольших и легких лодках и зажигают бересту на долгих шестах, которые держат перед носом той лодки. Рыба тогда к берегам обыкновенно на мелких местах между камешником становится, то по светлости того огня колют острогами налимов, щукоров и пыжьянов.

Сосва река такая, в коей красной рыбы не бывает или, по крайней мере, редко заходит и в самую водополь, хотя она также в Обь впадает. Того ради по всей оной реке простыми средствами промышляют и легкими, как например, маленькими запорами, в коих также ставят морды; но поскольку тут по большей части бывает белая рыба, то летом более ссытми и добывают; но во время мертвой в реках воды, когда рыба у свежунов, с гор текущих прибавляется, как выше показано, то делают досчатые запоры для ряда против свежуна, меж коими насыпают земли и крепко утаптывают, а по сторонам привязывают морды, куда рыба попадает. Сие случается в марте, по большей части в то самое время, когда уже вода начнет освеживаться и рыба от берегов в реку отходить станет.

По рекам же, речкам и озерам ниже Обдорска и около моря, как в реках Войкарской, Щучьей и Хайе, по укреп-

лении льдов делают небольшие шалаши над пролубками, в кои опускают нарочно сделанные для приманы деревянные рыбки, маленькие на тоненьких веревочках с камешками и, как к оным манщикам подойдет рыба, то колют острогами щук и прочее. А у небольших запоров опускают на дно с камнем белые доски, и кои на те доски всплывут, тех колют острогами ж.

Самоедцы в летнее время в рсках Тазу и Пуру также и в околослежащих при море озерах и других малых речках промышляют неводами; и у кого нет сетей конопляных, то делают из талового лыка, а веревки плетут из мелкого колотого талу и таким образом ловят в сентябре и октябре. Они называются яченицы, длиною сажень по 40, и становятся их на небольших речках и озерах, около моря в тундреных местах лежащих: в полую воду и по подледью ловят пыжьянов и кунжей, так, как ниже Мангазеи пушальницами.

Прочие остяцкие рыбные промыслы самоедам, думаю, не неизвестны. Того ради они в случае нужды, или вместо забавы тем подобными ловить также рыбу не не стараются.

Глава XIX

О звероловстве

Зверей около Березова и далее к Северному океану по тундрам годом имеется очень довольно; но прежде, нежели я приступлю к самым промыслам звериным, должен упомянуть остяцкое суеверное примечание, которого они иногда желают, иногда всеми силами избыть стараются. Ввечеру, когда остяк на промысел наряжается, то очень желает, чтоб ему чихнулось, почему он уже верно счастливому поутру промыслу быть надеется; естли же утром, против его чаяния, ему чихать захочется, то он не знает, как бы ему оного избегнуть, крестится всячески, суется во все стороны, но когда не удержится, горестно взохает, сказав: «Ах, зверь у меня пропал». Чихотку также свою разделяет на разные роды: естли чихнет тихонько, то мало о том тужит; естли же шибко, то, почитая, что зверь у сво был хорошей, так досадует, что тот день из юрты вон не выходит.

Звери, какие там бывают, суть: медведи черные, которые, однако, все согласно говорят, что не тамошние природ-

ные, а заблудшие, почему их мало там и бывает; волки серые в великом множестве зимой и летом шатаются по тундрам и много губит оленей; лоси, росомахи, бобры по рекам только около Березова, выдры, соболи, белки и изредка бурундуки, лисицы, песцы везде по тундрам около моря и на самом океане, горностаи и изредка ласки и множество оленей.

Медведей ловят скрадом, стреляют из луков стрелами и из винтовок пулями. Когда же найдут его в берлоге, то вход оных закладывают лесом и засовывают на двух деревьях железные костыли, кои за верхние концы держат, чтобы его не выпустить на волю, а между тем сверху той же берлоги прорубывают большую дыру, чрез которую колют его копытами; также на тропах ставят настороженные луки, от коих проведут по тропе тонкую нитку, за которую задев, медведь передними ногами получает себе стрелу в самую грудь навстречу; когда же давит рогатого скота, то пад падежом строят лабазы, с коих в его стреляют.

Впрочем, все сии средства не тамошних народов, а такие, кои в России употребляют, да и медведей ниже Березова, где русских нет, мало видают.

Волков отравляют заквашенною чилибухою в мясе или рыбе. Промышляют настороженными капканами, коих к нитке привязывают мяса или рыбы, так что лишь только волк дотянет за нитку, то захватывает его капканом либо за лоб, либо за нос. Ловят так же, как и медведей, становя луки на тропах со стрелами, потом ловят клыцями, кои более становят на тех местах, где волки бьют оленей.

Лосей промышляют зимою, гоняя по толстому снегу, а весною по насту собаками; и как он, утомясь, останавливаться станет, то человек близко к нему подходит и стреляет из лука. Весною же и осенью зарубают засеки и становят настороженные луки.

Рысей промышляют луками над падежом.

Росомахи в тамошнем уезде бывают черные и с белыми боками, коих ловят так, как волков, одинаково. Бобры бывают карие и рыжие, от их же копытки называемые, молодые, т.е. однолетки, живут в воде при небольших речках и озерах, в норах, из речек проведенных в материк до самого гисзда, над которым вверх прорывает маленькую

норку для прохождения свежего воздуха. Промышленники ходят зимою искать оных с собаками, которые, нашед по духу его жилище, промышленник делает со всех сторон в воде запоры, чтоб ему никуда уйтить было невозможно. Притом устье норы загораживает кольем, а сверху разрубает помянутую норку топорами и пешнями и, разрубив, привязывает собаку за задние ноги и пускает в нору, которая, задавив бобра в норе, хозяин тащит ее за ноги, а она тащит бобра из норы; в противном же случае, если собака бобра в норе не застанет, то промышленник у запору делает пролубь, в которую бобр для воздуха принужден бывает выскочить, и он тут его хватает крюком. Еще ж их ловят в полную воду по рекам во время утренней и вечерней зори, плавая в лодках и, нашед его на берегу, стреляют из луков фальшивыми стрелами, к коим привязано слабо на долгой веревочке с зазуброю конейцо, которое, попав в его, с дерева спускается, и он с им уходит в воду, а дерево плавает на веревочке; и так промышленник, приплыв к плавающей наверху стрелке от ее по веревочке находит и бобра, куда он скрылся.

Выдры большие и малые, шерстью карие и рыжие, ходят по малым речкам, где больше полых мест и ржавцов, где оне на берега выходят; тут на следах промышленники становятся пастороженные луки, когда же от воды далеко отойдет, то достигают собаками и на лыжах и бьют палками.

Соболей промышленляют по тонкому снегу собаками, на дереве стрельбою из луков, в норах и в дуплах обметывают сеть; также из дуплей выкуривают дымом.

Лисицы находятся седые, чернобурные, красные и бело-душки, коих промышленляют; сделав из снегу бугорок, приманивает, сперва разбросав в разные стороны рыбных костей, и как лисенок повадится к тому месту, то он впредь закапывает кости в самой бугорок и примечает, как он есть их станет, стоя или лежа; таким образом на боку от того бугорка выкопает ямку и ставит самострельной лук, которой после опять заваливает снегом, чтоб не видно было.

Весною же, когда лисицы щенятся в норах, то промышленники те норы разрывают и берут малых щенят, коих кормят у себя дома, покудова хорошая шерсть вырастет.

Сверх того ловят также кляпцами, капканами, слобцами, луками на тропах и отравою.

Песцы бывают двойные: одни голубые, другие летом бурые, а зимой белые; водятся в тундрных и поморских местах, около ручьев на небольших бугриках, в норах, множество отнорков имеющих, кои, найдя, промышленник слушает перво, есть ли в ей зверь или нету; когда же не приметит, то деревом или рукою тотчас поскребет над норю, сие песец, услышавши, думая, что другой зверь лезет в его нору, тотчас подаст голос, что промышленной, услышав, ставит тут черкан³⁹, в которой песец при выходе из норы попадет. Летом же мужики и бабы копают норы из оленьих рогов нарочно сделанными лопатками и, докопавшись до зверя, берут за хвост и бьют головою о землю, напоследок промышляют так же, как волков или лисец.

Белок осенью по гонкому снегу следят собаками, и когда собака найдет на дерево, то стреляют тупыми стрелами или тамарами и из винтовок пулями; также промышляют планками с наживою мясною или рыбьею.

Бурундуки серые с черно-желтыми полосками бывают длиною не более трех вершков; промышляют так, как и белку.

Оленей промышляют разными образами: 1) Гоняют по толстому снегу в лесах на лыжах и стреляют из луков и винтовок. 2) В тундрных местах увидя самоедцы довольно диких оленей, выбирают на высоких горах плоские холмики, на которых ставят своих сзжалых оленей на ветреную сторону, а от оных оленей начинают ставить к шестам нарочно привязанные на долгиньких веревочках гусиные крылья, по-ихнему лапки⁴⁰ называемые, кои на ветреной стороне расставляют друг от дружки сажени по четыре и по пяти, а далее и по десяти и до тех пор устанавливают, покуда увидит, что олени по ветру дух человеческой обонять могут; потом с другую сторону против ветреную сторону ставит такие же лапки от саней, уступя сажени на пятьдесят, до тех пор, пока уже против самых оленей поровняется, ибо тогда он не боится, что ветер нанесет человеческий дух на оленей, а олени, собирая мох, того и не видят, да и правда, что олени менее глазами видят, нежели как духом обоняют. И так постановя лапки с одну

сторону, ложатся несколько человек в снежные шанцы не в очень дальнем расстоянии от санков, а по другую сторону скрываются стрельцы с луками и винтовками, кои и называются у них особливим именем — варданы. Между тем, несколько человек заезжают в даль, чтоб оттуда погнать оленей к санкам прямо между расстановленных лапок. И так олени бегут тою проталиною, видя с обеих сторон страх от лапок, ветром веющих наносимой. Бегут прямо на санки к неезжаемым оленям, а скрывшиеся в шанцах люди встают и чем попало машут, кричат и всячески пугают, чтоб с своей стороны отогнать на другую к варданы, которые приблизившихся оленей сколько можно стреляют и побивают. 3) Еще ж бывает, что оне, приметя стадо оленей, выбирают какую-нибудь горную сопку, которую обставляют кругом своим обозом и на шестах вывешивают платье и все, чем бы олень мог пугаться. А между тем, сделав пространной проход на гору, с обеих сторон опять расставляют лапки и несколько человек сзади загоняют оленей в оной проход на гору и, когда вбегут оне, то оной проход задергивают еще санми, чтоб назад нигде не могли выбежать. И так олени, видя себе отовсюду страх от развешенного платья и веющего крылья, бегут вокруг холма той сопки, а стрельцы между тем в них стреляют, так что редко случается, чтоб хотя один из них выбежал, но всех побивают, сколько б захвачено ни было. 4) Летом, когда бывает сильной комар и пауты, то олени выбирают прохладные ключи, где б им ложиться было можно, и тут стрельцы стреляют скрадом из луков и ружей. 5) В сентябре и октябре месяцах промышленник, увидя стада диких оленей, берет с собою из своих нарочно к тому обученных оленей пяток, при коих находятся также и телята двухгодовые и годовые; из тех пяти оленей одного пускает наперед на долгой веревке сажень в 20, а конец привязывает за пояс, других ведет он по сторонам также на веревке, по два оленя на стороне, за пояс же привязанные, которые один за другим идут порядочно; и правда, оне столь привычны, что ежели мало разрознитившись, не так пойдут, то не допуская до того, чтоб он еще веревкой поправил, но только лишь взглянет, то олень, догадавшись, что не так идет, как хозяину надобно, сам поправляется, а промыш-

ленник идет, наклонясь между ими даже до самого табуна диких оленей и, приблизившись к оным, стреляет из луков и ружей. Осенью, когда олени гонятся, то промышленники по одному и по два человека ездят на оной промысла диких оленей, выбрав с собою крепкого и сильного кормового хара⁹⁶ или несладенного оленя и, наехав табун, оставляет санки, а хару, навязав петлю на рога, укрепя подде самого рогов корня и расправя по рогам, где надо привязав худенькими ниточками, чтоб после порвались, а петля б прежде времени не спустилась. И так подводит своего оленя к табуну, и он, увидав стадо, побежит к оному, а оттуда выбегает такой же хар, и они, сразившись, начнут бостися и до тех пор бодутся, пока один друга не осилит; однако дикой олень во время борьбы срыгает петлю с кормового на свои рога, и когда побежден вздумает бежать, то кормовой хар тотчас свои рога утыкает в землю и его сдерживает и не пускает, а между тем промышленник, набежав, убивает дикого.

В стадах, по тамошним тундрам, диких оленей бывает от десяти до двухсот, но прежде сего незадолго видали такой табун, в коем более трехсот положить надо.

Олень — зверь столь пугливой, что в тундре иль в лесу от треску малого под его же ногою изломавшегося деревца и от воющего лесу пугается, чего ради в таком случае бежит по лесу прочь сильною рысью, задние ноги закидывая за передние так, что иногда по мере примечено по аршину меж копытами расстояния; рыщет, подняв короткой свой хвост кверху, заламывая голову, положа прекрасные большие свои рога на спину, спереди представляет вид неприменного иноходца, а сзади на его смотреть — так, как разбитую клячу, которая, отбив у себя ноги, бежит раскорякой. И так испугавшись, бежит далеко и долго по тундре бегают, но столь опять любопытен, что не преминет после, чтоб ему не прибежать к тому ж месту и не посмотреть, чего он испугался. Иногда таким образом раза по два и по три прочь убегает и опять на то же место прибегает для свидетельства, а между тем, покудова он по тундре от страху бегают, промышленник перебирается на то место, куда оленю прибежать должно, где он его прибежавшего застреливает из лука или из винтовки.

Самоедцы, когда промысят дикого оленя, то перво всего отрежут ему уши и на том месте, где сняли с его кожу, кидают в знак благодарности тому зверю и для счастливейшего впредь промысла. Голову и ноги с мозгом едят сырые. Глаза закапывают в землю в такое укромное место, где б ни бабы, ни взрослые девки не шатались. Иначе, если баба перейдет, то у их за грех и великое несчастье в промыслах почитается⁴².

Средствами, какими зверей ловят, суть разные, из коих первые, слобцы, делаются следующим образом: с двух сторон делают огородец улочкою ширины меньше полуаршина, а поперег уловки вершка на три вышиною от земли делается поперечинка, которая ниже в коле с обеих сторон устанавливается; сверху накладывают плоское бревно, задним концем на коле утвержденное, передним же нистораживается, будучи поднято кверху, лежит на спине, в развилину первого кола ущемленной, которая одним концом поддерживает бревно под поперечину, в бревно утвержденную; к другому же концу спицы привязана насторожка, верхним копчиком в кол упертая, а нижним за первую меж колеб невысоко от земли па лже установленную поперечинку, чтоб бревно прежде времени не спустилось, за которой кладется прутье и другая примана, а как зверь или птица взойдет зацепит за поперечинку и из места ее вышибет, то насторожка соскакивает, а бревно, опустившись, принавляет добычу. Оным ловят зайцов, лисиц и тетерь.

Куронсес⁴³ делается на столбиках, в землю врытых, вышиною от земли на пол-аршина, чтоб во время погоды его не зашело снегом. На столбиках стелют доски длиною в сажень ручную, а шириною в пол-аршина, по бокам также огораживают дощечками шириной в четверть. Сверху делается такой же гнет бревенной, у коего исподняя сторона обтесана в пласт; задней конец оного утвержден на столбике. На половине пола кладется нажива из сухих рыбьих костей или мяса, а на наживу кладутся две круглые палочки или скалки длиною вершка по два, а толщиною в палец. На оные палочки кладут небольшую дощечку, с нижней стороны опустистую, на которую ставят сторожек не толстой, длиною в пол-аршина и менее; на оном сторожке устанавливается гнет, и как зверь войдет в куронсес и, нашед

наживу, станет доставать, тогда палочки из-под опупистой дощечки покатытся, сторожек выпадет, а гнетом придавит. Попадается в куронсес всякой пушной зверь, как: волки, лисицы, росомахи и песцы.

Плашки или пасть, известное средство, коим в России мышей промышляют, но та только разность, что здесь на белок и соболей ставят таковые. Внизу кладется доска, а сверху другая, кои обе содержатся на одном коле; над опыми сделаны рели, покою подобные, коих к верхней перекладине привязывается сторожек, которой верхним своим концом поддерживает верхнюю доску, а нижним задевается за зарубку тоненькой дощечки, такую же длиною, как и самые доски, привязанною к тому ж колу, на котором помянутые доски утверждены; под тоненькую дощечку кладется нажива, которую, когда зверь трескать будет и чуть лишь пошевелит дощечку, то она упадет, сторожек выскакивает, а верхняя доска зверя придавит.

Засека делается, как горюдьба из кольев, а между ими оставляется проход, в коем становятся либо луки, либо утверждает сверху кольев петлю и оную расширяет, а как зверь в оной проход пойдет, то либо в петлю попадает, либо, задев за спинку, натянутой лук спускает и стрелу прямо себе в грудь получает. В таковые засеки заходят олени, лоси и медведи.

Морские звери, кои самоедкам только известны, суть белые медведи коих жительство оне неправильно в воде полагают, но он только себе там пищу добывает и по воде плавает и ныряет, а часто его и по берегам промышляют. Около Мангазеи и Туруханского монастыря, что на Енисее, такое их множество, что в ином месте столько не сыщется черных, сколько там по рекам и по тундрам, от моря отдаленным, их промышляют; там оне очень смиренны и с коровами так, как дворовый скот, вместе ходит. Причину тому мне сказывали, будто бы им есть запрещение от святых мощей Василия Мангазейского, чтоб скот не губили. Самоедцы их промышляют, нарочно разъезжая по берегам Северного океана, по когда и незначай близко наехать случится, то кидается он на человека, естли же далеко, то убегает; напротив того, когда увидит в лодке плывущего, то и издалека за человеком гонится, желая как бы лодку опрокинуть. На сухом пути по его непо-

воротливости легко промышляют иногда скрадом из ружей и из луков стрелами.

Моржи хотя не более трех сажен ручных бывают, однако по сказкам промышленников из всех морских зверей суть величайшие. В верхней челюсти имеет два зуба, четверти в три, посредством которых он выпалзывает на берег или на лед, где спящего его или отдыхающего колют носками, имеющими на конце немалые зазубрины. Ног он не имеет, а только одне лапы; и на берег же выпалзывает, закинув назад шею, и, утвердя в лед или в берег большие свои зубы, так вытаскивается. Когда его найдут таким образом спящего, то промышленники подкрадываются с носками, на долгих ремнях привязанными, коих другой конец привязывает к пню или коду, в землю утвержденному⁴⁴; и когда носок в моржа воткнут, то он, испугавшись, совсем пустится в море и, дошедши до глубины какого места обессиливает, откуда его опять на берег вытаскивают и добивают.

Зайцы морские, нерпы или тюлени разных родов находятся, на которых большие самые не более двух аршин бывают. Шерсть малая, пестрая и серая, стреляют у приглубых и гористых мест около моря, морских губ и рек, подкравшись, из луков стрелами, а иных и так находят, погодою из моря выкинутых. Зимой же, когда реки льдом покрываются, то оные звери проделывают пролубки, из коих на вольной воздух выходят, а промышленники подле оной пролубки кладут небольшую доску, а с другой стороны сами в сне[г] неподалеку от оной зарываются; и когда тюлень выйдет из пролуби, то оне доскою на долгом ремне задерживают пролубь и тут его бьют палкой или ножом колют.

Белуга⁴⁵ зверь или рыба, у самоедцов в немалом сомнении, однако оне более за зверя считают, нежели за рыбу, доказывая зверёвым подобные ее части: голова продолговатая, глаза малые, круглые выпуклые, ушей нету, а только одне дырки, шеи нету же, туловище поперек толще, к голове покاته и к хвосту гораздо тонее, кожа толщиною человеческой подобна, беловатая, слизкая, перьев нигде нету, на груди имеются две лапы, жиром наполненные, в коих имеются пять косточек, извне означены пятью будто ноготками, к груди тоньше — в человеческую руку, а наружу шире —

лопаткой наподобие ладони; под брюхом имеется детородный уд, от которого не в отдаленности имеются две титьки, как коровье вымя, молоко белое, детородный уд длиною вершков более десяти, а толщиною в руку пониже локтя, собою вострой, как у быка, мясной, без кости; хвост хрящевой, плашмя, не как у рыб, но как у рака, которой она, подгибал под себя, воду назад попирает и так плавает. На затылке имеется дыра, в которую набравшую в себя воду вон выбрасывает вверх сажени на три, зубы ровные, клыков нету, мясо черное, как уголь. Дети ее рождаются кожей чернее против матки, рот невелик кажется, но когда зевнет, то обширностью своею удивляет самоедцов. Жир ее очень чист и прозрачен, как масло. Оную, когда увидят зашедшую в залив, по большей части в июле месяце, то самоедцы, собравшись от 50 до 100 человек, выезжают на устье того залива и гонят оную до самого тупика на мелкие места, где колют ее копытами.

Киты в промысле у самоедцов никогда не бывают, но только сильною погодою на берегах выкинутых из моря, мертвых находят.

Глава XX

О птицеловстве

Птицеловство начинает быть в начале самой вешней оттепели, когда снег растаивать начинает по водопольным местам, где к скорейшему растаиванию снега сыплют также и золу; и лишь только вода на таких озерах окажется, то и птица прилетает всякая. Подле такого озера делают нарочно снежной шанец или стапок, у которого на все стороны имеются окошечки, из коих стрельцы стреляют из винтовок пулями, с которую бы сторону птица не прилетела. К большому приману птицы имеют оные промышленники запасенные уже чучелы, кои становят на воды и к коим птица больше скопляется. Удивительно, что птица, гуси или лебеди, лишь только садут подле таких манщиков, то тотчас начинают с ними драться. И если бы ей однажды спастись от сего обману случилось, то впредь разве в другие средства попадет, а к сим манщикам никогда уже близко не подойдет. Наиболее стреляют

на таких местах крупную птицу — гусей и лебедей, а прочих разве по нужде.

И так покудова оттепели бывают, охотники промышляют только сим вышеписанным образом, но когда воды уже гораздо больше распольются, то и птица, покудова не улетит на гнезда, водится на одном месте до самой глубокой весны, пользуясь озерною водою, перелетая с одного озера на другое. В таком случае охотники от одного до другого озера вырубают лес пространно перспективною, косю бы утки и проч[ие] с озер[а] на озеро способнее перелетали; таким образом, налету в сумерках разстонавливают сеть, которую распяленную на высоких шестах за тетивы хозяин держит на слабке, и лишь только птица, одна или много, в сеть торнется, то сеть опускается, и она запутывается. Таковые сети называются перевесы, и вместо того, чтоб говорить — промышлять перевесами, говорят: сидеть перевесом.

Другое средство, во всем сему подобное, называется кыскан — такая же сеть, но с тою только разностию, что оною и в ясные дни промышлять можно, как и ниже сего явствует, ибо вся сеть лежит на земли на кольцах раздернутой, и когда птица полетит, то он, со стороны видя, что уже близко находится, того ради вздергивает кыскан; и птица, не успев так скоро вверх подняться, вся в его попадает. Между тем, лишь только еще торнется, то кыскан весь по кольца сбегает в кучу; того ради и во время множества попавшихся птиц не могут так скоро кыскан прорвать и вон вылететь, но когда же случится, что все пролетят поверх кыскана, то в запас неподалеку становают чучелы, и в таком случае остяки столь искусны в бересту кликать по-гусяному, что никоим образом распознать нельзя. Того ради лишь только пролетят, то он и начнет в бересту кликать, а гуси, услышавши гусяной голос, опускаются ниже к манщикам, как к товарищам, и, плавая издалека, опять в кыскан попадают.

Около Самаровского яму наиболее промышляют понжами, сетями так называемыми, которые длиною бывают сажен в 20, а шириною в две. Оную расстилают на песку, где гуси более садятся, а человек скрывается в стороне в нарочно сделанном к тому огородке, держа в руках веревки, на которые сеть с обеих сторон надета, а после не в отдаленнос-

ти укреплена в кол, и как гуси на сеть садут или найдут, то промышленник дерщет за веревку, и сеть вся в мешок собирается, а гуси в ей запутываются.

Впрочем, можно сказать, что птицы во все лето бывает здесь такое множество, что большая часть Березовского уезда запасом оных довольствуется чрез год целой. Прав[да], что хотя из крупных птиц, гусей и лебедей не столь много засолить случится, потому, что в одно только начало весны и промышляют, однако уток столько много на каждого достается, что и на другой год вон выкинуть останется.

Разных родов хотя и немного, однако стада бывают великие, как доказывает удивительное множество прилетающих и отлетающих гусей и лебедей и ужасная по водам чернь уток и разных прочих птиц. Из всех родов бывают, исключая гусей и лебедей, казарки, чагвои, турпаны, сынги, чернеди, соксуны, полухи, гоголи, свищи, савки, чирки двух родов, селезни, крохали, лутки и прочие, в пищу употребляемые птицы.

Прочие: сукалены, турухтаны, стерки⁴⁸, журавли, а ггары разве невзначай попадутся, а нарочного старания к промыслам таких птиц никто не прилагает.

Глава XXI

О состоянии всей тамошней страны, погоде, травах, северных сияниях и светлости

Что касается до состояния всей тамошней страны, то думаю, каждому небезызвестны беспокойного севера перемены. Правда, хотя и в самом деле город Березов можно положить в северном градусе, как самое место доказывает, однако погоды по своему непостоянству так часто переменяются, что иногда не в свое время случается великая стужа, иногда среди глубокой зимы мосты от оттепели до земли оголяются. Прошлого 1771 года лето столь было жарко в городе и жителям беспошно, что не только самые старики не помнят такого рода, но и молодым было для памяти, затем, что оне последних своих огородных овощей, коих и без того родится там мало, принуждены были лишиться. Наивящие же жары были под осень в августе и сентябре месяцах, а после вдруг север столь проворно поворотился с

своею стужею, что в середине октября и реки становиться начали. Меня в сие лето в Березове не случилось, а был в дороге к Северному океану и для того не мог жаловаться на сии несносные, как мне сказывали, жары, а находился в числе почти тех знобких людей, кои и зимою из шубы не выходят. Хотя у меня было и лето, однако я не скидывал ее, кроме пяти дней, в которые от северного жару пот в себе почувствовал.

Травы хотя и родятся около Березова, и лесов всяких довольно, то тонкость их и малость доказывают особливость тамошнего климата. Триста верст считается от Березова вниз по реке Оби до Обдорского городка, где уже лес ни к какому строению не годится, а при впадении реки в Обскую губу уже и никакого нет, кроме талу. Самое последнее дерево к северу растет лиственница, которая около двухсот [верст] в северо-западную сторону на реке Щучьей кончится, откуда начинаются уже чистые тундры и на мокрых местах ничего не видно, кроме моху и разного рода тальника вышиною менее аршина. Травы, напротив того, ниже Обдорска около реки и на мокрых только местах имеются, а на тундрах ничего, кроме сухих холмиков, на которых мелкие всякие особливые растут травки, да и те недолго, ибо естли слишком непостоянной год выдастся, то не цветут более трех ден, так, как мне сказывали тамошние жители. Один, дескать, день вырастает, другой цветет, а в третьей пропадает. Да и правда, что естли северной ветер потянет, то уже редкие травы в целости останутся, во-первых, что холоден, во-вторых, что и перестает нескоро. В июле месяце я имел от северного ветра такие морозы, что не только поля все заиндевели, но и у меня в чуму вода в лотке заморозала, что очень служит доказательством холода северного ветра.

Что ж касается до животных, то во всей тундре, кроме оленей, лисиц и песцов, зимою не найдется, а прочие, кои любят потеплее, те сюда, ближе к Березову, и водятся. Из домашних же одне коровы, кои в Обдорске живут до пяти лет немногие, а лошади ниже Березова отнюдь быть не могут. Были охотники, что на [с]удах в Обдорск лошадей завозить пробовали, но и году не пользовались своим вымыслом. Свиней и овец березовские богатые некоторые содер-

жат по малому числу, да и то не надолго, ибо оне там плодятся худо; корму для их мало, потому что и хозяева довольствуются привозным запасом с купли; притом же должно их всегда содержать взаперте, иначе через час и костей на найдешь, как собаки растащут с своею игрою. Здесь, кажется, не непристойно упомянуть и об обычае тамошних собак, коих там множество, потому что зимою оне вместо лошадей служат и в дальние дороги и в лес по дрова. Оне когда голодные во время недостатку рыбы (как и остяки от сего более голод претерпевают), то так смиренны, что не подумает и залаить, а когда сыты, то то и дело, что играют. Того ради и со скотом перво играют, а потом всего растерзают, коли отбить никого не прилучится. Каждой день необычным там людям наведут чрезвычайную скуку своим воем, которой по всему городу раздается таким образом: сойдутся собаки три или более, перво подерутся, потом начнут выть, что услыша прочие собаки то ж подымут; и так во всем городе делается такой вой, что из конца в конец персходит, будто караульные перекликаются, стоя на караулах, крича: «С богом! Ночь начинаем». В кошках я особливости не приметил, но бывают всякие, как белые с черными и рыжими пятнами, серые, черные и совсем белые, кои водятся также и в Обдорске.

Петухов и куриц для яиц содержат, некоторые только с великою от собак осторожностью.

Тараканов и сверчков во всем Березовском уезде нету, а начинаются оные от Самарского яму, что больше 400 верст выше от Березова. Клопов у русских довольно, блох мало, а у остяков много, также и вшей. У самоедцов, напротив того, блох нету, а вшей со излишеством.

Вся сия сторона, хотя болотами преизобильна и на болотах устроена, однако лягушек нигде не видно, как и змей, а редко видеть случается одних ящериц, которые только одному Березову известны.

Впрочем, сколь скудная сия страна во всю зиму, так что описать нельзя, столь, напротив того, весело в ей жить, начиная от весны до самой осени, так что изобразить невозможно, по той причине, что зимою там почти свету нету, а бывают они около Николы не более трех или четырех часов, в кои при свете писать можно. Летом же, напротив того, и днем и

ночью такая светлость, что не только читать и писать можно, но между ранним вечером и ночью почти различия нету, и без привычки на первой случай уснуть нельзя. Самое солнце в Обдорске не более часу из глаз скрывается, и то за одну высокую сопку закатается, из-за которой видеть его нельзя, иначе во всю ночь катится по горизонту, как превеликая кадка, на которую прямыми глазами смотреть можно; и светлость его немало не препятствует себя видеть; наконец, и места хотя в самом деле негодные, но при таком ночном сиянии кажутся весьма приятными.

Кто желает сими приятностями наслаждаться, то пускай сам туда съездит, тогда увидит и мне поверит, сколь прелестное летнее тамошней страны состояние.

Северные сияния там не в большом почтении и не за великую особливость считают, потому что там и зимой и летом часто случаются, а особливо под осень. Простые северные сияния очень неувидительны, но которые с немалым треском и большим шумом зимою случаются, те часто приводят зрителей в удивление, ужас и предугадание. Тотчас после таких пойдут у их переговоры, перенятые от русских невидальцов, и всяк предбудущее по своему разуму заключает, но таковым заключениям здесь места нету, а для курьезности приложу одне мнения тамошних господ физиков, отчего оне происходят. Иные говорят, что солнце в море купается, и оттого свет оказывается и скрывается, а треск значит, когда оно о воду ударяется. Иные сказывают, что море горит в то время, и от его волнования происходит сей стук и движение колумнов.

Так наши остяки свою физику толкуют.

Об оленях

Богатство северных жителей, как остяков и самоедцов, не называется богатством иметь разные достатки, но у них тот и богат бывает, кто сегодня сыт, а завтра голоден не будет. Правда, есть из них такие, которые имеют и амбары, разными зверьми наполненные, но оными только от ясака и от неуравия отплачиваются, а о запасах на содержание всей своей экономии редкие помышляют. Летом, когда рыбы довольно, ловит ее с небрежением, а берет из великой кучи однажды вытянутой ту, которая выше всех скачет, и запасает столько, чтобы ему только до весны за неделю стало, не думая о будущей ловле следующего году, какою де удастся. Прошедшей 1770 год столь им был скучен, что каждой, живучи вдали от городков, сколько ни терпел голод, сидя дома, однако, взяв с собою сколько-нибудь зверевых кож, принужден подвинуться из своего жилища со всей своей фамилией, и покудова находятся в нем силы итти пешком, по тех пор и следует, а выбившись из сил совсем, на дороге пропадает. Многие есть такие, кои, будучи не в силах терпеть такой голод, все с себя чувства сравнивают, и оставляет то себе понятие, что ему в глаза мерещится, то почитает, на языке сладостию; многие, узявши перед собою какую-нибудь падину принуждены охотно такую кушать; многие, от богатства своего отставши, принуждены с великою нуждою ходить по миру; а напротив того, сей только запас у них за худой почесть невозможно, что кто имел на себе платье из рыбьих или оленьих кож, те ныне ему в варении бурдука ригодились⁴⁷. Щастлив из них тот, коего бог благословил стадами оленей; такой уже почти никогда ни о чем и не думает, хотя ходит также и за звероловством; однако сей труд принимает на себя от безделья, либо от великой скуки; олений же кто стада содержит, тот у них и богатым называется, ибо никогда голоден не бывает. Но и действительно содержание такого скота можно

смело назвать прочным, ежели пастух попадется доброй совести. Понеже стада сих оленей требуют всегда при себе человеку быть с фамилией (по-ихнему чум называемой) в кибитке, к которой он привыкши каждой день принуждает пастуха перебираться с места на место, потому что через сутки скот, выбив весь мох для корму из-под снега, выбивает и место; следовательно, требует, чтоб кибитка подвинулась далее, где б он свежева мог найти себе моху или корму, а иначе он рад голодом стоять на одном месте, а от кибитки прочь не пойдет. Сей зверь не такой, как лошадь, коих стада пасут табунные жеребцы, но в оных хар стадо своих самок пасти не может, а завсегда бывает пастух, надзирая, чтоб которой олень куда-нибудь не утратился. Пасутся же на всяких местах, где б ни пригодилося, а нарочных к тому мест не выбирают. В стадо пускают некладеных самцов или харов не по выбору и не помногу, а столько, чтоб только самок не оставить бездетными, а ярость харову удовольствовать, коему в то время бывает не без трудности. Ибо обыкновенно числясь между 25 самками один, то только за собою знает, чтоб успеть с одной вскочить на другую, по порядку обошедши каждую по два и по три раза, от чего в такую приходит немощь и бессилие, что и на ногах стоять не может; понеже ему в то время и наесться недостает времени; чего для пастухи оттаскивают его в другое место от стада, где б он, не видя самок, в спокойствии отдохнуть и несколько поправиться мог. Сходятся как рогатой скот, обыкновенно в сентябре до половины октября и далее, охоту же харову можно предвидеть таким образом: перво начинает царапать землю или снег, потом станет мочиться на задние себе ноги, а напоследок, как придет в ярость, то начинает искать самок к тому же охочих; напротив того, ежели самка не захочет, то хар как бы ни старался, но низким образом склонить ее не может; а имеет такую охотку до тех пор, покудава своих рогов не лишится, что бывает в год по однажды, как то у хара спадывают в октябре и ноябре месяцах, у молодых же и декабря в первых числах, у кастратов в марте и апреле, а у самок в мае теряются; и как скоро спадут, то тотчас новые рости начинают, растут же до осени они мохнатые в коже с маленькою шерсткою¹⁸, которая разве у некоторых кастратов в целости засыхает, а прочие все, с деревья очищая, делают голыми. Самка, когда почувствует у себя от самца что-нибудь в брюхе, то уже ни под каким видом

хара скакать на себя не пускает, однако, и в то время его от табуна никогда не отделяют.

Посит самка в брюхе теленка семь месяцев, и каждой год приносит по одному, а двойни редко случаются. Время в последних числах апреля и первых мая; когда наступает телиться, тогда пастухи или сами хозяева выбирают для спокойствия самки места либо лесистые, а где нет лесу, то чистые ручьи, и около ручьев на горах талые места, чтоб от погод было безопасно; но иногда бывают, правда, и великие ненастья, как то ветры со снегами и морозы, то хозяева рожденного в то время одевает разными своими одеждами, только чтоб были не встехие и дымом не закоптелые, коего бедняка, одетого в человеческое платье, теленка матка оставляет без всякого призрения и жалости, так, что и совсем его позабывает, которую после пастухи, хотя и с немалою трудностию, однако с принуждением кормить теленка приучают таким образом: перво таких на спсгу привязывают и не дают ей ни пить, ни есть сутки трои или четверы, а потом ссаливают ее с ног и принуждают теленка сосать титьки; матка же, проголодавшись, когда начнет его лизать и питать без принуждения, тогда ее спускают с привязки, в противном же случае по тех пор не освобождается, покуда сама кормить его не будет. Родятся телята четверти в три вышиною и более, а после, роста и питаясь молоком, бывают и больше; и когда уже бывает месяцев двух и менее, то сам начинает есть мох и мягкую траву, однако и матку сосет до тех пор, пока она не понесет другога, и тогда уже его редко к себе подпускает; бывают же и такие, кои матку сосут года по два, хотя и сами детей носят, но матку не покидают, и их никто не отнимает, а отстают либо сами, либо матка припускать его не станет. Напротив того, удаются из них такие наглые, что, пососав мать свою и увидя в близости другого также сосущего, то, оставя мать свою, забегает сзади, и сосет иную с другим тут же; таковые бывают ростом больше обыкновенных; а иные и самки есть такие, кои из охоты воспитывают оставшихся после матери телешков по два и по три, но только такие бывают уже ростом менее прочих. Сие смеху достойное в сам животном: при рождении в благополучную погоду, лишь только родившись, мало-мало обсохнет, то тотчас и начнет скакать и бегать, а сам хоркает; увидя такого, матка сама также бегаёт за ним и хоркает; колми паче естли таких в стаде прилучится много, то

смотреть на такое позорище не неприятно. Бывают опять из самок такие (кои обыкновенно чрез два года должны приносить сами телят), а оные, например, весною родившиеся сами, да к другой весне уже и теленка принесет; таковая пазывается у них блядью (псуды), а самец также, хотя прежде времени и скачет, но ничего сделать не может.

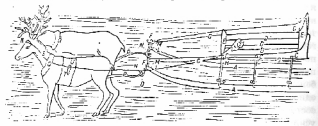
При первом случае их возраста хозяева ничего еще примечать не могут, и куда его способным употребить не узнавают, месяцев же шести когда будет, то неимеющей оленей его впрягает под легкие возы, перво приучив, чтоб не дичился, таким образом: надевает на него с петлею веревку, и за оную дергает, а олень, боясь того, бежит вокруг, но когда усмирится и не будет веревки бояться, то водит его на оной, куда хочет, и напоследок без трудности впрягать может; а нередко также случается, что, не умея оленя приваживать в веревке, тою же и задавливает. В сяде олень служить может с перемешкою во всю зиму и лето, только б с отдыхом был довольной корм; в день можно на нем ехать часов 12 и более, а когда уставать станет, то должно выпречь и покормить мохом, а после до становья вести уже простого. В противном же случае, еслили хозяин отдохнуть ему дать не похочет, то после с жалостию смерть на дороге упавшаго оленя оплакивать будет. Никакого знака видеть не можно пред случаем падения такого усталого оленя, но везет так, как и свежей, и ниже запыхается; а как придет время, то в один миг упадет и не дыхнет. Сильные из них бывают кастраты, и они в возке долее служить могут. Живут олени по примечанию 21 год, более или менее, еслили только на нем кроме неизбежных никаких других немощей не было, от которых часто случающихся приходит в слабость, и так как старик или пропадшей олень бывает жертвою хозяину в пищу. Болезни на них бывают: 1) колется копыто, 2) кашель, 3) из рта течет слюна, 4) весною на каждом олене бывают свищи, 5) в горле черви; коих оной народ никак лечить не умеет, кроме последней, что черви из горла рукой вынимают. Что ж до свищей касается, то сия болезнь такая, коей некоторой олень избежать в жизни своей не может, и каждой весны, еслили на одном появится, то уже и все стадо тем же заражается. Она состоит из червей по за коже у зверя живущих, кои ипогда так усиливаются, что олени совсем задавливают, а иначе без всякого также лекарства в свое время из-за кожи вынадынают, и

олень очищается. Кроме сих двух болезней, прочие усилившиеся можно назвать неисцелимыми; копыта хотя и спадывают, но очень редко, и притом разве по какой болезни. Олени рогами одарены бывают великими и немалым числом отростков; но сие разнo случается и разное число на таких бывает, а есть некоторые, кои и совсем отростков не имеют.

Бывают олени разных шерстей, как: белые, пегие, чубарые, черные, бурые; которых держать самоядцу не убыточно, ибо, просто сказать, он его поит и кормит, обувает и одевает. Понеже мясом оного довольствуется столько, сколько самому ему хочется, и никогда голоден быть не может. Шерсть особливо никуды не употребляют, но естли которую оленину и очистят для юфты, то шерсть с нее кидают за негодностью; а выделанные сих зверей кожи употребляют на платье и обувь, и на все содержание целого дома. Возят парой и по три вдруг; бегут рысью, таща за собою тяжесть очень согласно, а каждая пара легко тяжесть пятнадцати пудов на себя примет; легкими ж санями действительно в сутки не кормя можно до ста верст выехать, только б ему давали через 20 верст немалое число выдыхать, поесть снегу и выспаться; однако он когда и бежит, то и на бегу снег глотает, а притом и во всю зиму пьют не воду, но снегу вместо питья едят довольно; летом же пьют воду всякую, речную и из морских заливов.

Продаются олени рубли по два, по три, а смотря по доброте и до десяти рублей доходят.

Санки, на которых ездят самоядцы, впрягая по два, по три и по четыре оленя, делаются из всякого, кроме тальника, дерева, коих полозья А бывают длиною аршина в три с половиною, имея у себя на стороне по три копыла В и по

четыре, вышиною от полоза А до дир С, в кои вкладываются поперечины или вяза, вершков одиннадцать. На вяза настилаются тесаные тоненькие досочки D, пришитые ремняки к козырям E.E, наперед и позади имеющимся; по сторонам же от самых полозовых головок F даже до заднего козыря пришивается с закрайками досочка G из дерева с корнем, наподобие крыка сделанная, где она тонким концом H вдалбливается в передней конец полоза, а корнем I касается до заднего козыря E, от переднего же козыря E до самых головок F оставляется пустое место. Головки же F соединяются вместо вяза поперечиною K, чтоб полозы не разбегались. На полозьях A под сим вязом K провертываются дири L, в кои вдевается ремешь M и завязывается за блок или досочку боковую G, на которой имеются лонтали N, коих чрез дири O продет один большой ремень P, за которой тянут олени, будучи запряжены по два в ряд в ляшках Q чрез шею, имея ремень у себя промеж всех ног. Вместо узды, имеют олени на голове кости R, нарочно к тому сделанные, кои надеваются на лоб, и, подтянув под челюсти на затылке, концы завязываются. У левого оленя имеется одна вожжа S на левой стороне, и привязывается сверху за узду R почти подле самого уха и, чтоб не спадывала, накладывается на кость T, пришитую к широкой коженой подируге U, а другой конец держит в руке. Припряжной олень к левому привязывается накрепко, чтоб был поводлив, куда левой поворотит, туда бы и он следовал. Ездок сидит в санках, скорча ноги калачиком, или одну ногу под себя, а другую свеся; в одной руке держит вожжу, а в левой тоненькой шестик⁴⁹ длиною сажени две и более, коим олень понуждает, и ежели ему надобно ехать влево, то немного подержит вожжу, а потом потрясает ею, естли ж вправо, то должен ударить вожжею наотмашь оленя по боку; буде же остановить, то потянет вожжу, и он остановится, а припряжной безо всего уже слушает левого; но чтоб назад к ездоку головой не поворачивался, то, вынув наперед шест, с угрозою приказывает, чтоб стоял прямо.

Комментарии

Краткое описание о народе остяцком...

Воспроизводится по изданию «Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году» (Издад Л. Майков. — Спб., 1884).

Репринтное издание не позволяет расставить по книге номера затекстовых комментариев. По этой причине в настоящем издании указывается номер страницы издания 1884 г., абзац, в котором находится слово или часть текста, нуждающиеся в пояснении или комментарии. Если начало абзаца находится на предыдущей странице, остаток его на новой странице считается первым. Если абзац на странице один — указание его порядкового номера не производится. Чтобы читатель быстро мог найти искомое слово, вслед за номерами страницы и абзаца приводится выделенная курсивом часть текста. В отдельных случаях, если примечание касается отдельного слова, оно выделено подчеркиванием.

C.V. 1-й сверху абзац: «Случилось это уже после 1720 года, когда скончался Филофей». — Дата смерти указана неверно: Филофей Лещинский скончался 31 мая 1727 года в возрасте 76 лет в Тюменском монастыре и был похоронен у западного входа в Троицкий собор.

C. 6: «Толикое убо безмерные славы твоёе не толико на злате марморе». — Очевидно, «на злате» хрямора.

C. 6: «...сияние валы солнечную светлость...». — Очевидно, в слове допущена ошибка: скорее, «ваши солнечную светлость».

C. 17. 1-й сверху абзац: «...своим аниманием ничегоже не утверждаем...». — Скорее, необходимо читать «ничегоже не утверждаем».

C. 18. 2-й сверху абзац: «Многолюдствием zelo довольно государство сие различных родов и дивных языков, от них же мнози суть безвестны в Европе, яко: Тунгусы, Остяки, Отяки, Якуты, Самоядцы, Брацкие мужики, Пезая орда, Киргизы...». — Современные названия соответственно: эвенки, ханты, удмурты, якуты, ненцы, буряты, селькупы, казахи (возможно — хакасы). Из них отяки (вотяки) — удмурты попали в перечень ошибочно, т.к. они обитают в Прикамье, к западу от Уральских гор. Вероятно, вместо них должны быть указаны вогулы (манси).

C. 18. 3-й сверху абзац: «Сибирская полуощная страна от восток, от царствующего града Москвы расстоянием с три тысячи верст; облежит же камень превысочайший, яко стена, и толикаа высоты, яко

иным холмом досылати до облак небесных». — Имеются в виду Уральские горы. Русские первопроходцы называли их «Камень». В официальных документах название Камень употреблялось до начала XVIII века. Вероятно, это название — перевод с языков местного населения: ненцы именуют Урал Нэрика Пэ («Волшебные камни»), ханты — Кев («Камень»), манси — Нёр («Камень»), коми — Из («Камень»). Сведения о чрезвычайной высоте Уральских гор Новицкий почерпнул из Енисейской летописи.

- С. 19. 2-й сверху абзац: «О древнем же правлении сего государства восприима ведение и от летописцев татарских...». — Параграфы 7—10 этой главы написаны на основе данных Енисейской летописи.
- С. 19. 2-й сверху абзац: «...именем Чингиска...». — Опечатка: здесь и далее следует читать «...именем Чингиса...».
- С. 19. 2-й сверху абзац: «...именем Тайбука...». — Опечатка: здесь и далее следует читать «...именем Тайбука...».
- С. 20. 2-й сверху абзац: «...град свой Чингидин...». — Опечатка: следует читать «...град свой Чингидин...».
- С. 21. 2-й сверху абзац: «...погубивши царствующих князей Себирских Едигера...». — Опечатка: следует читать «погубивши царствующих князей Себирских Едигера».
- С. 21. 2-й сверху абзац: «...бежа с единомысленники своими в Чисовую реку...». — следует читать «...бежа с единомысленники своими в Чисовую реку...».
- С. 23. 1-й сверху абзац: «Многия реки, иже прямо от востока приходит в Обь, сия же суть Куловат, Полук...». — Правильно «Полуй» — правый приток Оби, близ современного Салехарда.
- С. 23. 1-й сверху абзац: «На другой же стороне прямо от заходу Оби, Сосва, Ляния...». — Правильно «Ляня» — левый приток Северной Сосвы. В XVIII веке русские называли его еще Сыгна. По Г.Ф. Миллеру на реке находились югульский городок Лошын-уш, в русских летописях упоминавшийся как Лянин. Позднее Лянином стали называть реку.
- С. 23. 1-й сверху абзац: «...тамо же преобладается Салоед, на самом устьи, иде же великая сия река Обь впадает в морскую губу, иже нарицают zde Тазовскую...». — Правильно «Тазовская». Залив Тазовская губа получил название по реке Таз. До начала XVIII века залив назывался Мангазейским морем, т.е. недалеко от устья Таза, на его правом берегу, с 1601-го по 1672 годы стояла русская крепость, знаменитая «златокопильная» Мангазея.
- С. 23. 2-й сверху абзац: «...и прочие реки в едину губу сия собираются Пур...». — Правильно «Пур». Одна из самых крупных рек, впадающих в Тазовскую губу. В переводе с ненецкого означает «Река с быстрым течением».
- С. 23. 3-й сверху абзац: «...а от другой страны утесняет новая земля...». — Новая Земля — группа из двух островов, расположенных к северо-западу от полуострова Ямал между Варенцевым и Карским морями.
- С. 24. 2-й сверху абзац: «Аще же и близ ея месаютем и тамо для промыслу на ласры бывають, иде же аскаго заера премногие диваство: ласцы, елены и прочих зверей, множество же костей рыбных промысляют...». — Имеется в виду моржовый клык.
- С. 26. 1-й сверху абзац: «...здревле бо zde жил по Оби и всей стране жителствоваше народ Чюмцхий...». — Предания о вымершем народе

чудь широко распространены среди народов европейского Севера-Востока России, исключая коми-зырян. Судя по всему, Новичкинский услышал о чудском народе именно от коми, переселившихся на Обь. У ханты и манси подобные предания отсутствуют. Пленцы называют прежних насельников тундры сивирти.

- С. 26. 2-й сверху абзац: «...сей Остяцкий народ в сия вселися страны начекая от дна саятязо Стефана Великого Пермь епископа...». — Стефан Пермский (1339—1396 гг.) — уроженец Устюга, епископ Пермский, проповедовал православную веру среди коми-зырян, известен как неустанный борец с идолопоклонничеством, создатель зырянской азбуки. После смерти был объявлен святым.
- С. 28. 2-й сверху абзац: «...диди же званию их Остяки...». — Опечатки: следует читать «...диди же званям их Остяки...».
- С. 30. 1-й сверху абзац: «...лпичи, зверь или что ни будь, тем и именем родившесся нарицаеть». — Этот обычай объясняется отнюдь не отсутствием собственных имен у ханты. Настоящие или ребячьи табуировались, т.е. его нельзя было произносить вслух. У каждого хантыйского рода был свой фонд имен, передававшихся из поколения в поколение. Каждое из них принадлежало одной из родовых возрождающихся душ (жизненных сил). Из-за присвоения такого имени ребенку из другого рода нередко случались конфликты. «Обмятные» имена давали детям, чтобы сбить с толку злых духов, защитить родовую душу (подлинника имя).
- С. 30. 2-й сверху абзац: «...ишрца бо близ время родити исходить от общаго жилища и аходит в некую особную жилищу...». — Речь идет о т.н. «ай-хот» — маленькой избушке, куда женщины удалялись из жилища при родах и менструациях. Данный обычай объясняется верой ханты в то, что в эти периоды женщины становятся «нечистой», окруженной злыми духами, и поэтому не должна привлекать последних в жилище семьи.
- С. 33. 1-й сверху абзац: «...или зоры на руцех и персех, или на ногах, яже в различныя виды и черты чернотию еще изображают еще здешка руце или ноги или на персех игою до крове издобие сажено с иными утварями тако крепко натирают, яко стиретися до кончины еи не может». — Речь идет о татуированных знаках. Наносились узоры или схематические изображения животных (чаще всего птиц). По мнению известного финского этнографа, религиоведа К.Ф. Карьялайнена, первоначально татуировки имели характер защитного или излечивающего знака, позднее считалось, что в них переходят страдания больного человека. Возможно, некоторые знаки были родовыми символами.
- С. 38. 2-й сверху абзац: «...земля под студеным кругом...». — Речь идет о Полярном круге.
- С. 44. 2-й сверху абзац. — Этот параграф написан на основе данных Венгеровской летописи.
- С. 46: «Содержит же сие чрез некое время, чрез год и ошичие упражняющия сям безчиинел, послиди же идоло со нем во оджде скрывает в землю, провозвещающе с плачем и жалостию». — Деревянное изображение умершего («понтот», или «иттарма») служило временным заместителем возрождающейся души («лил») на период до ее возрождения в следующем ребенке. Поэтому за ней (ним) постоянно ухаживали, оказывали почтение. После вселения этой души в новорожденного куклу полагалось сжигать.

- С. 47: «...до чего являеипри страстен...». — Опечатка: следует читать «...до чего являеи пристрастен...».
- С. 48. 1-й сверху абзац: «...дароприношения...». — Опечатка: здесь и далее следует читать «...дароприношения...». — В этом же абзаце встречается «жерцы», которое здесь и далее следует читать «жрецы».
- С. 50: «Тако обретохом в Шоркоровских юртах кумира единого...». — Шоркоровские юрты — ныне поселок Шеркалы в Октябрьском районе Ханты-Мансийского округа. До конца XVI века городок Шоркар (в переводе с коми языка — «Город на ручье (речке)») был княжеской резиденцией правящей династии Кодского княжества — наиболее могущественного хантыйского раннегосударственного образования. Здесь находилась «кумирня» общегородского значения, посвященная Мир-ванты-ху («За миром наблюдающему человеку»), одному из главных божеств обских угров, известному также и под другими именами (Орт-ики — «Богатырь-старик», Кан-ики — «Царь-старик» и т.д.).
- С. 53. 2-й сверху абзац: «Между различным кумира почитанием премоко почитаются и живи зверие, найлаче медведь...». — Почитание медведя обскими уграми связано с мифологическими представлениями о его сверхъестественном происхождении. У северных ханты и манси прародителем многих родов, относящихся к фратрии Пор, считается медведь (медведица). Наряду с этим у всех групп ханты и манси существует представление о небесном происхождении медведя (медведицы), спущенного на землю его отцом — верховным божеством Торумом. Наиболее ярко культ медведя выражается в традиционных медвежьих праздниках обских угров, сопровождающихся принесением даров перед медвежьей шкурой с головой и лапами, пением «медвежьих песен», культовыми танцами и очистительными обрядами, цель которых — задобрить убитого зверя, отвести от себя его гнев. Медведь считается вершителем справедливости, карающим людей, которые нарушили клятву. Отсюда — обычай приносить клятву перед шкурой, ланой или зубом медведя.
- С. 56: «Старик Обский сей имеюще скверное свое хранилище...». — Асики («Обской старик») у прытских ханты считается одним из сыновей верховного божества Торума. С другой стороны, по своей характеристике он сопоставим с водным духом — хозяином вод, владельцем всех рыб (Йанк-ики — «Воды старик», или Йинк-пурт — «Воды богатырь»), который считался вездесущим. Приносимые ему жертвы должны были гарантировать успех в рыбной ловле.
- С. 57. 2-й сверху абзац: «Гусь боготворимый идол их бяше...». — «Медный гусь» — изображение наиболее почитаемого обскими уграми божества — Мир-ванты-ху. Одной из его ипостасей является гусь: «весеннего гуся, осеннего гуся, облик имеющий богатырь». В этом облике Мир-ванты-ху выступает как хозяин птиц, покровитель охотников на птицу.
- С. 63: «...мже и Тангускую землю...». — Речь идет о тунгусской земле.
- С. 68. 2-й сверху абзац: С. 70. 2-й сверху абзац: . — Здесь: 1712 г.
- С. 72. 3-й сверху абзац: «Поспешеством Всесилнаго и благодатию Его помощью путь сей простираешся неправдн, но везде сокрушая идола бесие достигоша даже до Кодийскаго монастыря...». — Религиозный центр крещеных остяков находился в Кодском городе — резиденции князей Алачевых, которые приняли православную веру в конце XVI — начале XVII веков. В 1600 году в Кодском городке была воздвигнута церковь во имя Живоначальные Троицы. Два года спустя князь Иги-

чей Алачье в ознаменование собственного крещения построил там же Зосимо-Савватиевскую церковь. А в 1653 году в ответ на челобитную остояков четырнадцати кодских волостей царь Алексей Михайлович повелел «в том Кодеком городе монастырю... быти». Монастырь назывался Троицким, а в просторечии — Кодским. Позднее за городом и монастырем закрепилось название Кондинский (искаженное начальное «Кодский»). К концу XIX века монастырь пришел в запустение, а в июне 1918 года он был национализирован новой властью.

Каменный Троицкий храм, построенный вместо деревянной церкви в 50-х годах XVIII века, до сих пор стоит в пос. Октябрьский (бывший Кондинский).

С. 74: «Учитель же внутри селения их достигши юрт Восполских...». — Возможно, Восполские — искаженное название селения Пословым, расположенного ныне на правом берегу Малой Оби, ниже устья р. Казым. Менее вероятно сопоставление с названием Вылпосл — поселок на левом берегу Оби, ниже по течению от Салехарда.

С. 74: «...Казымских...». — Правильно «Казымских». Вероятно, имеются в виду Казымские юрты, располагавшиеся на р. Казым, правом притоке Оби.

С. 74. «...Шорковских...». — Правильно «Шоркарских». Ныне — пос. Шеркалы Октябрьского района ХМАО (см. прим. к С. 50).

С. 74. «...Белогорских...». — Ныне — пос. Белогорье, левый берег Оби, недалеко от Ханты-Мансийска. Был резиденция князей Белогорского княжества (до н. XVII в.), культовый центр общегорского значения. Рядом с городком находилось святилище, посвященное Мир-ван-ты-ху. Хантыйское название Белогорских юрт — Худант-велек-путот («Селение лебединого бока»).

С. 75. 2-й сверху абзац: «Юрты леския, карыцаемыя Атылс...». — Атыл — правый приток Оби. Рядом до сих пор стоят поселки Большой Атыл и Малый Атыл, близ которых находились средневековые городища. Оба городища входили в состав Кодекого княжества.

С. 75. 2-й сверху абзац: «...последи же побегедеи во алочеснии своем убежи с Перю за Камни, в Сиберскую страну и ту поселился...». — Возможно, сведения о переселении зырян-плотопомолников во главе с Пансотником (Памом) на Обь Новицкий почерпнул из «Слова о житии и учении св. Стефана...», написанного в конце XIV века его учеником Епифанием Премудрым, или из Вычегодско-Пермской летописи. Данные сведения дублируются преданием атламышских остояков, которое в конце XIX века записал известный сибирский краевед Н.А. Абрамов. Реальность переселения древних коми на Нижнюю Обь подтверждается археологическими материалами, полученными в 1979—1984 годах при раскопках средневековых городищ Шеркалы I и Перегребное I в Октябрьском районе ХМАО.

С. 81: «О крещении Вакулич в року 1714». — Следует читать «О крещении Вакулич в року 1714».

С. 81: «Жительствующи же на Тавде и Конде прилежат присудом в град Пелым...». — Русский город Пелым был построен на р. Тавде близ устья р. Пелым в 1593 году. Был важным стратегическим и административным центром русской колонизации края до начала XVII века. В связи с основанием другого пути в Сибирь — Бабиновской дороги, проходившей южнее, по реке Туре через г. Верхотурье, — значение Пелыма упало, и он превратился в административный центр местного значения, которому было подчинено население бассейнов Тавды и Конды.

- С. 81: «...происходит зюд камене Верхотурского...». — Верхотурский Камень — одно из русских названий Уральских гор, бытовавшее до середины XVIII века. Конда берет начало почти в 600 километрах к северу от Верхотурья, с подораздельного материка, идущего через верховья рр. Мулымья и Васпугола (левых притоков Конды) к Оби.
- С. 82. 4-й сверху абзац: «В черных юртах...». — Следует читать «В Черных юртах...». — В XIX в. село Чернавское Табаринской волости на р. Черной.
- С. 83. 2-й сверху абзац: «Кондынский княжик, названнем Сатыга...». — Остяцкий князь Сатик (ниже Новицкий именует его Сатыги) имел абзения в среднем течении р. Конды. На северном берегу проточного озера Сатыгинский туман было поселение Сатыга, которое ханты называли Урт-похыт («Селение князя-богатыря»). В середине XIX века потомок Сатыги добился возвращения княжеского титула и стал именоваться князем Сатыгиним-Кондинским. Имя Сатыга — двусоставное: вторая часть — ига — означает «старик» (-ики, -иги), значение же первой можно увязать с числительным семь (сат, сот). В таком случае Сатыга можно перевести как «Седьмой старик», что вполне объяснимо: число семь у обских угуров, как и у многих других народов, имеет сакральный характер (Мир-ванты-ху — седьмой сын Торума). Весьма продуктивно это число и в обско-угорской топонимике.
- В то же время небезынтересно сопоставление этого имени с другими названиями. Так, ниже по течению Конды находится поселок Сотник, в названии которого вторая часть, очевидно, -ики («старик»), а первая — Сотн — неясного значения. Возможно, этот же корень звучит в хантыйском названии р. Салым — Сотым и в имени покровителя салымских ханты местного духа Сотым-ники.
- С. 86. 2-й сверху абзац: «...луть соой к Шелому февруаря в йд ...». — Речь идет о 19 февраля.
- С. 86. 2-й сверху абзац: «...его же мимо градуца...». — Вероятно, следует читать «...его же мимо граду идущи...».
- С. 89. 1-й сверху абзац: «В день марта 3-го...». — Речь идет о 17 марта.
- С. 89. 1-й сверху абзац: «Исходили убо из церкви, нечаянно Тахтанская волость...». — Тахтанская инородческая волость включала селения, расположенные в верхнем течении р. Тавды и на ее притоке Лозьян. По данным конца XIX века в нее входили 10 мансийских поселений (наулей): Юртовский, Востоковский, Линтовский — на Тавде; Пашенный — на р. Пашенная; Рашкинский, Кузинский, Таньинский, Кондратьевский и два Синдейских — на Лозье и ее притоках.
- С. 90. 2-й сверху абзац: «...хитростию диаволакою наущенный княжык их Кошучких юрт...». — Правильно «Кошучских». В настоящее время деревня Кошуки Тавдинского района Свердловской области. В Ремезовской летописи упоминаются хантыйский князь Кошук и его городок, который дружина Ермака взяла с боем. В XVII—XIX веках бывшие владения Кошука входили в состав Кошучекской инородческой волости, включавшей 12 поселений по р. Тавде и прилегающим озерам: Янычково, Шайтанское и Гузеево.
- С. 93. 2-й сверху абзац. — Абыз — мусульманский священник, в данном случае — проповедник. Исламизация ханты успешно проходила в районах смешанного проживания сибирских татар и ханты — в т.н. Заболотье и по Иртышу ниже Тобольска. Этот процесс содействовал туркизации отдельных групп ханты, которые впоследствии были полностью ассимилированы татарами. Самый северный пункт проникнове-

ния исламской веры — деревня Цингалы на берегу Иртыша, где и сегодня известно священное место — астана, на котором погребен мусульманский святой (очевидно, один из проповедников).

- С. 95. 2-й сверху абзац: «...также в Сухоруковских юртах...». — Сухоруковские юрты — ныне деревня Сухорукова, расположенная на левом берегу Оби в 70 километрах ниже устья Иртыша. Входила в состав Белогорского, а затем Кодского княжества.
- С. 95. 3-й сверху абзац: «Достигохом убо Карымкарских юрт...». — Правильно «Карымкарских». Карымкары — один из городков Кодского княжества. Располагался на острове (останце коренной террасы правого берега Оби) в устье р. Карымкары. Карымкарское городище находится рядом с современным пос. Карымкары Октябрьского района ХМАО.
- С. 97. 2-й сверху абзац: «...близ града Епанчина...». Правильно «Епанчин». Татарский городок Епанчин упоминается в сибирских летописях при описании похода Ермака. Располагался в среднем течении р. Туры. В 1600 году на месте Епанчинских (от имени мурзы Епанчи) юрт был заложен Туринский острог (ныне город Туринск Свердловской области).
- С. 98: «О крещении Вагуличов в Конде 1715 году». — Следует читать «О крещении Вагуличов в Конде 1715 году».
- С. 99. 2-й сверху абзац: «Егда же достигохом жилищ сих, нарицаемых юрты Нахрачевы...». — Нахрачи — княжеская резиденция и культовый центр в низовьях Конды. Названа по имени князя Нахрача Евласа; возможен обратный вариант: князь имел имя деревни. В XIX веке село Нахрачинское входило в состав Киндянской инородческой волости. В 1963 году было переименовано в с. Кондинское. До 1995 г. здесь был административный центр Кондинского района.
- С. 108: «Блазополучно отплывише отпуду, остоу крещением просвещаем, еликих обретахом, в доспехом юрт Катышевых». — Катышинские юрты находились на Катышской протоке реки Конды. В настоящее время — деревня Старый Катыш Кондинского района ХМАО.

**Описание живущих Сибирской губернии
в Березовском уезде иноверческих народов
остяков и самоедцов,
сочиненное студентом Васильем Зуевым**

Воспроизводится по изданию: *Зуев В.Ф.* Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771—1772). М.: Л., 1947.

¹ Имеются в виду отдельные северные хантыйские роды, которые подвергались ассимиляции со стороны ненцев.

² Предки ненцев освоили западносибирскую тундру в начале II тысячелетия н.э. Согласно общепринятой гипотезе, прародина самодийских народов (ненцев, энцев, селькупов и других, ассимилированных тюркскими племенами) — Южная Сибирь, Саяны. Ненцы-оленьеводы, согласно их фольклору, застали на своей новой родине народ сирята, который был ими частично истреблен, частично ассимилирован. До сих пор ненцы связывают остатки древних поселений и культовых мест с этим исчезнувшим народом.

³ Хлопца — по-ненецки «мужчина, человек, ненец».

⁴ Луца — искаженное ненцами слово «русский».

⁵ Малица — верхняя меховая одежда, изготавливавшаяся из шкур полутодовалых оленей, забитых в августе. Носилась мехом внутрь. Относится к т.н. глухой одежде, не имевшей спереди разреза и одевавшейся через голову.

⁶ Гусь (кумыш) — глухая меховая одежда с капюшоном, надевавшаяся обычно в дорогу поверх малицы.

⁷ Правильно: неблюй. Речь идет о шкуре полутодовалого оленя, снятой осенью.

⁸ Чажы, или чижы — меховые чулки из камусов (шкур с ног оленей или лосей).

⁹ Неговая — легкая замшевая обувь с голенищами (от хантыйских «нюю» — рождуга, замша и «вай» — сапог, чулок).

¹⁰ Имеется в виду женская распашная шуба — сах, который делался двойным: верхняя часть мехом наружу, внутренняя — мехом внутрь, ворсом вниз. Иногда верхняя часть изготавливалась из сукна. Снаружи сах украшался полосами мозаичного узора (по подолу, краям рукавов и спереди по разрезу) из разноцветных кусочков сукна или меха.

¹¹ Стружку делали зимой из мерзлого дерева (осины, тальника), поэтому она получалась очень тонкой и мягкой. Такая стружка изготавливалась в большом количестве и использовалась в качестве наполнителя, ваты и т.п.

- ¹² Вероятно, Зуев описал наконечник — сложное украшение из кожаной основы, украшенной бисером, от которой опускались два длинных жгута, соединенных медными цепочками. К жгутам крепились медные зооморфные подвески, имевшие охранную функцию (от злых духов).
- ¹³ Правильнее: охчам, или охшам — хантыйское название платка. У ханты женщины нельзя было показывать лицо и волосы старшему брату мужа и его отцу, а также чужим мужчинам. Поэтому в их присутствии женщины закрывали лицо платком. Предполагается связь этого обычая с необходимостью регулирования половых связей. Кроме того, платок выполнял охранную функцию, т.е. закрывал от злых духов (чужих духов) голову и волосы, где находилась самая важная душа (жизненная сила) — лил, или илсс.
- ¹⁴ Здесь и ниже речь идет об углубленных жилищах значительных размеров, в которых проживала т.н. «большая семья», состоявшая из родителей, их женатых сыновей и детей. Каждая семейная пара имела в такой избе свой угол, отделенный занавеской или пологом. Эта архаичная форма семейного общежития, вероятно, исчезла к началу XIX века, т.к. более поздние путешественники и этнографы такое жилище не отмечали.
- ¹⁵ В начале XVIII века в результате включения ненцев в состав России расширились их торговые связи. К этому времени интенсивная добычка диких оленей для продажи мяса и шкур торговцам привела к резкому сокращению их поголовья. Наличие у отдельных ненецких семей больших стад домашних оленей свидетельствует, с одной стороны, об углубившейся имущественной дифференциации, а с другой — о начале перехода ненецкого оленеводства к крупнотадовому. Этот процесс завершился в середине XIX века.
- ¹⁶ Ненцы не возили с собой все свое имущество и запасы, а оставляли их в местах традиционных стоянок на путях сезонных перекочевок.
- ¹⁷ Ёз — приспособления для ловли рыбы. Представлял собой плотный частокот из жердей, лучин или прутьев, перегораживавший небольшие реки. В этом частокоте имелся один или несколько проемов, в которых устанавливали различные плетеные ловушки т.н. «корзинного» типа (морды, мананы, фитили).
- ¹⁸ Клянец — ловушка на пушного зверя, состоящая из планки с железными зубцами и полого деревянного цилиндра, в котором на горизонтальную ось наматывался шнур из растительного волокна или сухожилий. Когда зверь задевал «насторожку», шнур ослабевал, и планка резко ударяла бедолагу.
- ¹⁹ Имеются в виду олени желудки.
- ²⁰ Запрет варить голову оленя, вероятно, связан с представлением о том, что душа оленя, находящаяся в голове, могла возродиться, лишь не будучи «свареной», т.е. в основе обычая — стремление к «сохранению» личности оленей.
- ²¹ Здесь, вероятно, ошибка, т.к. волк у ненцев — священное животное, которое без крайней необходимости не убивают. По преданию, в волка бог превратил плохого человека, наказав его за какой-то проступок. Ненецкое божество Парсонай Варту, имевшее облик собаки, было хозяином полков, дарителей оленей. Поэтому для ненцев волки — своеобразные «пастухи» оленьих стад, а их убийство может разгневать Парсонай Варту.

- ²² Скорее всего, икатулка была вместилищем домашних божков или изображений умерших родственников.
- ²³ В данном эпизоде, очевидно, рассказывается о проявлении т.н. «полярной истерии». Вообще, шаманы — люди со своеобразной психикой, поэтому они видят окружающий мир иначе, чем обычные люди.
- ²⁴ Описания подобных чудес, встречающиеся в литературе, делались с чужих слов. В то же время, способность шаманов высшей категории к гипнозу и суперфокусам, неревоплощениям и точным предсказаниям общеизвестна.
- Решения Зуева в духе Станиславского делает ему честь как серьезному исследователю.
- ²⁵ На самом деле у ненцев, ханты и манси имелось немало ритмизованных эпических сказаний, легенд и обрядовых песен, тексты которых были устойчивыми, а зачастую канонизированными.
- ²⁶ Визя (жуся) употреблялось у ханты только как приветствие.
- ²⁷ Дорово — искаженное русское «здорово».
- ²⁸ Правильно «юраки». Устаревшее название тундровых ненцев. Обитали в енисейской тундре и лесотундре.
- ²⁹ Тавги — устаревшее название иганасан.
- ³⁰ Точнее: *сиккыльтап* и *нар-юх*. Соответственно мансийское и хантыйское названия. Струнный инструмент типа цитры, у которого корпус напоминает плоскодонную лодку с выступающей нижней частью. Верхняя часть раздвоена и соединяется перемычкой. Имелось 3—5 струн из сухожилий или оленьих кишок, колки — из птичьих костей.
- ³¹ Обычно такие пляски исполнялись во время медвежьего праздника.
- ³² Таха — хантыйское «эй».
- ³³ Здесь свидетельство существования т.н. *депирата* — обычая, при котором разрешалось жениться на матеке, снохе и других женщинах, не принадлежавших к роду жениха.
- ³⁴ Невеста принадлежала всему своему роду, поэтому члены рода имели «законное» право на свою часть калыма.
- ³⁵ Вероятно, речь идет о кетах.
- ³⁶ Неверно, т.к. *ненецки* и хантыйские роды имели свои кладбища, где и старались хоронить умерших родичей. Захоронения за пределами кладбищ — явление исключительное.
- ³⁷ Пользоваться имуществом чужого рода у ханты и ненцев запрещалось.
- ³⁸ По-хантыйски: *язь* — *shewte*, *окунь* — *jew*, *карась* — *malenhull*.
- ³⁹ Неверно: на песца ставили *клянец*.
- ⁴⁰ Точнее — *дабак*, т.е. «флажок».
- ⁴¹ Правильно «хор». Так у ненцев и ханты называется племенной олень-бык.
- ⁴² Женщина считалась «нечистой», поэтому, чтобы она не навлекла враждебных духов, ей запрещалось приближаться к дикому оленю.
- ⁴³ Разновидность слонца — ловушка давящего типа.
- ⁴⁴ Архаичный способ охоты на моржа, вышедший из употребления.
- ⁴⁵ Правильно — *белуха*. Млекопитающее семейства дельфиновых подотряда зубатых китов. Достигает 6 метров длины и до 1,5 тонны веса. Живет в арктических морях. В погоне за рыбными стадами иногда заходит в Обь.
- ⁴⁶ Стерх — белый журавль.

- ¹¹ Использование одежды из рыбьей или оленьей кожи для варки похлябки применялось, естественно, в экстремальных ситуациях.
- ¹² Соскобленная с молодого рога оленя шкура была любимым лакомством детей. Словозобразил «оживительная резинка» Обского Севера.
- ¹³ Здесь говорится о хорее — шеста, на одном конце которого — костяной шарик, а на другом — железный наконечник.

С. Пархимович

Оглавление

<i>С.Г. Пархимович. «...Тебе, ласкавый читателю»</i>	5
Краткое описание о народе остячком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году	13
Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов, сочиненное студентом Василем Зуевым	137
Комментарии	225

«...Тебе, ласкавый читателю»

Имена Григория Новицкого и Василия Зуева, чьи труды публикуются в настоящем издании, занимают особое место в истории изучения коренных народов Северо-Западной Сибири. Перу Новицкого принадлежит первое серьезное научное описание культуры и образа жизни ханты (остяков), а Зуев, путешествовавший по Обскому Северу во второй половине XVIII века, спустя почти 60 лет после Новицкого, составил весьма обстоятельное сочинение о быте и правах ханты и ненцев (самоседов). Это были люди разных поколений и судеб: первый — из «гнезда Петрова», осыльный полковник, затем миссионер, а второй — выходец из разночинцев, видный ученый «просвещенной» екатерининской эпохи. Зато судьбы рукописей представляемых трудов этих авторов во многом сходны. «Краткое описание» Новицкого было опубликовано лишь в 1884 году, спустя почти 270 лет после его создания, а сочинение Зуева — в 1947 году, т.е. через 144 года после написания. Характерна и еще одна досадная деталь: обе работы вышли в свет в измененном виде и под чужими именами.

Лавры автора «Краткого описания» беззастенчиво присвоил пленный немецкий капитан И.Б. Мюллер, опубликовавший его на немецком языке в 1721 году в Гамбурге. Труд Зуева в слегка измененном и сокращенном варианте был использован его научным руководителем, академиком П.С. Палласом при составлении третьей части его знаменитого фундаментального труда «*Reise durch Verschiedene Provinzen des Russischen Reichs*», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1773 году. Трудно осуждать Палласа за присвоение результатов трудов Зуева: во-первых, сочинение никому неизвестного студента Императорская Академия наук ни за что бы не опубликовала, а во-вторых, подобное явление широко практикуется в наших научных кругах и сегодня, считаясь почти нормальным.

Трудно переоценить научную значимость публикуемых работ: этнографические сведения о хапты и ненцах, содержащиеся в них, ценны прежде всего тем, что они собраны и зафиксированы исследователями, непосредственно наблюдавшими жизнь аборигенов Северо-Западной Сибири в начале и второй половине XVIII века. Более ранние известия об этих народах отличаются отрывочным, подчас фантастическим характером (упоминания в древнерусских летописях, новгородское сказание «О человецех незнаемых в Восточной стране» и т.п.), краткостью или неточностью (записки русских и иностранных путешественников XVII века). Этнографы XIX—XX веков многие детали быта, обрядов и верований обских угров и северосамодийских народов застали уже трансформированными в результате внутреннего развития их культур и под влиянием русской культуры.

Кроме того, в «Кратком описании» Г. Новицкого содержатся бесценные сведения о миссионерской кампании Филофея Лещинского, активным участником которой был сам Новицкий. Данное сочинение является, таким образом, фактически единственным письменным свидетельством того, как проходила христианизация обских угров в начале XVIII века.

К сожалению, «Краткое описание о народе остяцком», изданное вторично лишь в 1941 году в Новосибирске, и «Описание...» В. Зуева, впервые и единственный раз опубликованное Институтом этнографии Академии наук СССР в 1947 году, из-за небольших тиражей стали настоящими раритетами. Поэтому они известны узкому кругу специалистов и почти недоступны краоведам, студентам, изучающим историю и культуру коренных народов Тюменского Севера.

Язык, на котором написаны эти произведения, насыщенный непривычными сегодня архаизмами, несколько затрудняющими его восприятие, дает возможность ощутить колорит эпохи, услышать «живую» речь автора.

Кстати, об авторах. О Григории Новицком до сих пор известно крайне мало, что отмечал еще Л. Майков в предисловии к «Краткому описанию». Имеются отрывочные сведения о том, что его отец, казачий полковник, был видной политической фигурой на Украине в конце XVII века. Гри-

горий Ильич, получив духовное образование в Киево-Могилянской коллегии, все же пошел по стопам отца: дослужившись до чина полковника. Будучи некоторое время мазеписским резидентом при гетмане Сенявском, он в 1709 году написал покаянное письмо канцлеру Гавриле Головкину. Петр I простил Новицкого, но решил все же сослать его от греха подальше в Сибирь. Оказавшись в Tobольске в 1712 году, Григорий Новицкий был замечен первым губернатором Сибири князем Матвеем Петровичем Гагариным (весьма вероятно, по без протекции земляков, выпускников все той же Киево-Могилянской коллегии — бывшего митрополита Сибирского и Tobольского Филофея Лещинского и его преемника, пятого митрополита Иоанна Максимовича). Образованный, деятельный человек, бывший офицер, он был назначен ближайшим помощником пресвященного Филофея, который в 1712 году, выполняя волю Петра I, начал многолетнюю кампанию по «искоренению мрака кумирслужения» среди остяков. Новицкий участвовал в миссионерских походах Филофея (в 1709 году принявшего схиму под именем Феодора) на Обь и ее притоки. Похоже, что Новицкий выполнял в отряде Филофея самую черную работу (палил языческие капища, уничтожал остяцких идолов), тогда как глава миссии, как видно из текста «Описания», читал проповеди и убеждал язычников в силе православной веры, открывая им «двери спасения».

В 1721 году Григорий Новицкий был назначен надзирателем за новокрещеными остяками Кондинской волости, где вскоре трагически погиб в столкновении с непокорными идолопоклонниками.

Будучи человеком незаурядным и любознательным, Григорий Новицкий вел путевые записи, которые в перерывах между «водными плаваньями» к остякам он превратил в научный труд, снабдив его дополнительно сведениями, почерпнутыми из рукописи Есиповской летописи, а также собственными пояснениями, философскими рассуждениями и даже стихами. Собственно этнографические сведения, собранные Новицким, изложены во II и III главах, а «летопись крещения» — в последующих IV—VIII главах — осталась незавершенной. «Описание» обрывается на рассказе о крещении кондинских вогулов (манси) в 1715 году. В пос-

ледней фразе Новицкий сообщил, что после успешного завершения религиозной дискуссии с коварным «князем Сатыгой» миссия двинулась дальше...

Паучный преемник Новицкого Василий Федорович Зуев (1752—1794 гг.) родился в семье солдата Семеновского полка. В двенадцать лет он был принят в гимназию Санкт-Петербургской Императорской Академии наук. Будучи одаренным от природы ребенком, Василий осенью 1767 года сдал выпускные экзамены, получив похвалу за успехи и прилежание. В этом же году он был принят студентом в Академию наук и зачислен в экспедицию академика Петра Симона Палласа, знаменитого естествоиспытателя, с которым он путешествовал по Сибири до 1770 года.

В течение 1771—1772 годов по заданию Палласа Зуев путешествовал по северу Западной Сибири (Челябинск—Березов—Обдорск—Красноярск—Новая Мангазея (Туруханск)—зимовье Селякино). В течение полутора лет, проведенных Зуевым среди остяков и самоедов, ему удалось достаточно глубоко ознакомиться с природой сурового края, особенностями быта, хозяйства, обычаями и нравами коренных жителей. Острый ум, природная наблюдательность, необычайно высокая работоспособность Зуева нашли отражение в его многочисленных рапортах, которые регулярно отправлялись Палласу, и сочинениях о северных оленях, рыболовстве и охоте аборигенов Нижнего Приобья. После возвращения из последней экспедиции на север Сибири Зуев обработал свои полевые материалы и в 1773 году закончил сочинение, которое назвал «Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов».

П.С. Паллас, которому Зуев посвятил сочинение, столь высоко оценил работу своего ученика, что использовал ее (с некоторыми купюрами) при составлении трети части своего «Путешествия по разным провинциям...». Учитель возлагал на Василия большие надежды, связывал с ним далеко идущие научные планы, но после того, как из-за организационных трудностей сорвалось путешествие Зуева по европейской тундре, их пути разошлись. В 1774 году Академия наук послала Зуева за границу учиться естественным наукам. Пять лет спустя В. Зуев защитил диссертацию по

зоологии, а еще через восемь лет ему было присвоено звание академика и профессора естественной истории.

До конца своих дней академик Василий Федорович Зуев много путешествовал, писал и получил заслуженное признание как один из виднейших русских ученых, автор естественно-исторических исследований. Самые же первые его научные опыты на поприще западносибирской этнографии были надолго забыты (многое утрачено, не будучи опубликованным).

Содержание зуевского «Описания...», в отличие от «Краткого описания» Новицкого, лишено богословских экскурсов и ярого осуждения языческого мировоззрения аборигенов. Явно проступает рациональная натура ученого-естественника: его интересуют более материальные стороны жизни (особенности физического строения, вопросы гигиены, состояние здоровья, способы добывания и приготовления пищи и т.п.), нежели духовные. Особенно ярко характеризуют Зуева с этой стороны его «опыты» с шаманами, которых он испытывал, например, надевая шаману на руку черную замшевую перчатку, внимательно при этом фиксируя реакцию «пациента». А чего стоит его неоднократно высказываемое сожаление о нерациональном использовании оленей, которых аборигены убивали во множестве, принося в жертву богам!

Неприятие образа жизни аборигенов Зуевым — представителем европейской культуры, отразившееся в отдельных фразах, уступает место позиции добросовестного естествоиспытателя, этнографа, антрополога (школа Палласа!): исследователь заключил, что суровый климат и однообразие пищи породили «особливый людей род», которые все тяготы «сносят нечувствительно» и «по привычке свои ко всем трудностям уже не почитают себе оное за тяжесть»; в общении они хоть и дики, и грубы, зато верны и справедливы, «для честного честны и ласковы... для себя скупы, а ...для русских людей щедры».

С. Пархимович

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ
О
НАРОДѢ ОСТЯЦКОМЪ

СОЧИНЕННОЕ
ГРИГОРІЕМЪ НОВИЦКИМЪ
ВЪ 1715 ГОДУ

ИЗДАЛЪ
Л. МАЙКОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографъ В. С. Балашева, Екатерининскій пер., № 76.
1884

Всесоюзное общество, а. № 78.
1909.

„Краткое описаніе о народѣ Остѣцкомъ“ печатается по старѣйшей рукописи этого сочиненія, которая принадлежитъ Tobольскому кафедральному собору и была доставлена въ С.-Петербургъ по ходатайству Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Рукопись эта составляетъ тетрадь въ четвертку изъ 98 листовъ, въ картонномъ переплетѣ. До 93-го листа рукопись писана южно-русскимъ почеркомъ начала XVIII вѣка, а съ 93-го листа до конца—другимъ, обыкновеннымъ великорусскимъ того же времени. Въ части, писанной первымъ почеркомъ, есть нѣсколько поправокъ, сдѣланныхъ особою рукою, бойкою, но мало разборчивою, быть можетъ, рукою сочинителя. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ рукописи, почеркомъ одного изъ позднѣйшихъ читателей ея, извѣстнаго изслѣдователя исторіи и этнографіи Сибири въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ, Николая Алексѣевича Абрамова, между строкъ отчетливо означены слова, неразборчиво написанныя старымъ писцомъ. На оборотѣ послѣдняго 98-го листа находятся слѣдующія двѣ приписки:

1) „Въ сей книгѣ девяносто восемь листовъ—98 л. Tobольскаго кафедральнаго собора влючарь Протоіерей Яковъ Ласточкинъ 1856 года Апрѣля 5-го дня“.

2) (рукою П. А. Абрамова) „Эту книгу читалъ Учитель Tobольск. Уѣздн. уч. Николай Абрамовъ“.

Кромѣ описанной рукописи, извѣстенъ еще другой списокъ „Краткаго описанія“, сдѣланный въ 1839 году П. А. Абрамовымъ и въ 1840 препровожденный имъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія. Изъ департамента списокъ этотъ поступилъ въ архео-

графическую комиссію, откуда въ 1874 году былъ переданъ въ Императорское Русское Географическое Общество. Списокъ этотъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько несправностей, происшедшихъ отъ того, что Абрамовъ невѣрно прочелъ нѣкоторыя неразборчивыя мѣста подлинника, но за то снабженъ довольно большимъ и любопытнымъ посвященіемъ переписчика департаменту народного просвѣщенія ¹⁾. Тѣмъ же Абрамовитъ былъ доставленъ другой списокъ „Краткаго описанія“ непосредственно въ Географическое Общество еще въ 1854 году ²⁾; но въ настоящее время ни въ ученомъ архивѣ, ни въ библиотекѣ Общества не имѣется этой рукописи.

Настоящее изданіе воспроизводитъ текстъ Тобольскаго списка буквально; редактору изданія принадлежитъ только расстановка знаковъ препинанія ³⁾.

Слѣдствіи объ авторѣ „Краткаго описанія“, Григоріѣ Новицкомъ, очень мало, и извлекаются они почти исключительно изъ самого его сочиненія. Языкъ „Описанія“, манера изложенія, а равно и фамилія автора, несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что Григорій Новицкій былъ Малороссіянинъ, по всей вѣроятности — питомецъ Кіевско-Могилевской коллегіи. Изъ предисловія къ „Описанію“ видно, что онъ поналъ въ Сибирь неволею: „Узришь, яко странникъ бѣдствующій и пришлецъ его же, не желаніе любопытства ниже о всякихъ вещехъ искательство виденія въезде сѣмо, по брани смущенія неждоусобна и время злослоученіе предаша неволя“. По дѣламъ Тобольскаго консисторскаго архива Н. А. Абрамовъ доискался, что ссылка Новицкаго, вмѣстѣ съ другими 15-ю лицами, относится къ 1712 году; но ближайшая причина ея остается не раскрытою. Въ бытность свою въ Сибирѣ Григорій Новицкій пользовался расположеніемъ губернатора князя Михаила Петровича Гагарина и митрополита Филофея; послѣднѣго онъ сопровождалъ въ его путешествіяхъ для проповѣди христіанской

¹⁾ Посвященіе это напечатано въ запискѣ моей о сочиненіи Гр. Новицкаго въ *Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества* т. XI, отд. 2, стр. 1—2.

²⁾ См. *Отчетъ Русск. Геогр. Общества за 1854 г.*, стр. 54.

³⁾ Здѣсь хотѣли быдти опечатки нѣсколько неравныя въ мѣстахъ поданія опечатокъ. На стр. 19 и 20 собственное имя Чичина слѣдуетъ читать Чичина; на стр. 21, въ строѣ 9 сверху, выето Емичера должно быть Емичери; на стр. 47, въ строѣ 11 сверху, выето александри должно читать александри; на стр. 56, въ строѣ 12 сверху, выето и; апри должно быть: и апри

вѣры Остаканъ и Вогуламъ; эти-то поѣздки и подали Новицкому поводъ къ сочиненію „Описаніи“ въ 1715 году. Изъ разсмотрѣнныхъ Абрамовымъ дѣлъ консисторскаго архива обнаруживается, что при преемникѣ Филовеѣ, митрополитѣ Антоніѣ (Стаховскомъ), Новицкій назначенъ былъ въ Ковдинской волости надирателемъ за исполненіемъ пономощеніемъ Остаканъ христіанскихъ обязанностей и тамъ впоследствии убитъ вмѣстѣ со священникомъ Сентяшевскимъ ¹⁾. Случилось это уже послѣ 1720 года, когда скончался Филовей.

Изъ сочиненія Новицкаго, которое, къ сожалѣнію, осталось не оконченнымъ, обнаруживается, что авторъ его обладалъ замѣчательнымъ по своему времени образованіемъ. Ссылки Новицкаго на Овидіа свидѣлствуютъ, что онъ зналъ по латини и читалъ римскихъ поэтовъ; свидѣнія же по исторіи Сибири, приводимыя имъ въ §§ 6—9 главы I-й „Описаніи“, показываютъ, что онъ ознакомился съ прошлыми судьбами Сибирскаго края изъ Сибирской лѣтописи Саввы Есипова, сочиненія, которое пользовалось въ XVIII в. и въ первой половинѣ XVIII вѣка большою извѣстностью между людьми, интересовавшимися исторіей Сибири ²⁾.

Крайне замѣчательно сочиненіе Новицкаго по внутреннему своему содержанію. Извѣстія его о миссіонерской дѣятельности преосвящ. Филовеѣ даютъ „Краткому описанію“ значеніе первоисточника въ этомъ отношеніи; а сообщаемые имъ многочисленные факты о древнемъ бытѣ западно-сибирскихъ инородцевъ ставятъ его на ряду съ записками старинныхъ католическихъ миссіонеровъ въ Америкѣ, напримѣръ, Лавито (Lafiteau) и Шарлевуа (Charlevoix), съ „Описаніемъ Камчатки“ Крашенинникова и съ описаніями путешественнѣй кругосвѣтныхъ мореплавателей прошлаго вѣка, изъ которыхъ новѣйшіе этнографы почерпаютъ столько важныхъ извѣстій по сравнительной исторіи культуры. Относительно этнографія сибирской это — первое по времени специальное сочиненіе. Да и

¹⁾ *Временникъ Общества исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ*, кн. XX, статья Абрамова о Сибирскихъ митрополитахъ Филовеѣ Лещинскомъ, стр. 3, прим.

²⁾ Объ этомъ можно судить по множеству дошедшихъ до насъ списковъ, въ разныхъ редакціяхъ, лѣтописи Есипова, относящихся къ описанному періоду времени. Любопытно, что существуетъ одинъ списокъ лѣтописи Есипова, первоначальной редакціи, писанный южно-русскими етеркомъ и съ христіанскими приписками малороссійской речі. Списокъ этотъ находится въ бібліотекѣ Императорской Академіи Наукъ и поступилъ туда отъ Шенцера въ 1767 г., какъ значитъ въ пометѣ.

вообще ему слѣдуетъ отвести почетное мѣсто въ русской ученой литературѣ Петровскаго времени; въ ряду литературныхъ памятниковъ, оставленныхъ писателями, восставшими на почвѣ схоластическаго направленія, не много найдется произведеній, которыми были бы столь богаты фактическимъ содержаніемъ самаго живаго интереса ¹⁾.

Оставившееся до сихъ поръ не изданнымъ, сочиненіе Гр. Новицкаго еще въ рукописи давно обращало на себя вниманіе исследователей этнографіи и исторіи Сибири. Кромѣ Н. А. Абрамова, изъ него вытектали свѣдѣнія протоіерей Ал. Сулицкій ²⁾, П. А. Словцовъ ³⁾, Гр. Ив. Спасскій ⁴⁾ и еще во второй половинѣ прошлаго вѣка—тобольскій ямщикъ Илья Черепановъ, авторъ такъ-называемой „Новой Сибирской лѣтописи“, доселѣ не изданной ⁵⁾. Но всѣхъ болѣе воспользовался сочиненіемъ Новицкаго одинъ вѣннйшій Шведъ (или Нѣмецъ), находившійся одновременно съ нимъ въ Tobolsk. Это былъ драгунскій капитанъ L.-B. Мюллеръ, почти цѣлкомъ переведшій „Краткое описаніе“ въ своей статьѣ „Das Leben und die Gewohnheiten der Ostiaken“, приложенной къ извѣстному сочиненію Фр.-Хр. Вебера: Das veränderte Russland (Hamburg. 1731). Статья Мюллера, составленная въ Tobolsk въ 1716 году и пять лѣтъ спустя уже напечатанная, впервые обстоятельно познакомила ученую Европу съ одною изъ важнѣйшихъ племенныхъ группъ Западной Сибири. Между тѣмъ оказывается, что заслуга эта принадлежала въ сущности Русскому, Григорію Новицкому, имя котораго даже и не упомянуто Мюллеромъ.

Считаю долгомъ выразить мое глубокую признательность почтенному П. Н. Тиханову, который раздѣлялъ со мною трудъ по печатанію „Краткаго описанія“ и составилъ къ нему указатель.

Л. Майковъ.

¹⁾ Въ удивленію, Н. П. Пекарскій, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“, вовсе не упоминаетъ о трудѣ Новицкаго.

²⁾ Святитель Филоней, митрополитъ Сибирскій и Tobolskій. Изд. 2-е. Омскъ. 1882.

³⁾ Историческое описаніе Сибири. М. 1839.

⁴⁾ Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ.

⁵⁾ См. мою записку о ней въ 7-мъ выпускѣ Личности замѣной археографической комиссіи, отд. IV, стр. 40.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ

О

НАРОДѢ ОСТЯЦКОМЪ

ИЛИ

ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ ПОЛНОЧНЫХЪ ЦАРСТВА СИБИРСКАГО ОБРѢТАЕТСЯ
ОБЪ НѢКОТОРЫМЪ ТОГО ЖЕ ГОСУДАРСТВА
ОСОВНѢЙШИХЪ ВЕЩЕЙ ВЪДЕНІЕМЪ

А НАМНАЧЕ

О ЖИТИИ, ОБЫЧАЯХЪ И ПРЕБЫВАНІИ СЕГО ОСТЯЦКОГО НАРОДА,
ТОЖДЕ ИХЪ ПРЕЖДНОМУ ЗЛОЧЕСТИЮ КУМИРОСЛУЖЕНІЯ, О ОВРАЩЕ-
НІИ ВЪ ПРАВОСЛАВНУЮ БЛАГОЧЕСТИВУЮ ХРИСТИАНСКУЮ ВѢРУ

ИЛИ

ГОСПОДУ СПОСОБСТВУЮЩУ ТЩАНІЕМЪ СІЯТЕЛНѢЙШАГО КНЯЗЯ
МАТВЕЯ ПЕТРОВИЧА ГАГАРЫНА, ГУБЕРНАТОРА ЦАРСТВА СИБИРСКАГО,
ПРОПОВѢДІЮ ЖЕ ТРУДОЛЮБНОГО БЛАГОЧЕСТІЯ ПРОПОВѢДНИКА И УЧИТЕЛЯ
ПРЕОСВЯЩЕННАГО АРХИЕРЕЯ ФЕОДОРА СХИМОНАХА

СОБЫТІЕМЪ

ВЪ ВРЕМЯ ПРАВЛЕНІЯ ПРЕСТОЛОМЪ МЕТРОПОЛИИ СИБИРСКОЙ ВЕЛИКАГО І ПАПА
ПРЕОСВЯЩЕННАГО АРХИЕРЕЯ ЮЛІА МАФИМОВИЧА

СПИСАНО ЖЕ ЗА ПОВЕЛѢНІЕМЪ ЕГО КНЯЖЕСКОЙ СВѢДОСТИ ГУБЕРНАТОРА СИБИРИ
НИЖАЙШИМЪ ЕГО РАБОМЪ ГРИГОРІЕМЪ НОВНИКИМЪ